

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

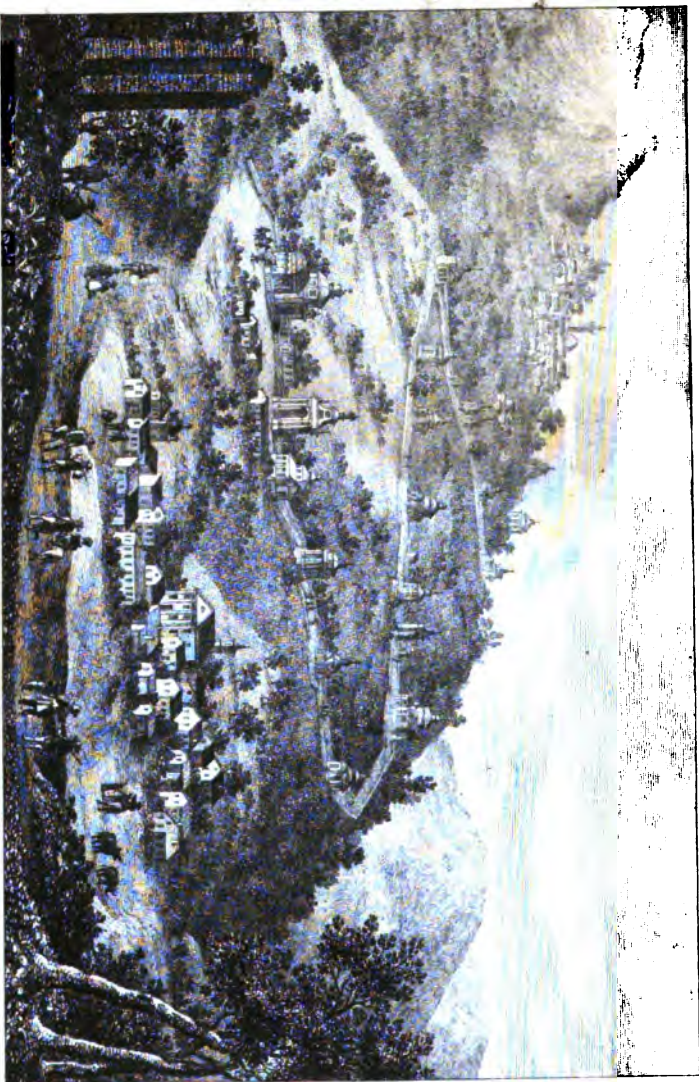
We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

Замука Фг. Шума. Врмс III, сmp 211.

Анотация 1/18. Врмс.

ВНАБ СВАТОМ ГОРБИ, БИМЪ РАРЕБА.

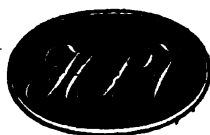
ЗАПИСКИ
РУССКАГО
ПУТЕШЕСТВЕННИКА,

А. Глаголева,

съ 1823 по 1827 годъ.

Ч А С Т Ъ Ш.

Женева. Савоія. Верхняя Италия.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
Въ типографіи Императорской Россійской Академіи.

1837.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы, по напечатаніи, представлены были въ Цензурный Комитетъ три экземпляра.

С. Петербургъ, Апрѣля 6 дня 1835 года.

Ценсоръ Александръ Никипенко.

ОГЛАВЛЕНИЕ III-й ЧАСТИ.

Стран.

ЖЕНЕВА, 1823—1825 года.

Положеніе города. Замѣчательнѣйшія улицы. Модные магазины. Портшезы. Терраса Трель. Ботаническій садъ. Островъ; гидравлическая машинна. Плата за входъ и выходъ изъ города ночью. Маневры національной гвардіи.....1.

ПРОДОЛЖЕНИЕ.

Народонаселеніе Женевского кантона. Дачи городскихъ жителей. Гора Салевъ. Альпійскій водопадъ. Горныя пещеры.....11.

ФЕРНЕЙСКІЙ ЗАМОКЪ.

Положеніе и наружность замка. Спальня Вольтера. Портретъ Екатерины II. Памятникъ Вольтеру. Страсть его къ театру; пренебреженіе къ Женевской республикѣ; раздражительность противъ Іезуитовъ и Католическаго духовенства. Свиданіе Вольтера съ квакеромъ изъ Филадельфіи. Рѣшеніе вопроса: вѣровалъ ли Вольтеръ въ бытіе Бога. Благотворительность его въ бѣднѣхъ.....17.

ПОЪЗДКА ВЪ ШАМУНИ, 1823 года Августа...

Надпись Французской директории на фронтонъ Католической церкви въ г. Шенг. Утесъ съ вертикальными слоями. Городъ Бонвилъ. Саволрскія деревни; гумно и токъ подъ крышею домовъ. Балмская подвѣра. Озеро Фленское на горѣ. Горное эхо. Арпенасскій водопадъ. Мѣсто Римскаго города Дюнсия, поглощеннаго водою. Шедскій водопадъ. Шедское озеро. Развалины горы Аутериа. Черный водоскатъ. Памятникъ Датчанину Эшену, погибшему въ ледникъ горы Бюета. Римская каменная мостовая. Анекдотъ о заколованномъ кладѣ въ замкѣ Св. Михаила.....34.

ШАМУНИ, 6 Августа.

Шамунійская долина. Вооруженная экспедиція Покока въ 1741 году для открытій въ здѣшнемъ краю. Вожатые, пользующіеся Европейскою извѣстностію. Освященіе Монблана и смежныхъ горъ при заходѣнн солнца.....50.

ЛЕДЯНОЕ МОРЕ, 7 Августа.....56.

ПРОДОЛЖЕНІЕ.

Группы торъ въ видѣ треугольниковъ. Образование ледниковъ; движеніе ихъ внизъ цѣлыми массами; измѣреніе пространства, занимаемаго ими между Монбланомъ и Тиролемъ. Предосторожности для путешествія по ледникамъ. Пастухъ —выходецъ изъ ледяныхъ пропастей. Талеорскій садъ посреди ледниковъ. Павильонъ на Монтанверѣ; книга друзей. Арвейронскій водоскатъ. Исторія братьевъ Шарле, пострадавшихъ отъ снѣгу и отъ Русскихъ.....61.

ВЪРОИСПОВѢДАНІЕ ЖЕНЕВЦЕВЪ70.

III

	Стран.
ГРАЖДАНСКІЕ ПРАЗДНИКИ ВЪ ЖЕНЕВЪ.....	79.
УЧЕНЬЯ ОБЩЕСТВА.....	89.
КЛУБЫ.....	95.
ПОВЪЗКА ВЪ СВЕРНУЮ ШВЕЙЦАРІЮ, 182 $\frac{1}{2}$ года <i>Августа</i>	101.
БАДЕНЪ ВЪ ШВЕЙЦАРІИ.....	106.
ЦЮРИХЪ.....	108.

ЖЕНЕВА....

ПУБЛИЧНЫЯ ЛЕКЦІИ Г-на ДЮРАНА.....	119.
ИГРА Г-жа ДЮШЕНУА, ПЕРВОЙ ТРАГИЧЕСКОЙ АКТРИСЫ ПАРИЖСКОЙ 1825 года.....	125.
КОМИЧЕСКІЙ АКТЕРЪ ПЕРЛЕ.....	154.
ЭСЪ ВЪ САВОИИ, 5 <i>Августа</i> н. с. 1825 года.....	170.
ПРОДОЛЖЕНІЕ, 8 <i>Августа</i> н. с.....	179.

ПУТЕШЕСТВІЕ ПО ИТАЛІИ.

БРИГЪ, $\frac{1}{2}$ *Августа* 1825 года.

Города Тонинъ и Эвианъ. Дорога и утесы Мельерійскіе. Кан- тонъ Валезскій: г. Сентъ-Морисъ, водопадъ Писвапта; г. Сионъ; крегивы; смѣшеніе климатовъ.....	184.
СИМПЛОНЪ, $\frac{1}{2}$ <i>Августа</i>	190.
БАВЕНО.....	199.
БОРРОМЕЙСКІЕ ОСТРОВА, $\frac{1}{2}$ <i>Августа</i>	202.
СВЯТАЯ ГОРА.....	211.

МИЛАНЪ, 19 Августа. СОВОРНАЯ ЦЕРКОВЬ.....215.

ДОСТОПРИМЪЧАТЕЛЬНОСТИ ЦЕРКВЕЙ МИЛАН-
СКИХЪ.....224.

ПРОДОЛЖЕНІЕ.

Знаменитые зодчіи: Брамантъ, Пеллегрини и Периарики:
театры Скала и Канобіала.....231.

АРЕНА.....236.

ТОРЖЕСТВЕННЫЯ ВОРОТА НА МАРСОВОМЪ
ПОЛЪ.....239.

ЛОМБАРДСКАЯ ШКОЛА ЖИВОПИСИ.....241.

ОРИГИНАЛЬНЫЙ КАРТОНЪ АФИНСКОЙ ШКО-
ЛЫ, РАФАЕЛЯ.....247.

БРЕРА, 18 Августа.
30 Сентября.....250.

БРЕСКІЙ АЛМАЗЪ.....256.

ПРИДВОРНЫЙ НАПОЛЕОНОВЪ ЖИВОПИСЕЦЪ
АППАНИ.....260.

БРЕСЦІЯ, 30 Августа.
1 Сентября.

Вновь открытый Римскій храмъ. Рѣшеніе вопросовъ, когда
онъ построенъ, кому посвященъ и по какому случаю замы-
панъ былъ землею. Произведенія Рафаеля и Кановы въ домъ
графа Пауло Този.....266.

ВЕРОНА $\frac{21 \text{ Августа.}}{2 \text{ Сентября.}}$

Огромный древний амфитеатр. Споръ объ немъ антикваріевъ, — образчикъ полемикн среднихъ вѣковъ. Римскія ворота и мостъ, строенные Витрувіемъ. Примѣчательныя новыя зданія. Павелъ Веронезъ. Древности въ Веронеттѣ.....271.

ВИЧЕНЦА, $\frac{22 \text{ Августа.}}{3 \text{ Сентября.}}$

Описаніе Олимпійскаго театра, сооруженнаго знаменитымъ Палладіемъ, по образцу древнихъ театровъ.....280.

МЕСТРА.

Берега Бренты. Венеціанская серенада. Метода Италіянскаго пѣнія. Характеръ Италіянскихъ народныхъ пѣсень.....288.

ВЕНЕЦІЯ, $\frac{25 \text{ Августа.}}{4 \text{ Сентября.}}$

Видъ Венеціи и окружающихъ ее острововъ. Планъ города, пересѣкаемаго 400 каналовъ. Гондолы. Ріальтскій мостъ. Устройство гостиницы Британія292.

ПРОДОЛЖЕНІЕ.

Площадн Св. Марка и дворца Дожей. Наружность церкви Св. Марка. Четыре бронзовые коня, приписываемые Лизиппу. Богатыя украшенія портика, стѣвъ и сводовъ храма. Святыхъ. Археологическіе памятники299.

ДВОРЕЦЪ ДОЖЕЙ.

Фасадъ; дворъ; большія и малыя залы. Изображенія Вары и Венеціи. Тинтореттовъ рай. Антики. Страшный судъ млад-

шаго Пальмы. Впечатлѣнія, оставшіяся послѣ посѣщенія дворца Дожей.....307.

ПРОДОЛЖЕНІЕ.

Примѣчательнѣйшія церкви въ Венеціи: Св. Апостоловъ Іоанна и Павла; Поіезувтская; Здравія; Дельѳарри.....315.

ПРОДОЛЖЕНІЕ.

Оружейная зала Арсенала; памятникъ Анджелу Эму, Кановы. Картинная галлерей гр. Манѳрини: Носъ Ковчегъ и снятіе со креста, Рафаеля. Академія художествъ: Венера Медицейская и Венера Кановы; модель памятника Кановъ; Вознесеніе Божіей Матери, — Тиціана.....318.

ПАДУА, $\frac{1}{13}$ Сентября.....325.

ФЕРРАРА, $\frac{2}{11}$ Сентября.....329.

БОЛОНЬЯ, $\frac{3}{12}$ Сентября.....331.

ВИДѢНІЕ.....355.

БОЛОНСКІЙ УНИВЕРСИТЕТЪ.....537.

МОДЕНА, $\frac{4}{13}$ Сентября.....340.

ПАРМА, $\frac{7}{15}$ Сентября.....342.

ПАЧЕНЦА и ЛОДИ, $\frac{8}{20}$ Сентября.....345.

ТУРИНЪ, $\frac{14}{27}$ Сентября.

Мѣстоположеніе. Дворцовая площадь. Дворецъ. Университетъ. Планировка улицъ. Площадь Са. Карла. Церковь Суперга.....349.

VIII

	Стран.
ГАЛЕРЕЯ МАРКИЗА ГАМБИАТИ.....	355.
СУЗА, $\frac{20 \text{ Сентябр.}}{2 \text{ Октябр.}}$	360.
МОНСЕНИСЬ, $\frac{21 \text{ Сентябр.}}{3 \text{ Октябр.}}$	363.
АЛЬПЫ.....	370.
ДОЛИНА МОНМЕЛЬЯНСКАЯ.....	373.
ИТАЛЛЯНЦЫ.....	375.

ЖЕНЕВА, 1823—1825 года.

ПОЛОЖЕНІЕ ГОРОДА. ЗАМЕЧАТЕЛЬНѢЙШІЯ УЛИЦЫ. МОДНЫЕ МАГАЗИНЫ. ПОРТШЕВЫ. ТЕРРАССА ТРЕЛЬ. БОТАНИЧЕСКІЙ САДЪ. ОСТРОВЪ; ГИДРАВЛИЧЕСКАЯ МАШИНА. ПЛАТА ЗА ВХОДЪ И ВЫХОДЪ ИЗЪ ГОРОДА НОЧЬЮ. МАНЕВРЫ НАЦИОНАЛЬНОЙ ГВАРДІИ.

Я оспановился на *Живыхъ водахъ* въ домъ Гренады, гдѣ и буду имѣть постоянную квартиру, можетъ быть, во все время моего пребыванія въ Женевѣ. Живыми водами называется одно изъ предмѣстій, простирающееся по лѣвому берегу озера. Названіе свое оно получило вѣроятно отъ свѣплыхъ ручьевъ, бѣгущихъ съ ближняго холма, покрышаго прекрасными дачами, но, къ сожалѣнію, загораживающаго великолѣпную картину Альпійскихъ горъ.

Часть III

1

Рона, съ яроспiю вырывающаяся изъ озе-
ра, раздѣляетъ Женеву на двѣ неровныя по-
ловины, изъ которыхъ главнѣйшая лежитъ на
лѣвомъ берегу рѣки, на вершинѣ холма, на
крутыхъ его скалахъ и на ровномъ подолѣ.
Параллельная Ронѣ улица, называемая Deggîère
le Rhône заключаетъ въ себѣ всѣ лучшія
гостиницы, коншору дилижанса и при-
стань Molard для судовъ съ грузомъ; вторая,
знаменитая подъ именемъ *Низовой улицы* (Rues
basses), проходитъ черезъ весь городъ съ сѣ-
вера на югъ, и сообщается съ первою по-
средствомъ множества крытыхъ и пем-
ныхъ переулковъ, проведенныхъ подъ домами
для удобства пѣшеходцевъ. Низовая улица
достопримѣчательна по разнообразію мага-
зиновъ, но непрерывному на ней движению
и по уродливости своего устройства. Дома
высокіе и слишьяе подъ однимъ уровнемъ поль-
но со стороны Роны перерываются время
площадями. Крыши домовъ спускаются на
нѣсколько саженъ въ видѣ нахлѣста, поддер-
живаемыя деревянными столбами или, пра-
вильнѣе, сплоченными бревнами. Эти нахлѣсы,
весьма справедливо названные однимъ Фран-

кузомъ, каррикатурою Бернежтхъ галлерей, заслоняющъ солнечный и дневный свѣтъ въ чепвершомъ и прешьемъ жильяхъ, и вообще дающъ улицѣ видъ мрачный. Нижніе этажи всѣ заняты магазинами съ разными поварамъ; суконныя и шелковыя издѣлія, галантерейныя вещи, моды, эшампы, хрустали и фарфоры разбросаны какъ бы съ намѣреніемъ, чшобы развлекать взоръ и вниманіе.

Магазинами завѣдываютъ, кромѣ мушинъ, женщины и дѣвицы; первыя, во время опусканія покупателяей, сидятъ за рукодѣльемъ, послѣднія занимающа чпеніемъ, списываніемъ нотъ или рисованьемъ. Между пропуарами и мосшовой съ обѣихъ сторонъ дянуща ряды мѣлочныхъ лавокъ, поспроенныхъ наподобіе миниатюрныхъ домиковъ. Здѣшнее правительствво имѣетъ намѣреніе уничтожитъ эти лавочки и разрушитъ наѣсы, осшающіеся единственными памятниками нелѣпаго вкуса прошедшихъ сполѣній. Если это предположеніе приведется въ исполненіе, то можно будетъ въ собственномъ смыслѣ примѣнить къ ннзовой улицѣ слѣдующій девизъ Женевскаго герба:

„Post tenebras lux: послѣ мрака свѣтъ.“ Слѣ-
рожилы Женевскіе ропщутъ проптивъ пред-
полагаемаго разрушенія лавокъ и въ особен-
ности навѣсовъ, копорые до сихъ поръ слу-
жили имъ неподвижнымъ зоншикомъ лѣ-
тпомъ опъ жара, а зимою опъ ненастья;
напротивъ того молодые люди защищаютъ
пользу этого нововведенія и даже сочинили
пѣсню, въ которой заспавмли спариковъ
оканчивашъ каждый куплетъ слѣдующимъ
воплемъ: „*helas! helas! les dômes à bas!*“

Большая часть улицъ и переулковъ, рас-
положенныхъ по скапамъ холма, имѣя осно-
ваніемъ своимъ низовую улицу и образуя
различныя приугольники, сходяпся, передъ
соборнымъ храмомъ Св. Пепра или сосредото-
чивающпся нѣсколько далѣ на площади
Bourg de four. Изъ числа сихъ послѣднихъ
въ градской улицѣ *de la Cité* и въ большой
Grande-Rue помѣщающпся модныя магазины и
конпоры банкировъ. Параллельная сей по-
слѣдней, называемая загуменьемъ, *Derrière les*
Granges, гдѣ за спо лѣпъ передъ сямъ еще
находились житницы съ хлѣбомъ и гумны,
нынѣ оплпчается усройствомъ домовъ

своихъ, стоящихъ на шеррассахъ, покрытыхъ садами. Вообще въ верхней части города живутъ люди или богатые или члены совѣта или принадлежащiе къ лучшему обществу; это дало поводъ одному Женевцу сказать, что степенни благородства Женевскихъ гражданъ намѣряются лѣспницами: „Nos degrés de noblesse sont des escaliers.“

Дома въ Женевѣ почти всѣ крыши черепицею; стѣны неокрашены и имѣютъ видъ мрачный; дворовъ очень немного. Окружность города, сжатая земляными укрѣпленiями, такъ мала, что въ 15 или 20 минутъ можно пройти его отъ одного конца до другаго. При томъ большая часть улицъ и переулковъ такъ тѣсны и круты, что употребленiе экипажей не только неудобно, но почти и невозможно. По этому шаровъ здѣсь мало, линѣекъ еще меньше, а кареты совсѣмъ не употребляются. Одни только поршшезы, п. е. крышыя кресла съ дверцами, прикрѣпленныя къ носилкамъ, вспрѣчаются нерѣдко ночью и особливо въ ненастное время. Старыя дамы, а часто и молодыя во всемъ своемъ нарядѣ садятся,

при выходѣ изъ дома, въ эши кресла и на парѣ наняныхъ носильщиковъ, подобно древнимъ Римлянкамъ, опсправляющія на вечеринку, въ театръ и даже на балъ.

Трель еспь одно изъ любимыхъ гульбищъ Женевскихъ, и особенно осенью и зимою; опть того что оно лежитъ на южной оконечности холма и защищается домами опть сѣвернаго вѣтра, назъснато здѣсь подь именемъ бизы (la bise). Собспвенно Трель еспь родъ террасы, осъенной двумя рядами дикихъ каштановъ, съ копорой видно вдругъ нѣсколько городовъ и множество деревень, принадлежащихъ кантону, Савоии и Франціи. Всѣ эши ландшафты оцѣлены просширающимися въ видѣ полукружія горами Юрою, Вуашемъ и Салевомъ.

Подь скапомъ террасы, на низкомъ и ровномъ лугу, находится *Ботанигескій садъ*, богатыи расшнями разныхъ часпей свѣта. Имъ завѣдываетъ знаменитый Декандоль, копорый преподаетъ здѣсь спудентамъ академіи свои лекціи о ботаникѣ. Фасадъ оранжереи украшенъ бюспами есптесшвоиспытана-

шелей: Трембля, Боннеша, Соссюра, Семейе, Шабре и даже Жанъ-Жака Руссо, какъ автора одного небольшого разсужденія объ эпой наукъ. Садъ открытъ для публики во всѣ дни, исключая воскресные и праздники. Посреди его находящіяся бассейны съ водопомомъ; съ одной стороны пешепрь, съ другой, на возвышеніи, домъ г. Эйнара, единственныи въ цѣломъ городѣ по красотѣ зодчества и правильности вкуса. Рядомъ съ ботаническимъ садомъ и цвѣшникомъ Эйнара еспь нѣсколько каштановыхъ аллей съ лужайками и холмиками. Не смотря на прохладу пѣней и на свѣжесть воздуха, наипаннаго благовоіемъ правъ и цвѣшовъ, Женевцы не любятъ этого гульбища, пробуждающаго воспоминанія мрачныя о революціи 1794 года, когда погибло здѣсь отъ несповства черни около 300 гражданъ, — большею часпію виновныхъ только въ томъ, что они принадлежали къ классу людей образованнѣйшихъ и, по образу мыслей своихъ, — благороднѣйшихъ. Къ сожалѣнію, насыпь, на которой сооруженъ былъ эшафотъ, до сихъ поръ не срыта, и даже вошла въ со-

спавъ сада, какъ одно изъ главнѣйшихъ его украшеній!...

Оспровѣ, образуемый двумя рукавами Роны, имѣетъ 660 фузовъ длины и отъ 200 до 240 широты. Прибрежные дома большею частію заняты банями, красильнями и разными заводами, имѣющими нужду въ водѣ. Между прочимъ находится здѣсь *гидравлическая машина*, снабжающая водою всѣ публичные и частные источники въ городѣ. Она состоить изъ двухъ бассейновъ, изъ которыхъ одинъ на 70, а другой на 130 фузовъ выше Роны; каждый изъ нихъ наполняется посредствомъ четырехъ шрубовъ, проведенныхъ отъ поверхности рѣки и движимыхъ колесомъ, имѣющимъ 27 фузовъ въ поперешникѣ. Въ обыкновенное время эта машина доставляетъ воды въ одну минуту около 400 кубическихъ или 500 сексариевъ Женевскихъ.

Въ кварталѣ *Сенжерве*, по правую сторону Роны, улица *Кутансѣ* имѣетъ такіе же безобразные навѣсы съ деревянными столбами, какіе находятся въ Низовой улицѣ. На стѣнѣ храма Сенжерве сохранились имена

17 гражданъ, погибшихъ во время ночнаго нападенія герцога Савойскаго въ 1602 году. Улица *Святыхъ тѣлесъ* (des corps Saints) получила свое названіе, если вѣришь преданію; отъ того, что въ ней погребены Святые мученики Назаръ и Цельсъ.

Вокругъ города, во многихъ мѣстахъ, видны ошпашки прежнихъ каменныхъ стѣнъ; сверхъ того онъ имѣетъ еще вновь успроенныя земляныя укрѣпленія. Со стороны озера защищенъ сваями, а между ними всякой вечеръ, по захожденіи солнца, пропягивается желѣзная цѣпь, такъ что суда, не успѣвшіе войти въ Рону, оспаюся на озерѣ до утра. При наступленіи ночи запираюся вообще всѣ ворота Женевскіе, какъ водихся въ укрѣпленныхъ городахъ. Хотя до 11 часовъ ночи не запрещаюся ни входъ ни выходъ, но не иначе какъ съ плашою пошлины, которая соспавляетъ значительный доходъ города. Обыкновенно пѣшеходцы плашаютъ, смотря по времени года, болѣе или менѣе су, а экипажи около одного или двухъ флориновъ. Съ 11 часовъ ночи до утра вороща могутъ

были опворены только съ дозволенія военнаго Сидика.

Недавно были передъ крѣпостью маневры національной гвардіи; мнимый непріятель занялъ вышнія высоты артиллерією; выспрохлъ конницу и двигалъ непрерывно пѣхоту; но послѣ жаркаго написка, продолжавшагося около 3 часовъ, опраженъ былъ внутреннею спражею.

На самомъ же дѣлѣ опытъ доказалъ прошивное. Французы въ 1792 году заняли эту крѣпость безъ всякихъ съ ихъ спороны пожертвованій; равнымъ образомъ и оставили ее въ 1813 году, по приближеніи Авспрійцевъ, въ самое короткое время. По исчисленію инженеровъ, Женева можетъ держаться противъ непріятели только девять дней, при самомъ упорномъ сопротивленіи и при соблюденіи всѣхъ условій, предписываемыхъ для защиты.

ПРОДОЛЖЕНІЕ.

НАРОДОНАСЛЕНІЕ ЖЕНЕВСКАГО КАНТОНА. ДАЧИ ГОРОДСКИХЪ ЖИТЕЛЕЙ. ГОРА САЛЕВЪ. АЛЬПІЙСКІЙ ВОДОЕМЪ. ГОРНЫЯ ПЕЩЕРЫ.

Въ продолженіе недѣли городъ поспоянно бываетъ одушевленъ шорговлею и движеніемъ, а съ наступленіемъ воскреснаго дня домы пускѣются и по улицамъ насипаетъ глубокая пившина. Цѣлыя семейства, богатые и бѣдные, — негоціанты, художники и ремесленники, мужчины и женщины, — всѣ переселяются въ окрестности и разсыпаются въ кантонъ и внѣ кантона. Родственники и знакомые, собираясь въ респораціяхъ, раздѣляются на группы, заказываютъ обѣдъ, пьютъ вино, угощаютъ другъ друга и при расчетѣ каждый платитъ за себя. —

Женевскій кантонъ заключаетъ въ себѣ 37 общинъ (communes); изъ нихъ 15 сославляли прежній его округъ, 16 присоединены

акпомъ Вѣнскаго конгресса въ 1815 году
отъ Савоіи и 6 отъ Франціи. Въ самой
Женевѣ счищается 25,000 жилищей, и въ
кантонѣ 19,000; все сіе народонаселеніе по-
мѣщается на проспранствѣ 12 квадратныхъ
миль Швейцарскихъ, и слѣдовательно по
3578 на милью, которая равняется здѣсь
2313 $\frac{8}{10}$ Парижскихъ туазовъ или около 4
верстѣ (*)

Красивыя дачи городскихъ жителей въ
новомъ вкусѣ и спаринные дома поселянъ
разсѣяны почти по всему кантону; пустыя,
ненаселенныя мѣста заняты садами, вино-
градниками, огородами и паспбищами. Во-
кругъ ихъ пѣянуся высокія каменные спѣ-
ны въ видѣ уврѣженій; въ садахъ и надъ
дорогами споянъ кашпановыя деревья, жи-
вые памятники садоводства семнадцатаго
сполѣтія, когда они появились здѣсь въ пер-
вый разъ подъ именемъ Индѣйскихъ кашпа-
новъ. Мода и сухость здѣшней почвы способ-
ствовали въ то время къ повсемѣстному
ихъ разведенію. Развѣсистыя ихъ вершины

(*) Одна верста $5\frac{1}{4}$ туазовъ.

умѣряющъ жарь, отражаемый каменными спѣнами; но вмѣстѣ съ ними послѣдними загораживающъ окрестныя виды и помнящъ почти непрерывно любопытство путешественника.

Ближайшая изъ горъ, окружающихъ Женевскій кантонъ, есть Большой и Малый Салевъ; она лежитъ въ $1\frac{1}{2}$ миль отъ Женевы, во владѣнιάхъ Короля Сардинскаго, простираясь на 4 миль отъ сѣверовостока къ югозападу. Фасадъ ея, имѣющій около 500 сажень высоты, состоитъ изъ скалъ известковаго бѣлаго камня, копорыя поднимающся одиъ надъ другими въ видѣ перрассъ, покрытыхъ кустарникомъ.

Въ первый разъ я былъ на Маломъ Салевѣ съ молодымъ графомъ Д... Оставивъ коляску въ деревнѣ Вуарье, мы пошли по узкой пропикѣ *pas de l'Echelle*, получившей это названіе отъ одной крушой лѣспницы, вырубленной въ скалѣ надъ пропастью, и черезъ полчаса уже находились на площадкѣ жерла, отдѣляющаго Малый Салевъ отъ Большаго, подлѣ развалинъ замка, называемаго *Ermitage*. Исторія его переплетя

въ незавѣспности, но, кажется, онъ принадлежишь среднимъ вѣкамъ, когда духъ времени спавилъ опшельничество въ числѣ великихъ подвиговъ самоопшверженія. Спѣны замка еще уцѣлѣли, но пополокъ обрушился, помоситъ засыпанъ камнями и поросъ крапивою. Надъ дверями сохранился слѣдующія слова: „Nasci, pati, mori. M. O. M. P. D. G. ш. е. родишься, шеритъшь, умереть.“

Замокъ *Эрмитажъ* стоишь надъ большимъ ушесомъ; внизу пѣнился Арва; вдали холмы съ мѣстечками, города и Женевское озеро; на западѣ длинная цѣпь Юры, на северѣ хребеть Юраша, на югѣ Вуангъ, на востокѣ Воаронъ и Салева. Всѣ эти горы съ разныхъ споронъ запираюшь пошь огромный водоемъ, копорый, по мнѣнью Соссюра, нѣкогда весь былъ наполненъ водою отъ распаявшихъ внезапно снѣговъ Альпійскихъ. Граничные опломки, величиной въ 20 и 30 квад. фушовъ, копорыми усыпана восточная спорона Салева, равно какъ и Юры, служатъ неоспоримымъ доказательствомъ бывшаго нѣкогда здѣсь снрашнаго переворота. Полагаюшь, что опломки, совсѣмъ гудме

соспаву эпиткь горь, замесены съ верхнихъ Альповъ, опсипоящихъ опгь Салева на 12, а опгь Юры на 18 миль. Гранитные дамки въспрѣчающся шакже въ большомъ количествѣ по теченію Арвы и въ Валлійскомъ кантонѣ, по направленію Ромы. Одинъ изъ нихъ, наивѣшній подъ именемъ *Nispona*, о которомъ сказано было выше, заброшенъ въ нижнюю часть озера.

Неволью седрогаешься, когда воображаешь эпиткь необычайный феноменъ природы,— эпиткь фіаль гѣва Божія, излившіяся въ попопѣ. Цѣлыя рѣки падають съ подоблачныхъ вершинъ, уносятъ съ собою унесы и образують на сушѣ неизмѣримый океанъ; наконецъ спремленіе и напоръ воды разрывають почву Юры и несуть опуспшеніе на опдаленныя равнины. Эпиткь разрывъ, называемый нынѣ *pas de l'Écluse*, служить доселѣ единспвеннымъ прошокомъ для всѣхъ Альійскихъ рѣкъ и ручьевъ, текущихъ здѣсь на западъ.

Недалеко опгь Эрмипажа находишся въ горѣ достопримѣчательный гротъ или галерея, углубленная опгь 20 до 30 фушовъ, и

проспировающаяся въ длину на 91 сажень; она имѣетъ наклоненіе къ сѣверу и съ передней стороны вся открыта. Соссюръ также приписываетъ ея образованіе наводненію.

Нѣсколько выше этого гроба находились другой, подъ именемъ *Демоновой лазей* (*balme de Démon*), вѣроятно такъ названный отъ опаснаго и почти совсѣмъ неудобопримступнаго въ него входа. Не имѣя въ виду никакихъ историческихъ свидѣтельствъ о построеніи самаго замка Эрмитажа, трудно разрѣшить вопросъ и объ этихъ гробахъ, усроены ли они природою или руками человѣческими. Въ Швейцаріи и въ Альпахъ встрѣчается множество подобныхъ гробовъ, изрытыхъ водою; впрочемъ памятники среднихъ вѣковъ доказываютъ, что и пустынники того времени часто занимались ископаніемъ пещеръ въ горахъ.

ФЕРНЕЙСКІЙ ЗАМОКЪ.

ПОЛОЖЕНІЕ И НАРУЖНОСТЬ ЗАМКА. СПАЛЬНЯ ВОЛЬТЕРА. ПОРТРЕТЫ
ЕКАТЕРИНЫ II. ПАМЯТНИКЪ ВОЛЬТЕРУ. СТРАСТЬ ЕГО КЪ ТЕАТРУ;
ПРЕНЕБРЕЖЕНІЕ КЪ ЖЕНЕВСКОЙ РЕСПУБЛИКѢ; РАЗДРАЖИТЕЛЬНОСТЬ
ПРОТИВЪ ІЕЗУИТОВЪ И КАТОЛИЧЕСКАГО ДУХОВЕНСТВА. СВИДАНІЕ ВОЛЬ-
ТЕРА СЪ КВАКЕРОМЪ ИЗЪ ФИЛАДЕЛЬФІИ. РѢШЕНІЕ ВОПРОСА: ВЪРО-
ВАЕЪ ЛИ ВОЛЬТЕРЪ ВЪ БЫТІЕ БОГА. БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОСТЬ ЕГО
КЪ БѢДНЫМЪ.

Изъ прочихъ окрестностей Женевскихъ я упомяну здѣсь только о Ферне. Эпо мѣс-
печко, прославленное долговременнымъ пре-
бываніемъ въ немъ Вольпера, находився во
Французскихъ владѣніяхъ, на дорогѣ въ Жесъ,
на ширеи грядъ холмовъ, поднимающихся
амфишеспромъ оупъ озера къ горѣ Юрѣ. За-
мокъ, къ копорому ведешъ небольшая аллея,
лежишъ влѣво оупъ дороги. Подлѣ воропъ съ
лѣвой спороны споишъ церковь съ слѣдую-

Часть III.

2

щею надписью: *Voltaire exiit Deo* (Вольперъ воздвигнулъ Богу). Замокъ Фернейскій обращенъ фасадомъ не къ озеру и горамъ Альпійскимъ, какъ бы слѣдовало по направленію холмовъ, а къ церкви и аллеѣ, упирающейся въ Жесскую дорогу. Опъ сей ошибки въ положеніи, которую надобно приписать недоразумѣнію архитектора или прихотливому вкусу хозяина, онъ перенялъ всѣ великолѣпныя виды окрестностей и самъ перенялся изъ виду для всѣхъ окрестныхъ мѣстъ. Замокъ Фернейской не что иное, какъ низкій и продолговатый каменный домъ, состоящій изъ двухъ этажей и подвала (*rez de chaussée*). Почетное названіе *chateau* дано ему вѣроятно изъ уваженія къ его владѣльцу. Впрочемъ *chateau* у Французовъ и *Schloß* у Нѣмцевъ, которыя во времена рыцарей спростились всегда съ башнями и огораживались стѣнами, нынѣ потеряли древнюю свою важность и не болѣе значатъ, какъ дворцы Малороссійскихъ пановъ; и. е. просто—помѣщичій домъ, нѣскольکو уединенный и огороженный валомъ или стѣною.

Домъ Вольперовъ спомпъ между дво-
ромъ и садомъ; на дворъ небольшой цѣп-
никъ съ маленькимъ водомешомъ во вкусъ
Швейцарскомъ.

Въ замкѣ я былъ съ Д. Н. С. Насъ
вспрѣшла служанка съ связкою ключей;
опшера пошчасъ двержъ съ параднаго
крыльца жъ явела насъ въ переднюю жъ
спальню Вольшера. Нѣсколько Вольшеров-
скихъ кресель, деревянная (еловая) папор-
ной работы кровашъ съ балдахиномъ жъ съ
оспашками занавѣса соснавялюпъ почши
всю мебель спальни. Худые поршрепы Лека-
ня, Вольшера жъ Фридриха Великаго жъ любоч-
ные оспашпы Вашингтона, Франклина, Нев-
тона жъ нѣсколько другихъ, развѣшенныя по
спѣнамъ комнашы, даюпъ невыгодное поня-
ше, если не о вкусъ самаго хозяина, по
крайней мѣрѣ о вкусъ его времени.

Опъ занавѣса оспались одни только
лескуля; часпю опъ оборванъ пушеше-
сшвеннидами, благоговѣюцими къ памяти
Фернейскаго философа, часпю *вандалы*
Австрійскіе гусары въ 1814 году наложили на
него свои святопатствекныя руки. Можешъ

*

были гусары, подобно прочим просвѣщеннымъ путешественникамъ, опорвали нѣсколько лоскушковъ изъ одного польско-любопытства, для памяти или даже и изъ уваженія къ славѣ Вольпера: но Французы и въ журналахъ и въ книгахъ своихъ не иначе называютъ эпоху ихъ поступковъ, какъ *неслыханною дерзостію, вандализмомъ и святоотечествомъ*, предоставляя однимъ себѣ право опустошать прѣдшущія страны Европы, грабяще имущество частныхъ людей и общественныя памятники художествъ, смѣялись надъ благочестіемъ и вѣрою народовъ, ругались надъ самыми святынями. Чистая подобная выходка, невольно вспоминаешь судъ звѣрей высокаго звѣринаго совѣща въ прекрасной баснѣ нашего знаменитѣйшаго поэта. Медвѣди и волки, которые давили коней и душили овецъ, осмѣлись правы кругомъ, какъ бы ни въ чемъ не бывали: а смиренный волъ за то, что спянулъ клочекъ сѣнца, приговоренъ къ смертной казни.

Достопримѣчательнѣйшая рѣдкость въ спальнѣ есть шипыи портретъ Екатерины II. Здѣсь увѣряють, будто бы онъ

работанъ собственными руками Императрицы и подаренъ Вольшеру въ знакъ уваженія къ высокимъ его талантамъ.

Рядомъ съ порфирею спомощь небольшая пирамида, воздвигнутая въ память Вольшера его друзьями. Надъ пирамидою оканчивающагося его бюстомъ, написаны слѣдующіе стихи:

«Mes mânes sont consolés,

«Puisque mon coeur

«Est au milieu de vous.»

ш. е. моя плѣнь угѣшена; ибо мое сердце посреди васъ.

Обожашелямъ Вольшера не довольно показалось одной кеношафіи; они написали на пирамидѣ другую, не уступающую первой ни въ лаконизмъ, ни въ прищорной сентиментальности:

«Son esprit est partout

«Et son coeur est ici.»

ш. е. „Его духъ вездѣ, а сердце здѣсь.“ Съ первымъ опчасши можно согласишься; потому что Вольшеръ, или какъ философъ или какъ поэтъ, имѣеть почти вездѣ своихъ

поклонниковъ; но приязанія обывашелей Ферне на его сердце едва ли могутъ быть основательны. По крайней мѣрѣ частыя переселенія его съ одного мѣста на другое служаютъ доказательствомъ, что онъ нигдѣ не нашамъ себѣ опчизмы. Онъ не могъ ужившся при дворѣ Фридриха II и перемѣстился въ Лозанну. Здѣсь онъ избралъ мѣсто своего пребыванія одинъ загородный домъ, назвавъ его *прекрасный видъ* (belle vue), по причинѣ развершывающихся передъ нимъ великолѣпныхъ и прелестныхъ картинъ природы. Но вскорѣ поссорился за что-то съ своими пріятелями Лозанскими и испросилъ дозволеніе у правительсва Женевской республики поселиться подлѣ города въ одной мѣстѣ, которую онъ называлъ *Délices* (ушѣха) (*). Здѣсь сочинилъ онъ стихи на Женевское озеро, начинающіеся сими словами: „O maison d'Aristippe! O Jardins d'Epicure!“

(*) Въ протоколѣ совѣта 1 Февраля 1755 года сказано: «Le sieur de Voltaire demande et obtient la permission d'habiter dans le territoire de la Republique, pour être plus à portée du sieur Tronchin, son medecin.»

Черезъ два года наскучила ему Женева и онъ основался въ Ферне; наконецъ честолюбіе повлекло его въ Парижъ, и онъ оставилъ равнодушно мирную сельскую жизнь, чтобы насладиться торжественными клячками сполнцы и умереть на собранныхъ ивъ лаврахъ.

Съ самаго начала, какъ мы вошли въ спальню, служанка хопѣла играть роль раскатицы и подбоченившись, съ важностію намъ сказала: Господа! извольте замѣшнись, что здѣсь все ошашаеся въ шакомъ же видѣ, какъ было при господинѣ Вольперѣ.“

А давноли онъ оставилъ Фернейскій замокъ?—

„Онъ? Давноли? Замокъ?„ — Однимъ словомъ: эпошъ нескромный нашъ вопросъ привелъ было ее въ совершенное замѣшашельство; но, къ счасшію, подлѣ дверей сполалъ домашній Чичероне, который и воспользовался минутою, чтобы показашъ свои свѣдѣнія въ хронологіи. Господинъ Вольперъ, сказалъ онъ, приобрѣлъ себѣ помѣстье въ Ферне въ 1757, а ошсюда переселился въ Парижъ въ 1777 году.

Эпопъ чичероне показалъ также намъ мѣсто, гдѣ былъ домашній театръ Вольпера и аллею, въ которой онъ сочинялъ нѣкоторыя изъ своихъ трагедій и швердилъ свои роли. Вольперъ, подобно Мольеру, Аристофану и Греческимъ прагикамъ, въ одно и тоже время хотѣлъ быть поэтомъ и актеромъ. Важная ораторская его декламація мѣшала тону комическому; за то въ трагедіяхъ, и особенно въ роли Лузиньяна, игра его была довольно блистательна.

Вольперъ имѣлъ привычку наряжаться съ упрямствомъ въ костюмъ, въ которомъ надобно было ему явиться на сцену. Въ шапкѣ сшранномъ нарядѣ онъ прохаживаясь однажды по аллеѣ, и занимаясь своею ролею, не примѣнилъ, что въ саду его работали два Савояра. Увлекаемый воспоргомъ, онъ шелъ прямо противъ нихъ, дѣлалъ сильныя шлодвиженія и гремѣлъ спрашнымъ голосомъ. Набожные католики, предубѣжденные издавна опцами Іезуитами, что въ Фернейскомъ замкѣ, въ образѣ имярека Вольпера, обитаетъ духъ вельзевулъ, — и видя передъ собою огромное чалмоносное чудови-

ще, выронили изъ рукъ свои орудія и бросились бѣжать изъ сада. Вольперъ замѣшивъ наконецъ ихъ смященіе и ужась, не могъ удержаться опъ смѣха, упрасивалъ ихъ останавишься, кричалъ имъ въ слѣдъ, что онъ не духъ, а человекъ; но благочестивые каполикъ не вѣрили искусителю и, не оглядываясь, пворили молишву: „Pater poster, — libera nos a seditioso (опче нашъ — избави насъ опъ лукаваго).“

Чичероне расказалъ намъ нѣсколько другихъ забавныхъ анекдотовъ о Вольперѣ, собранныхъ имъ, вѣрояшно, изъ книгъ и опъ шарожиловъ Фернейскихъ.

Вольперъ жилъ сначала въ Ферне очень опкрышно; но свободный достуъ къ нему имѣли только почешные иностранцы и особы знаменитыя по своей учености или талантамъ. Вообще кругъ его знакомства ограничивался болѣе высшимъ Женевскимъ обществомъ; граждане средняго класса, почтишая себя обиженными эпою неумѣшною въ республикѣ разборчивостію, называли его работъ щцеславія, распляшелемъ нравовъ ихъ опечесства и пр. Вольперъ, узнавши о такихъ

на степь его ошазывахъ, ошвѣчалъ: „миѣ спомнѣ шолько прихнути мой шарикъ и я засыплю пудрою всю республику: Quand je „vesoue ma peggue, je poudre toute la Re- „publique.“

Ничшо не можеть оправдати Вольпера въ его преслупныхъ покушеніяхъ подрывъ и пошряси основанія Христіанской вѣры, споль чистшой по своимъ догматамъ, свяшой по своей древности? и благодѣтельной по вліанію на нравственностъ рода человѣческаго. Вольперъ имѣлъ слабые нервы и былъ весьма раздражшменъ; онъ не могъ равнодушно смотрѣшь на лицемеріе, фанатизмъ и молишву Іезуитовъ и вообще Римско-католическаго духовенства шого времени, употреблявшихъ всѣ средства къ распро- страненію духовной власти. Увѣряють, что воспоминаніе объ ужасахъ Варолосеевой но-чи, въ кошорую пало сполько жерпвъ онъ виджала изувѣровъ, и въ особености воз- вращеніе шшой ночи производило во всемъ его шѣлъ дрожъ и даже иѣпопорый родъ судорожныхъ движеній. Раздражштельность, къ несчастію, ешь болѣзнь всѣхъ людей,

получившихъ отъ природы излишнюю чувствительность. Она не подлежитъ порицанію, если имѣетъ источникъ пламенную любовь къ справедливости и истинѣ. Но въ Вольтерѣ, кажется, нельзя предположить этого высшаго чувства; онъ во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ одушевленъ былъ личною враждою и непреодолимымъ желаніемъ мщенія. Во всякомъ случаѣ упорное заблужденіе человѣка, называвшагося философомъ и не хотѣвшаго положить различія между наукоувереніемъ и ученіемъ опроверженія, дышущаго крошечію и любовью, само по себѣ есть пресупленіе, ничтъ не оправдываемое передъ судомъ строгой и нелицеприятной исторіи.

Характеръ Вольтера вполне раскрывается изъ слѣдующаго анекдота, рассказаннаго г. Симономъ въ его путешествіи по Швейцаріи.

Нѣкто Клавдій Ге (Gay), клавиръ изъ Филадельфіи, извѣстный своими богословскими сочиненіями, во время пребыванія въ Женевѣ приобрѣлъ общее уваженіе своимъ умомъ, крошечію и преспосердечіемъ. Воль-

теперь искалъ случая пригласить его къ себѣ; квакеръ долго отказывался отъ приглашенія и не прежде рѣшился посѣтить Фернейскій замокъ, какъ послѣ сильныхъ наслояній друзей своихъ. Сначала онъ принявъ былъ хозяиномъ замка очень учтиво; но во время сполы, за которыми было также много и другихъ почешныхъ особъ, Вольперъ началъ смѣяться надъ шрезвоснїю своего госпя, пошомъ надъ образомъ жизни вешкозавѣщныхъ паптріарховъ и надъ самою испорією вешкаго завѣща. Квакеръ, не обращая вниманія на первое, отвѣчалъ на возраженія прошивъ религїи съ важноснїю, свойспвенною эщому преджешу. Вольперъ, раздраженный его спокойспвіемъ, началъ возражать съ жаромъ; квакеръ продолжалъ разрѣшать и опрашать возраженія съ споническимъ хладнокровіемъ. Наконецъ философъ не могъ болѣе владѣть собою; губы его зашряслись съ досады, глаза запылали гнѣвомъ. Кважеръ, замѣшивъ эшо, вспаешъ изъ за сполы и не мзиѣняя ни равнодушїя, ни шона, сказалъ: „другъ мой Вольперъ! со временемъ, можешъ бышь, лы будешъ болѣе распо-

женъ понимашъ сіи истины; въ ожиданіи, я оспавляю себя съ миромъ и Богомъ.“—Послѣ этой сцены Вольперъ скрылся въ своемъ кабинетѣ и, какъ справедливо замѣчаетъ Симонъ, онъ не могъ бы въ то время примириться съ своею совѣстію, если бы вспомнилъ написанные имъ же самимъ слѣдующіе прекрасные стихи.

*A la religion discrètement fidele,
Sois doux, compatissant, indulgent, comme elle,
Et sans noyer autrui, cherche à gagner le port,
Qui pardonne a raison et la colère a tort.*

Слѣдующій вопросъ, почтиваемый опгъ многихъ доселѣ не разрѣшеннымъ: вѣровалъ ли Вольперъ въ бытіе Бога. Онъ зналъ, что общій голосъ духовенства и народа обвинялъ его въ безбожии, и какъ бы въ оправданіе свое, возобновивъ въ Фернеѣ приходскую церковь, написалъ на ея фронтонѣ слова: *Voltaire egehit Deo*. Эта надпись во время Французской революціи была разрушена буйствомъ дикихъ ея вандаловъ, которые вмѣстѣ съ именемъ спорога карашеля преспулений, хотѣли изгладить и

самыя воспоминаія о поклоненіи ему рода
человѣческаго. Вольшеръ какъ бы предви-
дѣлъ это, сказавъ въ одномъ изъ своихъ
сочиненій: „Безъ Бога, надобно было бы
изобрѣсти Бога.“ Эта мысль извѣстна изъ
основаній ума и природы: законъ ума пре-
буешь безусловно всему причины; въ при-
родѣ вездѣ видны мѣра, число и поря-
докъ; слѣдовательно естѣ и распорядитель.
Слѣдствіе логическое, — необходимость, ко-
порую умъ долженъ былъ бы допустить
даже и въ такомъ случаѣ, когда бы не имѣлъ
другихъ сильнѣйшихъ со стороны Опкрово-
енія доказательствъ. Вотъ какъ, мнѣ кажется,
мыслилъ Вольшеръ.

Но вѣрнѣйшее зеркало его образа мыслей
и чувствъ естѣ его поэзія. Въ Заирѣ, Аль-
андрѣ и Генриадѣ спадаетъ маска софиста и онъ
падаетъ съ благоговѣніемъ передъ Творцемъ
своимъ; здѣсь сердце беретъ верхъ надъ гор-
дымъ умомъ; скажу болѣе, здѣсь опвергнѣй-
ся онъ своего Искупителя грѣшникъ льнетъ
внайнѣ слезы раскаянія.

Мнѣ возразятъ: „воспоргъ поэта естѣ
одно только слѣдствіе соверчанія идеала,

нить же самихъ вымышленнаго.“ Справедливо; но идеаль не можешь бышь изъясненнымъ, если онъ не имѣешь основаніемъ своимъ истинны. Допустивъ это, надобно согласиться, что и идеаль религіи можешь бышь основанъ только на трехъ вѣчныхъ идеяхъ: вѣры; надежды и любви. А оныскашь и постигаешь сіи идеи въ неизмѣримости вдохновеннаго созерцанія возможно только тому, кто носитъ ихъ образъ и подобіе во глубинѣ души своей.

Мы искали причины возмущенія Вольпера противъ религіи и не нашли иной, кромѣ тщеславія, — слабости, къ несчастію, равно свойственной душамъ великимъ, какъ и мелкимъ. Опыты доказывають, что люди, одаренные ослепрымъ умомъ, весьма часно употребляютъ во зло сей даръ природы. Вольперъ жаждаль славы, узналь врожденную склонность Французовъ къ сапирѣ и увлекаясь ихъ рукоплесканіями и шумными кликами, привнесъ въ жерницу ихъ легкомыслію и исшину и свящину.

Не смотря на это тщеславіе, онъ оставль Фернейскимъ жителямъ память о сво-

ей благопшорипельности и соспрананіи къ бѣднымъ. Онъ выплащилъ долгъ одного креспьянина, содержавшагося въ шюрмѣ за 7500 франковъ; другому, проигравшему свой процессъ въ Безансонѣ и жаловавшемуся на несправедливостъ людей, приведшихъ его въ разореніе, онъ вынесъ при иѣшка съ 3000 франковъ, сказавъ ему: „вопшь чѣмъ можно поправишь неправосудіе правосудія.“ Изъ денегъ вырученныхъ имъ за комменшаріи на Корнеля, онъ далъ 90,000 франковъ въ приданое внукѣ эпого великаго поэша и пошомъ 100,000 дочери ея дѣвицѣ Дююио.

Въ 1757 году (по другимъ въ 1759) когда Вольшеръ приобрѣлъ въ Ферне помѣщье, въ эпоиъ мѣсечкѣ было пошьво восемь хижинъ, а при опъѣздѣ его въ Парижъ, считалось уже около 80 домовъ и 1200 жишелей. Онъ завель въ Ферне фабрики, часовую и горшечную, построилъ на свой счетъ фоншанъ и большую часпъ домовъ. Жишели Фернейскіе, въ знакъ признапельности, изобразили на занавѣсѣ пеатра солнце съ слѣдующимъ девизомъ: *lucet et ditat* (свѣшпшь и обогащаетъ).

Осваляя Ферней и Фернейское зиблемашическое солнце, мы невольнымъ образомъ увлечены были игрою солнца вещеспвеннаго. Согрѣвъ и оплодотворивъ окреспности Женевы, оно гошово было сойши за хребетъ Юры; но среди подернушыхъ шѣвно снѣжныхъ горъ Альпійскихъ лучи его еще переливались на челѣ Монблана въ видѣ яхонтовъ и изумрудовъ. Какой великолѣпный вѣнецъ для величеспвеннаго Царя областей горныхъ! Эша карпина превосходна и очаровашельна, когда смошришь на нее съ холма, возвышающагося на дорогѣ изъ Ферне въ Женеву, между мѣспечками Большимъ и Малымъ Саконе.

ПОЪЗДКА ВЪ ШАМУНИ,

. 1823 года Августа...

Надпись Французской дирекции на фронтонахъ Католической церкви въ г. Шезъ. Утесъ съ вертикальными слоями. Городъ Бонвилль. Савоярскія деревни; гумно и токъ подъ крышею домовъ. Балльмская пещера. Озеро Фленское на горѣ. Горное эхо. Аркнаскій водопадъ. Мѣсто Римскаго города Дюнисин, поглощеннаго водою. Шедскій водопадъ. Шедское озеро. Развалины горы Аутерна. Черный водоскатъ. Памятникъ Датчанину Эппену, погнвишему въ ледникъ горы Бюета. Римскія каменная мостовая. Анекдотъ о заколдованномъ кладѣ въ замкѣ Св. Михаила.

Путешествіе изъ Женевы въ Шамуни есть одно изъ самыхъ пріятныхъ и, можно сказать, самыхъ назидательныхъ по части геогнозіи, физики и натуральной исторіи. Дорога идетъ черезъ лежащія по

берегамъ Арвы города Бонвиль, Ключу, Саланшъ и деревню Сервось. Арва, подобно прочимъ горнымъ потокамъ, служишь какъ бы единственнѣйшимъ пушеводителемъ въ этомъ отдѣленіи Альпійскаго лабиринта.

Мы выѣхали изъ Женевскаго предмѣстія *Живыхъ водъ*, еще до восхожденія солнца. Черезъ полчаса были уже въ городъ Шенъ, котораго одна половина принадлежитъ Женевскому кантону, а другая королевству Сардинскому. Въ послѣдней есть довольно хорошая Капюлическая церковь, съ достопримѣчательною на фронтонѣ Лапшинскою надписью, хотя и полуизглаженною, но еще сохранившею полный смыслъ оффиціального объявленія Французской Директоріи о томъ, что она признаетъ бытіе Всемогущаго Бога. Означаетъ ли эта надпись чистосердечное обращеніе Директоріи къ вѣрѣ или одну только политическую мѣру для обузданія буйнаго духа Французовъ,—во всякомъ случаѣ она служишь доказательствомъ, что религія есть истина вѣчная, непреоборимая, предъ которою благоговѣющъ законъ, правда и самое лицемеріе.

Съ плоской возвышенности, поднимающейся между Шеномъ и Бонвилемъ, видна на сѣверъ вся профиль Воарона, прямо пирамидальная гора Моля, а на югъ вся профиль Салева и юговосточная его спорона, усѣянная опломками Альпійскихъ гранитовъ (*).

Замки Мурнесскій и Эзерійскій, развалины Эрмишажа и разсѣянные въ разныхъ мѣстахъ паспущескіе хижины сообщаютъ слабую жизнь обнаженному ландшафту Салева. На одномъ изъ уступовъ Моля лежатъ развалины Фосинійскаго замка.

Одинъ изъ утесовъ, примыкающихъ къ скапу сей горы, достопримѣчательнъ вершикальнымъ расположеніемъ своихъ слоевъ,

(*) Я уже имѣлъ случай упомянуть о происхожденіи этихъ гранитовъ. Между ними достопримѣчательны три, вросшіе въ землю и поддерживающіе въ видѣ столбовъ одинъ огромный блокъ, имѣющій 14 футовъ въ длину и 15 въ ширину. Сей памятникъ стоитъ въ долинѣ, на довольно значительномъ разстояніи отъ горнаго хребта. Сгранное его образованіе дало поводъ думать, что онъ сооруженъ руками Друидовъ, или по крайней мѣрѣ, во время господства ихъ религіи, служить имъ мѣстомъ молитвы и жертвоприношеній.

которыя не лежатъ, какъ обыкновенно, одни на другихъ, но поставлены какъ бы по отвѣсу. Это расположеніе, основанное на законѣ сходимельности шлѣ къ центру земному, почитается характерическимъ признакомъ первоначальнаго образованія земной поверхности и въ системѣ Альпійскихъ горъ встрѣчается только въ средней и самой возвышенной грядѣ ихъ.

Городъ *Бонвиль* при Французскомъ правительствѣ занималъ почешное мѣсто въ департаментѣ Леманскомъ, на ряду съ Женевою и Тонономъ. Въ немъ, какъ и въ двухъ послѣднихъ, имѣло пребываніе обласное начальство. Зависѣвшая отъ него обласъ простиралась въ верхъ по Арвѣ до самаго пріорства Шамунійскаго. Бонвиль лежитъ при подошвѣ Моля на правомъ берегу Арвы и смотритъ прямо на стоящіе противъ него огромные утесы *Брезона*.

Гора *Брезонъ* составляетъ прямой уголъ передоваго Альпійскаго спана, который отъ югозапада вдругъ поворачивается здѣсь къ юговостоку и тянется въ видѣ вала или землянаго укрѣпленія, покрытаго въ разныхъ

мѣстахъ лѣсомъ и нзрѣдка низвергающаго
небольшіе водопады. Дорога въ Ключозу идетъ
подлѣ сего хребта, по ровной, почти ни
однимъ скапомъ непрерываемой долинѣ. Раз-
сѣянные по ней деревни представляютъ
видъ мрачный; дома неопрятны и сжаты;
подъ крышею домовъ помѣщаются цѣлое гум-
но съ сѣномъ, съ живомъ и съ покомъ.
Мы не могли удержаться отъ смѣха, уви-
дѣвъ двухъ женщинъ, съ усиліемъ бившихъ
маленькими цѣпами по разоспаннымъ подъ
кровлею дома снопамъ. Рукоятки ихъ цѣ-
повъ имѣютъ одинакую длину съ цѣпика-
ми. Чѣмо подумали бы эти Савоярки, смю-
пря на нашихъ геркулесовъ — крещьянъ,
когда они въ широкомъ раздолѣи, размахи-
вая и ударяя въ пактъ огромными махинами,
исторгаютъ свиспъ изъ соломы и гуль изъ
пока.

Двѣ горы, спояція надъ Ключозою по спо-
ронамъ Арвы, соспавляютъ родъ воропъ,
опворяющихъ входъ въ Альпійскій лаби-
ринпъ. Дорога идетъ по правому берегу
рѣки, сопровождаемой двумя горными хреб-
тами. Одинъ изъ нихъ, прѣспирающійся

надъ дорогою, представляющъ видъ спѣны, слышнй изъ опшѣсныхъ утесовъ, изрѣдка прерываемой разщеллинами и омываемой водопадами. Не въ дальнемъ разстоянн отъ деревни *Бальмы*, посреди утеса, видно отверстне въ родѣ окна или дверей, ведущее въ *Бальмскую пещеру*. Эша пещера почиалась прежде жилищемъ волшебницъ и одного брадашаго и зубасшаго козла, который будшобы кусалъ пшпш всякому, кшо шолько осмѣливался всшупашъ въ нее. Въ половинѣ прошедшаго сполннн 12 самыхъ опшажныхъ Савояровъ рѣшились войши въ нее съ часшпцами мощей и благословенными свѣчами. Съ шого времени наважденн нечнсныхъ силъ изчезло и козель никого уже не кусаетъ. Бальмская пещера возвышается надъ долиною на 171 сажень и просшираетъ въ гору на 620 шаговъ. Во внушренности ея есть разныя опдѣленнн, похожнн на залы, и посреди ихъ колодезь. Между Бальмою и деревнею Магланомъ, подлѣ вершины горы, называемой желѣзнымъ кресномъ, лежншъ озеро *Фленское*, содержащее окаменѣлыя усшричныя раковины. Эши окаменѣлости, всшрѣчаемыя на вы-

сомъ 7032 фушовъ надъ морскою поверхно-
спію, принадлежащъ къ рѣдкимъ явленіямъ
естественной исторіи.

Деревня *Магланъ* стоитъ посреди разва-
линъ обрушившагося въ 1776 году одного
сѣро-мраморнаго утеса. Она славится игрою
облищающаго въ сосѣдственныхъ горахъ эхо.
Что бы имѣть понятіе о споканахъ сей
горной полуночной пѣвицы, надобно слышать
высвистъ изъ пушечки, которую Магланцы
держатъ нарочно для любопытныхъ. Но
здѣшнее эхо очень своенравно; оно ежегодно
перемѣняетъ свое жилище, а нынѣшнимъ
лѣтомъ совсѣмъ отсюда удалилось. Вѣроятно
молчаніе его происходитъ отъ снѣжныхъ
заваловъ или отъ разошавшихся снѣговъ
въ горныхъ, отражающихъ звуки, кувши-
нахъ.

Изъ водопадовъ, омывающихъ рядъ утесовъ
на долину Магланской, самый красивѣй-
шій есть *Арпенасскій* (Nant d'Arpenas). Онъ
падаетъ съ высоты 808 фушовъ и, отдѣля-
ясь отъ утеса, имѣетъ издали видъ полозна,
колеблемаго въпрямь; посреди паденія встрѣ-
чаешь выдавшуюся скалу, раздробляешь,

снеговя сливаецца и, разширяючыся по мѣрѣ стуженія прошиводѣйсвающаго ему воздуха, наконецъ превращается весь въ пѣну и водяную пыль, далеко разносимую въ окрестностяхъ.

Великолѣпный *Монбланъ*, соспавляющій цѣль пунешеспвій въ Шамуни, почди во все продолженіе дороги скрывается ошъ взора пунешеспвенниковъ, какъ бы нарочно для того, чшобы возбуждашь въ нихъ любопытство и нешерпѣніе. Онъ не прежде появляецца, какъ уже по прибытіи въ Сен-Маршинъ и Саланшъ; но и ошскуда видѣнь только одинъ его куполь (*dôme du goute*), блисшающій яркою бѣлизною надъ свѣшлюю зеленю ближайшихъ горъ.

Въ *Саланшѣ*, небольшомъ Савойскомъ городкѣ, мы оспавили наши наемныя карешы и взяли горныя линейки, извѣспныя подъ именемъ *chairs-à-banc*; ошъ того чшо здѣсь оканчиваецца Женевское шоссе и начинаецца проселочная дорога, идущая по гористымъ мѣстамъ чрезъ дебри и овраги.

Между Альпійскими хребтами вспрѣчающся часшо гладкія и обширныя долины,

носящія на себѣ слѣды бывшихъ въ нихъ озеръ, водоемовъ и наводненій. Такова долина, проспирающаяся отъ Саланша и Сен-Маршина въ верхъ по Арвѣ около семи верстъ (2 Франц. лье). Въ верхней части ея, тамъ гдѣ нынѣ деревня Шедъ, стоялъ городъ *Дионисія*, заключавшій въ себѣ Римскую колонию. Проспранство и народонаселеніе его неавѣсны; преданіе сохранило только память о постигшемъ его зломъ жребіи. Онъ поглощенъ весь прѣрвавшимся изъ Сервоскаго водоема озеромъ, такъ что не осталось камня на камнѣ, ничего кромѣ имени.

Великолѣпный *водопадъ Шедскій* отстоитъ не далѣе, какъ на одну версту отъ Шеда. Упешь, съ koporaго онъ падаетъ, принадлежитъ къ долине Варенса; но надъ нимъ и за нимъ ничего не видно, кромѣ горизонта. Огромная колонна воды льется какъ бы прямо съ неба, плыветъ полосой между зеленымъ кустарникомъ и низвергается въ оврагъ, осѣненный деревьями. Быспропа паденія этой колонны и сила кипящихъ въ оврагъ водоворотовъ даютъ движеніе всей здѣшной картины.

Мы не видали порога *Арвскаго*, но слышали его паденіе. Надъ нимъ успроенъ для пѣшеходцевъ мостъ, называемый козьимъ; по споронамъ его споятъ дикіе и живописные утесы; вѣшеръ разноситъ по окрестнымъ лѣсамъ и горахъ непрерывный ревъ его.

Маленькое *Шедское озеро*, знакомое намъ по часто встрѣчаемымъ его ландшафтамъ въ Женевѣ, находится подлѣ самой дороги, ведущей въ Сервось. Среди оплогихъ зеленыхъ береговъ своихъ оно споятъ, какъ полная чаша. На зеркальной поверхности его отражается величественный куполь Монблана, свѣшная зелень сосѣдственныхъ горъ, весь Альпійскій небосклонъ и вся красота поднебесная. Это озеро образовалось въ 1751 году паденіемъ скалы (*).

Далѣе дорога идетъ между развалинами горы *Аутерна*, разрушившейся въ Іюль мѣсяцѣ 1751 года. Она спояла на одномъ планѣ съ шицеобразнымъ *Варенсоибъ*, и вѣроятнo, высокою не успукала сему послѣднему, под-

(*) Недавно писано въ ведомостяхъ, что вновь оторвавшаяся скалы совсѣмъ завалили Шедское озеро, образовавъ на мѣстѣ его груду каменныхъ обломковъ.

нимающемуся надъ поверхноспію морскою на 7,200 фуш. Паденіе этой громады распроспранило ужась во всемъ здѣшнемъ краѣ; горные жишели думали, что вся земля рушишся въ основаніяхъ своихъ и ожидали только лпрубы небесной, чтобы предспапъ на спрашій судъ. Тучи пыли носились болѣ недѣли надъ Альпами и долинами Піемонта. Король Сардинскій посылалъ изъ Турина особую комиссію для развѣдыванія объ этомъ чрезвычайномъ явленіи.

Посреди эшихъ насыпей и развалинъ пробивается горный пошокъ, извѣспный подъ именемъ *гернаго водоската* (Le pant noir). Переправа черезъ него въ обыкновенное время не представляеть никакой опасности; но послѣ дождей, онъ непроходимъ и неприспупень.

Въ *Сервосѣ* у содержателя гостинницы (Эшпеля) мы нашли очень хорошее и полное собраніе Альпійскихъ минераловъ. При выѣздѣ изъ сей деревни спомпъ небольшой монументъ, воздвигнупый для сохраненія памяти объ одномъ плачевномъ приключеніи на горѣ Бюешъ. Молодой Дапчанинъ Эпенъ, извѣ-

спный въ Германіи переводомъ Горація, отпра-
вился на гору Бюептъ съ поварихомъ
своимъ Зимменомъ и съ однимъ проводникомъ;
но, увлекаемый любопытствомъ или непер-
пнїемъ, ушелъ отъ нихъ впередъ на нѣ-
сколько сотъ шаговъ и, по прибытіи на
ледникъ, вдругъ исчезъ въ одномъ изъ его
отверстій. На другой день онъ найденъ былъ
на двѣ ледяной пропасты, имѣвшей до 100
футовъ глубины. Начертанная на монументѣ
эпиграфа заключаетъ въ себѣ наставленіе
молодымъ путешественникамъ, что бы они
съ благоговїемъ приближались къ грозной
Альпійской природѣ и не пренебрегали совѣ-
товъ своихъ путеводителей.

Нѣсколько выше Сервоса, переправясь на
лѣвый берегъ Арвы, мы встрѣпили *камен-
ную мостовую*, кою постройка приписы-
вается древнимъ Римлянамъ. Она сперва
идетъ въ гору, потомъ по самымъ краямъ
утесовъ, спящихъ надъ горною рѣкою.

Не въ дальнемъ разстояніи отъ дороги,
на возвышенномъ мѣстѣ спятъ развалины
замка Св. Михаила. Нашъ проводникъ раска-
залъ при этомъ зрѣлищѣ довольно забавный

анекдотъ, достопримѣчательный въ особен-
ности по разительному сходству съ евѣріа
здѣшнихъ жителей съ баснями нашихъ кре-
стьянъ. Содержаніе его слѣдующее.

Въ народѣ носилась молва о скрышомъ
въ замкѣ Св. Михаила богатомъ кладѣ, по-
ложенномъ съ волшебными заклинаніями.
Пользуясь этою баснею, одинъ Шамунійскій
житель, бѣдный, но хитрый, сообщил за
пайну богатому и скупому своему сосѣду,
что онъ нашелъ бумаги, служащія ключемъ
къ опкрытію клада. Въ нихъ описаны были
подробно всѣ признаки мѣста, гдѣ зарыты
сокровища, и способъ, какъ получить ихъ.
Главное требованіе заключалось въ томъ,
что бы ищущій клада прежде всего запла-
тилъ саханѣ изъ наличныхъ своихъ денегъ
подобающую пошлину. „Ну чтожъ, любезный
мой сосѣдъ! сказалъ скупой послѣ короткаго
раздумья; попробуемъ; попышка не бѣда; для
саханы у меня есть деньжонки; а что най-
демъ, раздѣлимъ пополамъ.“ Хитрецъ припво-
рился, будшобы онъ боится впаспѣ въ иску-
пеніе демона сребролюбія; а скупой доказы-
валъ ему, что всякой человѣкъ есть рабъ

спраспей и грѣха, но что лучше быть грѣшникомъ богатымъ, нежели бѣднымъ? Деньги, говорилъ онъ, доведутъ насъ до Рима и до святой конгрегаціи Римской; мы удѣлимъ ей во славу Божию малу шолюку и святымъ ея заспуленіемъ получимъ отъ свяаго престола Петрова *Indulgentia plenaria et perpetua*.

Послѣ сжъ совѣщаній два сосѣда условились приспунить къ опыту, не теряя времени, и съ наспуленіемъ ночи уже были въ замкѣ. Сперва они занялись измѣреніемъ внутрешней площади и опыскиваніемъ примѣль; попомъ бѣдный посадилъ богатаго на камень, обвелъ около него нѣсколько круговъ и приказалъ ему бросать черезъ плечо свои деньги; при чемъ строго запрещено ему было приывать на помощь свяаыхъ и пворить молишву; что и исполнено скупымъ со всею точностію.

Эти посѣщенія продолжались до тѣхъ поръ, пока скупой признался, что у него уже вышло все серебро и золото. Тутъ открылось вшорое дѣйствіе комедіи. Два сосѣда опсправилсь въ замокъ съ заспунами и ломани, и начали разрывать иинный клудо-

вой погребъ. Легко можно вообразить неперпѣніе и безпокойство скупаго. Онъ вслушивался въ каждый ударъ лома; наконецъ ему почудилось, будтобы раздастся звукъ мепалла. Въ эту минушу онъ смѣшался и, забывъ наставленіе своего поварихца, какъ набожный кашоликъ, не могъ воздержаться, чтобы не призвавъ въ помощь свяныхъ.

„Что ты надѣлалъ, закричалъ грозно поварихца, бросая свой ломъ; жадный корыстолобець! Проклятый Іуда! Ну мѣсто ли и время ли молишь? Души ты ею не спась, и для пѣла ничего не припась. Теперь собирай мѣсто золота одни голые камни.“ Съ этими словами обманчикъ удалился и оставилъ одного скупаго продолжая безплодную работу. Такимъ образомъ все достояніе глупаго перешло въ руки хитраго; но первый,—присовокупилъ нашъ проводникъ,—долго еще оспавался въ помъ убѣжденіи, что бѣдный сосѣдь его разбогашѣлъ не на счетъ его золота, но посредствомъ клада, кошорымъ онъ будтобы одинъ воспользовался.

Нѣтъ сомнѣнія, что басни о кладахъ получили начало свое въ средніе вѣки, когда

въ Европѣ было всеобщее и повсемѣстное вѣ-
рованіе въ волшебства, заклинанія и дѣйствія
духовъ. Въ поже время съ запада или съ воспо-
ка онѣ занесены были и въ южную Россію; но
у насъ не долго держались; смѣшливость Рус-
скихъ крестіянъ скоро постигла ихъ нелѣ-
пность и шеперь о волшебныхъ кладахъ упо-
минается въ однихъ только сказкахъ; между
тѣмъ какъ въ прочихъ частяхъ Европы, и
особливо въ земляхъ католическихъ, до сихъ
поръ живутъ въ нихъ большую вѣру. Изъ дѣлъ,
производившихся и производящихся въ нѣко-
торыхъ Швейцарскихъ кантонахъ, откры-
вается, что тамъ существовала для опытка-
нія кладовъ цѣлая многочисленная обще-
ства и что каждый членъ этихъ обществъ
обязанъ былъ вносить опредѣленную и ча-
сто весьма значительную сумму денегъ. Са-
мо собою разумѣется, что въ этихъ обще-
ствахъ, равно какъ въ масонскихъ и другихъ
тайныхъ политическихъ, живутъ одни
только главные члены, состоящіе обыкно-
венно изъ швейцарскихъ хищниковъ и корысто-
любцевъ.

ШАМУНИ, 6 АВГУСТА.

ШАМУНІЙСКАЯ ДОЛИНА. Вооруженная экспедиція Покока въ 1741 году для открытій въ здѣшнемъ краю. Вожатые, пользующіеся Европійскою извѣстностію. Освященіе Монблана и смежныхъ горъ при захожденіи солнца.

Долину Шамунійскую можно сравнить съ проспектомъ или улицю, имѣющею въ длину около шестидесяти Французскихъ миль и омываемою во все пропѣяніе отъ сѣверовостока къ югозападу рѣкою Арвою. Одно изъ великолѣпнѣйшихъ зданій этой улицы есть *Монбланъ*, занимающій почти всю полуденную ея сторону. Противъ него сползаетъ гора Бревель и рядъ шакъ называемыхъ красныхъ пиковъ или обелисковъ (*Aiguilles rouges*). Монбланъ состоитъ изъ двухъ частей: верхній весь покрытъ яркимъ снѣгомъ, нижній частью обнаженъ,

частію украшенъ лѣсомъ и пажитями. Раздѣляющіе его овраги наполнены огромными ледниками, нисходящими опть снѣжной полосою до самой долины и наливающими изъ себя быстрые и шумные водоскапы.

Исторія и памятники, встрѣчаемые между Женевою и Шамуни, служатъ доказательствомъ, что эта долина извѣстна была древнимъ Римлянамъ. Въ средніе вѣки она принадлежала Женевскимъ графамъ; одинъ изъ нихъ въ 1099 году основалъ здѣсь даже и монастырь для монаховъ Бенедиктинскаго ордена; но по завоеваніи этого края герцогами Савойскими и по прекращеніи сношеній между Савоярами и Женевцами, столь долгое время питавшими взаимныя враждебныя чувства, долина Шамунійская совсѣмъ была забыта. О жителяхъ ея носились однѣ нелѣпыя басни, какъ о дикаряхъ, о варварахъ; и къ концу просвѣщеннаго XVIII вѣка, почти до половины его и Французы и Швейцарцы смотрѣли на самый Монбланъ, какъ на чудо, спрятанное грифами; онъ не имѣлъ даже и никакого имени.

Не прежде какъ уже въ 1741 году, знаменитый путешественникъ Пококъ и спутникъ его Англичанинъ Виндамъ (Windham), отважались отправиться въ здѣшній край для открытій, но не иначе, какъ съ отрядомъ войска и даже съ нѣсколькими орудіями. По прибытіи въ долину, они ожидали нападеній со стороны дикихъ горцевъ и крайне удивились, увидѣвъ передъ собою вѣсно непріятелей одного весьма пыхаго челоука, Шамунійскаго пріора, вышедшаго къ нимъ на встрѣчу съ миромъ и благословеніемъ. Онъ старался ихъ увѣрить, что жители этой долины крошки, миролюбивы и ведутъ войну съ однѣми робкими ланями; но герои экспедиціи, повидимому, не вѣрили ни убѣжденіямъ служителя церкви, ни собственнымъ главамъ, встрѣчавшимъ повсюду благоуспройство гражданское; и подобно рыцарю печальнаго образа, приписывая все слышанное и видѣнное одному волшебству или по крайней мѣрѣ военной хитрости горцевъ, они во все время пребыванія въ Шамуни проводили ночи на бивуакахъ, освѣщенныхъ яркими огнями.

Первыя извѣстія объ этой экспедиціи сообщены были Европѣ въ Швейцарскомъ Меркюриѣ 1742 года. Въ послѣдствіи времени посѣщали Шамунійскую долину знаменитый Соссюръ и ученый Женевецъ Бурри. Изданныя ими описанія Альпійскихъ горъ и ледниковъ Савойскихъ возбуждали всеобщее любопытство и привлекали въ Шамуни путешественниковъ со всѣхъ сторонъ. Нынѣ число ихъ въ продолженіе прехъ лѣтнихъ мѣсяцевъ простирается ежегодно ошь 4 до 5,000.

Въ мѣстечкѣ Шамуни есть при гостиницы: *городъ Лондонъ*, *Г-жи Кутеранъ* и *братьевъ Шарле*, которыя всѣ удобствомъ помѣщенія, опрятностію и гаспрономією не уступающъ самымъ лучшимъ Швейцарскимъ. Мы остановились въ послѣдней. Первымъ дѣломъ нашимъ, по выгрузкѣ чемодановъ, былъ выборъ или наборъ проводниковъ; ихъ здѣсь такое множество, что дѣйствительно можно сосланишь цѣлую фалангу. Многіе изъ нихъ знаніемъ своего дѣла и свѣдѣніями въ натуральной исторіи приобряли уже, пакъ сказать, Европейскую

извѣстность. Ньюшорымъ присвоены наименованія окрестныхъ горъ, ознаменованныхъ какими либо ихъ подвигами; напр. Жакъ Бальма прозванъ *Монбланоидъ*, пошому что онъ первый съ докторомъ Паккаромъ въ 1786 году взошелъ на вершину Монблана; Жанъ Мишель Коша извѣстенъ подъ именемъ *Гиганта* (le Géant); онъ оставался съ Соссюромъ во все продолженіе дѣланныхъ имъ въ 1788 году на горѣ Гигантѣ физическихъ и метеорологическихъ наблюдений. Одинъ изъ ветерановъ Соссюра, въ продолженіе долгодѣпней своей службы жившій счастіе постоянно пользовался особенною благосклонностію прекраснаго пола, заслужилъ почетное имя *Дамскаго* (Jacques Balma, dit des Dames). Нами избраны были Викторъ Шарле, Марія Карье и нѣсколько другихъ, всѣ равно вѣжливые, распорочные и довольно свѣдущіе въ минералогіи и бошаникѣ. Оспапокъ вечера мы провели по въ размашриваніи вечернихъ Альпійскихъ каршинъ, по въ приговленіяхъ къ предпринимаемому нами путешествію на гору Моншанверъ. Приле-

гающіе къ Монблану гранишныя обелиски Дрю, ла Фуршь, Шармось, Планъ и Полу-денный шеплялись, какъ свѣчи. Послѣдніе лучи солнечныя, переходя съ одного обелиска на другой, наконецъ загорѣлись разноцвѣтными огнями на снѣжной вершинѣ Монблана, какъ на послѣдней земной ступени, и исчезли въ земномъ пространствѣ. Пригошовленія къ горному путешествію и къ высокимъ зрѣлищамъ природы сами въ себѣ уже заключаютъ въ-что высокое — пріятное, или, правильнѣе, онѣ сопровождаются какимъ-то темнымъ смѣшеніемъ чувствъ удовольствія и страха, какъ ожиданіе великаго праздника.

ЛЕДЯНОЕ МОРЕ, 7 Августа.

Сегодня мы выступили въ походъ вмѣстѣ съ разсвѣтомъ. Нашъ отрядъ состоялъ изъ конницы и пѣхоны; дамы и кавалеры ѣхали на мулахъ, а по споронамъ шли проводники, неся въ рукахъ длинныя жерди или посохи, оканчивающіеся копьемъ. Дорога пролегаетъ сначала черезъ лѣсъ и рошу, которыми покрыта нижняя часть Моншавера, потомъ черезъ широкій оврагъ, имѣющій видъ жолоба, вырытаго паденіемъ снѣжныхъ и каменныхъ лавинъ. Эпошъ переходъ прежде почитался весьма опаснымъ, по причинѣ зыбкости верхняго грунта горы. Соспавлявшіе его камни при малѣйшемъ шумѣ прогались съ мѣста и, цѣпляясь одни за другія, въ одну минуту приводили цѣлый

слои въ движеніе. Каменная плуца спремилась по оврагу и несла на долину вырпыши съ корнемъ дерева и заспигнушы спуда живошныхъ. Хоши зыбкіе слои повидному уже осыпались и нынѣшнее поколѣніе камней сдѣлалось нечувствительнымъ не только къ разговорамъ и шуму людей, но и къ исполошнымъ выпрѣламъ; однако путешественники и сами вожапые доселѣ проходящъ черезъ это мѣсто молча, какъ бы изъ почтенія къ природѣ, оставившей здѣсь споль грозныя воспоминанія о своей силѣ.

За оврагомъ подлѣ *Кальетскаго* испочивка двешся обыкновенно роздыхъ походнымъ опрядамъ. Здѣсь одна молодая дѣвушка предложила намъ цѣшны, землянику и сливки.

Далѣ мы поднимались по шрошникѣ, называемой хрушальнойю, навивающейся между нависшимъ камнями и крушыми скапами. Мулъ еспь живошное, какъ бы нарочно сошворенное для горной ѣады. Имѣя лошадиный спанъ и длинныя ослиныя уши, онъ соединяетъ въ себѣ силу коня съ шерпніемъ осла. Шагъ его равно швердъ и вѣренъ, ко-

гда онъ забирался на крутизнахъ и когда идешь по краямъ пропастей; но безпрерывныя излучины и повороты, дѣлающіе здѣсь верховую řаду безпокойною, принудили меня и нѣсколько другихъ кавалеристовъ спѣшиться. Это дало намъ случай испытать удивительное дѣйствіе легкости и благораспворенія горнаго воздуха; чувствуя въ себѣ какую-то новую силу и бодрость, мы не шли, а бѣжали, въ гору болѣе часа безъ малѣйшей отдышки и успалости.

Наконецъ мы спустились на вершину Монпанвера, имѣющаго 2568 футовъ высоты надъ долиною и 3724 футовъ надъ поверхностью морскою; бросили послѣдній взглядъ на отдаленныя деревеньки, разсыяныя въ видѣ карпачныхъ домиковъ по зеленой бархатной долинѣ и перешли въ новую область, освященную высокими зрѣлищами природы.

Передъ нами разширалось *Ледяное море*, проспирающееся отъ сѣвера къ Югу въ длину на 2 и въ ширину на $\frac{1}{2}$ Французской мили. Оно похоже на горное озеро, котораго огромныя валы, гонимые бурей, вдругъ превращались въ ледъ и отдѣлялись одинъ отъ

другаго глубокими расщелинами. На восточномъ берегу этого моря стоитъ величественный пикъ *Дрю*, превышающій гору Монпанверъ 5,832 фурами. Съ двухъ сторонъ окъ имѣешь совершенно правильную фигуру коническую: но передняя часть вся опрѣзана и представляешь одну обнаженную опрѣзную стѣну. При подошвѣ горы *Перидъ* Ледяное море раздѣляется на два рукава; одинъ изъ нихъ идетъ къ юговостоку, другой къ югозападу. За этими рукавами сползаютъ обелиски *Лешо*, *Большой и Малой Торасъ*, *Такюль и Гигантъ или Маллетъ*, представляющій какъ бы осшовъ одного изъ стѣхъ баснословныхъ исполиновъ; которые, воевавши войною прошивъ неба, были поражены перунами громовержца.

Во всей этой области не видно ни перелетной птицы, ни слѣдовъ горной лани; здѣсь нѣтъ много движенія, кромѣ разрушенія, ни другаго звука, кромѣ могильнаго гула, издаваемого изрѣдка или прескомъ лединъ, лопающихся въ глубинѣ моря, или паденіемъ сильныхъ лавинъ съ горныхъ вершинъ.

Невольно содрогаешься, вслушиваясь въ эту мерную шипищу и видя повсюду вокругъ себя одни ошашки того довременнаго хаоса, когда земля была еще незримою и неустроенною. Одна мысль, что спомнишь на послѣднихъ и высочайшихъ ступеняхъ земли, пробуждаетъ въ душѣ сознаніе и ея слабостей и могуществва. Кажется, боишься снова упасть въ пучину земныхъ помысловъ и влеченій—и въ итоге время чувствуешь въ себѣ присущіе духа коричаго, гошоваго прещышь сей немѣримый океанъ, раздѣляющій землю отъ неба, чтобы достигнуть приспанница, лишь въ гаданіяхъ имъ постигаемаго, но отъ вѣчности для него предназначеннаго.

ПРОДОЛЖЕНІЕ.

ГРУППЫ ГОРЪ въ видѣ ТРЕУГОЛЬНИКОВЪ. ОБРАЗОВАНИЕ ЛЕДНИКОВЪ; ДВИЖЕНІЕ ИХЪ ВНЕЗЪ ЦѢЛЫМИ МАССАМИ; ИЗМѢРЕНІЕ ПРОСТРАНСТВА, ЗАНИМАЕМОГО НИМИ МЕЖДУ МОНБЛАНКОМЪ И ТИРОЛЕМЪ. ПРЕДОСТОРОЖНОСТИ ДЛЯ ПУТЕШЕСТВІЯ ПО ЛЕДНИКАМЪ. ПАСТУХЪ — ВЫХОДИТЬ ИЗЪ ЛЕДЯНЫХЪ ПРОПАСТЕЙ. ТАЛЕРСКИЙ САДЪ ПОСРЕДИ ЛЕДНИКОВЪ. ПАВИЛЬОНЪ НА МОНТАНВЕРѢ; КНИГА ДРУЗЕЙ. АРВЕЙРОСКИЙ ВОДОСКАТЪ. ИСТОРИЯ БРАТЬЕВЪ ШАРЛЕ, ПОСТРАДАВШИХЪ ОТЪ СЕМУ И ОТЪ РУССКИХЪ.

Въ системѣ горъ Альпійскихъ доспойно особеннаго примѣчанія ихъ расположеніе. Съ перваго взгляда всѣ онѣ кажутся сплошною цѣпью, протягающеюся въ одинакомъ направленіи; но, въ самомъ существѣ, такъ называемыя первообразныя горы, опдѣляясь опъ эпохъ цѣпи, соспавляютъ множеспво особыхъ группъ, которыхъ планъ и черпезж могутъ бытъ поспигнуны толькo по дол-

гомъ и внимательномъ наблюдениі. Такъ знаменитый геологъ Соссюръ съ вершины Монблана замѣнилъ, что всѣ исчисленные выше обелиски, ошдѣленные одни отъ другихъ ледниками и повидимому разбросанные безъ цѣли; образуютъ особый преугольникъ, обращенный основаніемъ своимъ къ Монблану. Горы Монцюкъ, Ларонъ и прочія съ ними смежныя также имѣютъ форму похожую на преугольникъ, ошдѣленный отъ Монблана ледникомъ Міажскимъ (de Miage). Не смотря на разнообразіе и неправильность формъ сихъ и другихъ подобныхъ группъ, всѣ онѣ сходствуютъ между собою въ строеніи уземовъ или слоевъ, которые почти всѣ перпендикулярны горизонту и имѣютъ направленіе отъ сѣверовостока къ югозападу.

Ледяное море и вообще *Альпійскіе ледники* принадлежатъ также къ рѣдкимъ явленіямъ природы. Они находятся въ долинахъ или оврагахъ, смежныхъ со сѣжными горами и въ такомъ климатѣ и поясѣ, гдѣ зима обыкновенно продолжается около девяти мѣсяцевъ. Наносимые выгонами сугробы и

падающіе съ горъ лавины образуютъ множество снѣжныхъ полей. Эти поля въ печеніи льна осѣдаютъ, болѣе или мѣнѣе расплываются и принимаютъ видъ кристалла темносиняго или свѣтлозеленаго. Поверхность и видъ ихъ опредѣляются качествомъ грунта, служащаго имъ основаніемъ. На ровномъ грунтѣ они сами похожи на равнину, имѣющую лишь небольшія разсѣлины; на покатономъ и бугристомъ они представляютъ видъ морскихъ волнъ, поднимающихся отъ 50 до 100 футовъ выше уровня и опредѣляющихся расщелинами въ нѣсколько футовъ ширины и болѣе 100 глубины.

Нижняя часть ледниковъ, упираясь въ согрѣвающія лучами солнца долины, въ продолженіе льна подвержена непрерывному таянію. Отъ таянія связь и равновѣсіе льдинъ разрушаются, напоръ верхнихъ частей усиливается и происходитъ движеніе цѣлой громады ледника съ верху въ низъ, сопровождаемое по временамъ прескомъ, похожимъ на ружейные выстрѣлы.

Въ Альпійскомъ хребтѣ, заключающемся между Монбланомъ и Тиродемъ, счищаются около 400 ледниковъ. Изъ нихъ весьма многіе имѣютъ въ длину одну Французскую милю и, напрошивъ того, весьма многіе простираются на 6 и на 7 миль въ длину, на $\frac{1}{2}$ и $\frac{3}{4}$ въ ширину и отъ 100 до 600 футовъ въ глубину. Примѣрно исчислено, что изъ однихъ этихъ ледниковъ можетъ образоваться ледяное море во 130 квадратныхъ Французскихъ миль. Какой богатый родникъ для пышныхъ Швейцарскихъ озеръ, для каналовъ, омывающихъ долину Ломбардскую, для огромныхъ рѣкъ, питающихъ Швейцарію, Францію и Германію!

Путешествіе по ледникамъ требуетъ навыка или большихъ предосторожностей. Въ особенности нужно вооружиться длиннымъ посохомъ и держать его подъ плечомъ въ горизонтальномъ положеніи, чтобы, при неловкомъ скачкѣ черезъ открытыя расщелины или въ случаѣ провала въ закрытые корою снѣга колодези, можно было повиснуть на этомъ посохѣ. Пренебреженіе этихъ предосторожностей сопровождается по большой

Сейчас несчастными приключеніями, сохраняющимися въ однихъ преданіяхъ горныхъ жителей. Между прочимъ рассказываютъ объ одномъ Швейцарскомъ паспухѣ, упавшемъ въ ледяную пропасть на 100 или болѣе саженъ глубины. Вѣроятно по причинѣ косвеннаго положенія льдины, паденіе не причинило ему никакого вреда; къ несчастію, оно никакъ не было замѣчено и не оставляло никакой надежды на помощь. Ужасно сойши живому въ холодную могилу для того, чтобы встрѣшиться въ ней медленную и мучительную смерть; но самая эта мысль, самое чувство опчаянія вложили въ паспуха новыя силы. Онъ замѣчаетъ вокругъ себя ледяныя галереи, переходить изъ одной въ другую, вслушивается въ какой-то смѣшенный гулъ—и лучъ жизни блеснулъ ему въ области смерти. Онъ приближается къ ручью, идетъ внизъ по его направленію, борется съ препятствіями и наконецъ на бурныхъ волнахъ помока выплываетъ въ родную долину, какъ выходецъ съ того свѣта!...

Черезъ ледяное море проложены двѣ про-
пинки по мѣстамъ, менѣе прочихъ подвер-
женнымъ опасности: одна изъ нихъ скло-
няется на югозападъ къ горѣ Гиганшу,—по
ней въ первый разъ прошелъ въ 1787 году
Бурри съ своимъ сыномъ; другая ведетъ въ
заменимый садъ *Талефрскій*, называемый
по Савоярски *Courtil*. Она пролегаетъ черезъ
крупный утесъ навѣсннй подъ именемъ
Куверкля, имѣющаго на вершинѣ своей бо-
ращую пажить. Самый садъ находится по-
среди ледника Талефрскаго на круглой ска-
лѣ и представляетъ прелестную лужайку,
испещренную цвѣтами и огороженную по-
чти со всѣхъ сторонъ ледяными перрас-
сами.

На вершинѣ Монпанвера построены г.
Депортомъ (*Desportes*), бывшимъ Француз-
скимъ резидентомъ въ Женевѣ, маленькій
каменный навильонъ съ надписью на фрн-
ционѣ: *A la Nature*. Въ ненастное время онъ
служитъ убѣжищемъ посѣпшителямъ, кото-
рые могутъ обогрѣться передъ каминомъ и
подкрѣпить себя сливками или сыромъ, до-
спавляемыми сюда двумя живущими вблизи

васшухами. Здѣсь также есть альбомъ, называемый книгою друзей: *livre des amis*. Въ него вносятъ пупешесственики свои имена, наблюденія или чувства, возбужденныя въ нихъ зрѣлищемъ природы. Англичане обыкновенно пишутъ здѣсь по-Англійски, Нѣмцы по-Нѣмецки; Греки по-Гречески, Азіатцы по-Азіатски; одни Русскіе по-Французски, какъ бы желая эмигрировать въ родню Французамъ. На нашемъ описательномъ языкѣ я нашелъ только двѣ или три пробы; но одна изъ нихъ принадлежала бывшему моему товарищу по университету, нынѣ посвященному въ писателя дипломатіи, Д. Н. С — ву. Какая пріятная и неожиданная встрѣча послѣ долгой разлуки, въ справѣ чужой, въ храмѣ природы, передъ книгою друзей!

По возвращеніи съ Монпанвера мы ѣздили смотрѣть Арвейронскій водоскапъ. Онъ выливается изъ ледника *des Bois* и образуетъ въ нижней части его огромную пещеру съ ледяными сводами, мѣняющими непрерывно свою форму и величину по времени года. Истокъ Арвейрона предста-

вился намъ въ великолѣпномъ видѣ, весь освѣщенный лучами проглянувшего изъ за пучки солнца и украшенный пышною радугою.

Ужинъ за общимъ столомъ въ эпошѣ вечеръ былъ самый веселый и шумный. Говорунны наперерывъ рассказывали о дневныхъ своихъ приключеніяхъ на горахъ, ледникахъ и въ оврагахъ. Особенное вниманіе наше обратили здѣсь сами хозяева госпинницы, *братья Шарле*. Имъ какъ бы на роду было написано обоимъ поспрадать охъ снѣгу и охъ Русскихъ. Спаршій изъ нихъ, по завоеваніи Савоіи Французскою республикою, попалъ въ число конскриптовъ. Онъ участвовалъ почти во всѣхъ походахъ и сраженіяхъ Наполеоновыхъ; лично храброю своею дослужился до капитанскаго чина и въ этомъ званіи раздѣлялъ всѣ ужасы большой Наполеоновой арміи во время ея бѣгства изъ Россіи. Другой бранъ его совершилъ другаго рода походъ; онъ сопровождалъ нашего докшора г. Г—я на вершину Монблана. Въ этой экспедиціи двое проводниковъ совершенно погибли, увлечен-

ные лавиною въ бездну, а прешій г. Шарле, успѣвшій вознѣсть свой заоспренный шестъ въ снѣгъ, былъ задѣтъ только однимъ крыломъ ея, кошорое впрочемъ разрѣзало ему лобъ и оставило на немъ навсегда глубокой рубецъ. Г. Шарле жалуется на неговорчивость нашего пупенесивенника; онъ и прочіе проводники, по извѣстнымъ имъ примѣшамъ, предвидѣли скорое паденіе лавины, но не могли отклонить своего героя отъ твердо принятаго имъ намѣренія. Г. Г—ъ, приписывая ихъ чуждость одной прусосни, расщекоталъ ихъ неуспѣнное самолюбіе, за кошорое шакъ дорого они заплащили. Это трагическое происшествіе было причиною, что означенная экспедиція возвратилась въ Шамуни, не достигнувъ своей цѣли. Хотя г. Г—ъ и объявилъ всему ученому міру въ журналахъ Французскихъ, Нѣмецкихъ и Англійскихъ, что былъ на самой вершинѣ Монблана и взялъ отсюда его камень для ученыхъ своихъ изслѣдованій; но вѣроятно сія орографическая ошибка произошла отъ оппического обмана, почши всегда сокращающаго горную перспективу. По увѣренію г.

Шарле, они не только не были на вершинѣ Альпійскаго великана, но едва достигли скалы, образующей лѣвое плечо его, называемое иначе у Соссюра *Le second escalier du Mont-blanc*.

В числа мы намѣрены были продолжать наше путешесствіе на мулахъ чрезъ Сенъ-Бернаръ и Валлійскій кантонъ; но проливной дождь и сырой туманъ принудили насъ возвратиться въ Женеву прежнею дорогою.

ВЪРОИСПОВѢДАНІЕ ЖЕНЕВЦЕВЪ.

Кальвиново ученіе, исповѣдуемое Женевскими гражданами, водворилось здѣсь съ половины XVI столѣтія. Неопредѣленное въ своихъ основаніяхъ, оно съ теченіемъ времени подвергалось частымъ и значительнымъ

измѣненіямъ. Эти измѣненія относятся болѣе къ спорнымъ вопросамъ о благодати, предопредѣленіи и первородномъ грѣхѣ. Увѣряюсъ, что въ новомъ переводѣ библіи, изданномъ въ 1805 году, есть нѣсколько очень важныхъ опсущупленій отъ прежняго перевода, и особенно гдѣ говорится о Божествѣ Спасителя. Нынѣ большая часть Женевцевъ принимаетъ, образомъ склоняюсъ къ Аріянизму; въ чемъ обвиняетъ и профессоръ Богословія здѣшней Академіи, г. Ш... , славящійся своею ученостію и вишійшествомъ. Онъ проповѣдуетъ эту ересь даже и въ своихъ лекціяхъ, какъ объявилъ одинъ изъ учениковъ его въ недавно изданномъ имъ полемическомъ сочиненіи.

Для послѣдователей Кальвинова ученія, которое начинается здѣсь господствующимъ, есть въ самомъ городѣ четыре храма: 1) Кафедральный Св. Петра, 2) Св. Магдалины, 3) Новый храмъ и 4) Св. Жерве. Древнѣйшій изъ нихъ есть Соборъ Св. Петра съ двумя готическими башнями и съ довольно красивымъ фасадомъ Коринтскаго ордена, приспособеннымъ въ прошедшемъ столѣтіи. Пе-

лагають, что эпошь храмъ сооруженъ на мѣстѣ капища *Беленова*; въ числѣ бесѣдъ *Ашита*, архіепископа Вьенскаго и митрополита Женевскаго, умершаго въ началѣ VI вѣка, осталась даже одна рѣчь, говоренная на освященіе его.

Во время реформаціи испреблены были въ энихъ храмахъ всѣ памятники святыни: придѣлы, олтари, жерпвенные сосуды. Нынѣ нѣтъ въ нихъ никакихъ украшеній и даже нѣтъ главнаго знаменія христіанской вѣры: Распятія.

Кальвинъ уничтожилъ всѣ церковные праздники, исключая воскресные дни. Сіи послѣдніе, по крайней мѣрѣ по наружности, сохраняются еще доселѣ въ почтеніи; такъ что во время богослуженія, ошправляемаго въ девятюмъ часу утра и въ пяномъ по полудни, запираются всѣ городскіе ворота, чтобы спухъ экипажей не развлекалъ молящихся.

Богослуженіе состоитъ изъ *псалмопѣнія*, совершаемаго всѣми присутствующими, — изъ *молитвы*, читаемой паспоромъ и говоримой *проповѣди*. Псалмопѣнію учащся всѣ мущи-

ны и женщины съ дѣшсвива въ народныхъ школахъ. Содержаніемъ проповѣдей бывають исключительно предметы нравственныя и даже политическія, имѣющіе цѣлю сохраненіе гражданскаго единодушія.

Во время богослуженія между мужчинами примѣнны разсѣянность, усыпленіе и холодность. Они сдѣяты съ покрышкою головою, развалиась въ своихъ скамьяхъ, и даже пропянувъ ноги на другія скамьи, передъ ними спояція. Спошь явное пренебреженіе къ мѣспу ничему иному не можетъ бышь приписано, какъ обнаженности храмовъ и опсущсшвию обрядовъ, могущихъ, посредсшвомъ своего благолѣнія, поддерживавшь въ народѣ напряженное вниманіе и благоговѣніе. Сами пасторы жалуються на неоспорожность своихъ реформашоровъ, копорые, сосшавляя какую-шо трансцендентальную религію, забыли, что человекъ сосшопишь изъ души и шѣла, и что душа не можетъ бодрсшвовавшь, не подчинивъ себѣ шѣла.

Первымъ духовнымъ орапоромъ счишаепся здѣсь г. Ш.... профессоръ богословія. Увѣряюшь, что онъ нарочно ѣздилъ въ Па-

риать учиться у Тальмы неукосному прона-
ношенію рѣчей; но, подобно прочимъ учени-
намъ этого вѣрнаго Французскаго театра,
онъ перенялъ у него не искусство, а шель-
ко нѣкогорыхъ привычекъ; напр. распяваніе и
присеаніе рукъ, которое часто дозволяешь
себѣ Тальма въ сильныхъ сценахъ. Па-
сторъ мѣстечка Вандёвра, находящагося
верстахъ въ пяти отъ Женевы, выпій-
снвомъ своимъ также привлекаеть много
слушателей. Онъ оплачивается пріятною на-
ружностью, чистотою органа, скронными и
примечательными мѣждвиженіями и, что всего
важнѣе, шельмою Евангельскаго чувства.

Сверхъ упомянутыхъ храмовъ, въ Женевѣ
еще есть одинъ Люшеранскій, одна кирка
Англиканскаго обряда и одна Римскокатоли-
ческая церковь. Всѣхъ католическихъ при-
ходовъ въ кантонѣ я и одинъ въ прави-
шельскаго города. Р. кантонки водво-
рился здѣсь только съ 1803 года, получивъ
въ завѣдваніе свое и оснѣвнійся еще отъ
временъ реформаціи, прѣтній ихъ храмъ Св.
Жермени. Основавшаяся здѣсь съ недавняго
времени секта методистовъ также имѣеть

свою каплицу въ одномъ изъ предмѣстій, равно какъ и Евреи свою синагогу въ городъ Каружъ.

Предписываемая законами республики, терпимость исповѣданій на дѣлѣ соблюдается здѣсь очень не строго. Въ особенности опасается какая-либо закоренѣлая вражда между реформатами и католиками. Недавно студенты здѣшней академіи публично осмѣяли и освиссали Фрибургскаго Р. и епископа, носящаго древній шипуль Женевскаго и Лозанскаго, — пріѣхавшаго сюда для епархіальнаго обозрѣнія; а въ городѣ Шенъ немалы буйныхъ гражданъ дозволили себѣ дерзоснѣ смѣяться и оспановить церковную Р. католическую процессію.

Подобною или еще сильнѣйшею ненавистію реформаты преслѣдуютъ методистовъ, называемыхъ ими сарманическими именовъ *Моміерз* (отъ *томиз*, *томаг* и *мушт*). Методисты имѣютъ обыкновеніе въ воскресные дни по вечерамъ собираться въ градскомъ величественномъ домѣ для чтенія Библии; въ одно изъ сихъ чтеній (въ Октябрѣ 1825 года) произошло большое вол-

неніе въ народѣ передъ эшми домогъ; и въ шопъ же самый вечеръ ожеспоченная чернь, опшправясь за городъ, перебила спекла въ домъ ихъ паспора, угрожала разрушеніемъ ихъ каплицы и въ сосноиіи была бы исполнить свои угрозы, если бы не была разсъяна прибывшимъ во время опшрядомъ жандармовъ.

Вражда прошивъ кашолковъ объясняешся самымъ поведеніемъ и дѣйсвіями ихъ духовенства, употребляющаго во зло даруемыя имъ законами республики госпепримиство и свободу Богослуженія. Поощряемое внушеніями Римской Пропаганды и уснѣхами Іезуитовъ во Франціи и въ Швейцарскихъ городахъ Фрибургъ и Бригъ, оно воображаешъ, что XIX сполѣніе сполько же принадлежишь папѣ, сколько принадлежало XV-е, и что для подчиненія инновѣрцевъ его власти можно употребить тѣже средства, какія употребляемы были въ средніе вѣки. Съ эшою цѣлю, за нѣсколько дѣтъ предъ симъ, опшкрытъ былъ въ храмѣ Св. Жермени публичный диспутъ или правильнѣе полемикодраматическій діалогъ между двумя

аллегорическими лицами: Ангеломъ и сапаною. Само собою разумѣется, что Ангель предсавлялъ католика, а сапана кальвиниста. По предположенному плану, послѣдній долженъ былъ убѣдиться доводами перваго; но князь шьмы сапана, какъ обыкновенно бываетъ въ жаркихъ диспушахъ и между людьми, до того увлекся искушеніемъ своихъ исчадіи: гордоспи, самолюбіи и суешнаго оспроумія, что привелъ со всѣмъ въ замѣшательство своего соперника. Это происшествіе распространило большой соблазнъ между Женевцами и доставило имъ шоржество надъ католиками посредствомъ собишвеннаго орудія послѣднихъ.

Между шьмъ Р. к. духовенство, не успѣвъ на открытомъ полѣ бисшвы, прибѣгнуло къ обыкновенному своему средству, вмѣшательству въ дѣла семейныя и хозяйственныя. Особенно жалующся здѣсь на прониксва одного аббата, успѣвшаго вкраспшся во многіе дѣмы и овладѣшь умами женщинъ, поселивъ раздоръ между ними и ихъ мужьями, брашьями и дѣшьями.

Не менѣ сего, не тужь упрековъ въ прозелитизмъ учредитель сексны меподисповъ въ Женевѣ, поощряемый и поддерживаемый въ своихъ дѣйствіяхъ преимущественно Англичанами. *Цезарь Маланб*, о которомъ адѣсь идетъ рѣчь, можетъ почитаться соперникомъ Кальвинистскаго духовенства, пѣтъ болѣе опаснымъ, что онъ обладаетъ многими блистательными талантами. При основательной учености, онъ оплачивается правилами строгой нравственности и набожностію, доходящею иногда до нѣкоторой степени восхищенія. Онъ охотно рисуетъ, хорошо знаетъ музыку и самъ сочиняетъ голоса для псалмовъ, которые поются въ его киркѣ. Краснорѣчіе его просно, но увлекательно; въ рѣчахъ своихъ, произносимыхъ имъ часно безъ приговора, онъ явно восплаещъ противъ невѣрія своихъ согражданъ въ Христа Спасителя.

ГРАЖДАНСКІЕ ПРАЗДНИКИ ВЪ ЖЕНЕВѢ.

Недостатокъ церковныхъ праздниковъ замѣняется въ Женевѣ гражданскими. Примѣчательнѣйшіе изъ нихъ слѣдующіе:

I. Штурмъ Женевы, празднуемый 12 Декабря подъ именемъ *Эскалады* (l'Escalade), составляющей одну изъ блистательнѣйшихъ эпохъ исторіи этого города. Женева, свергнувшая поспешенно иго своихъ графовъ, епископовъ и герцога Савойскаго, вошла наконецъ въ союзъ съ Швейцарцами, и независимость ея признана была мирнымъ пракашомъ, заключеннымъ между ними послѣдними и Генрихомъ III, королемъ Французскимъ. Между тѣмъ Амедей, герцогъ Савойскій, послѣ многократныхъ попытокъ возвратить Женеву своей власпи открышою

войною, рѣшился, при содѣйствіи Испаніи и Іезуитовъ, прибѣгнувъ къ предательству. Въ 1602 году 11 Декабря въ то самое время, когда недовѣрчивость и оспороженность гражданъ усыплены были увѣреніями герцога въ его мирныхъ къ нимъ расположеніяхъ, одинъ изъ его генераловъ Албинъ привелъ въ полночь цѣлое войско на равнину *Плэнпала*, проспирающуюся съ южной стороны города. Отсюда немедленно отправлены были имъ присла челоуѣкъ, съ порученіемъ перепилить цѣпи подъемныхъ мостовъ и взорвать въ назначенный часъ ворота. Сопровождаемые Шотландскимъ Іезуитомъ, давшимъ имъ полное опущеніе грѣховъ, они успѣли по лѣстницамъ, обитымъ чернымъ сукномъ, войти во внутренность укрѣпленій и въ ожиданіи штурма разослали по городу папрули. Къ несчастію ихъ, одинъ изъ папрулей попалъ прямо на дозоръ, высланный капраломъ для узнанія причины замѣтнаго часовымъ шороха. Дозоръ былъ схваченъ непріателемъ и убитъ, но прежде смерти своей успѣлъ подать знакъ къ началу превога. Въ минупу все пришло въ движеніе, и сража и городъ.

Уже непріятельское войско гопово было на приспуть, какъ одинъ пушечный выстрѣлъ, направленный съ городскаго вала вдоль стѣны, случайно разрушилъ лѣшницы, а съ ними и весь плачь шшурма. Трехсотный отрядъ, оставленный собственному своему жребію, бросался изъ улицы въ улицу съ крикомъ: „Да здравствуетъ Испанія! Да здравствуетъ Савоія!“ Но преслѣдуемые и поражаемые вездѣ гражданами, Савояры наконецъ принужденны были искать спасенія въ бѣгствѣ. Изъ нихъ 54 пали на мѣстѣ битвы и 13 взяты были въ плѣнъ. Какъ шѣлъ, такъ и другимъ Женевцы отрубали головы и выставляли ихъ на городскомъ валу, побросавъ шѣла въ Рону. Изъ числа гражданъ оказалось убитыхъ 17; имена ихъ сохранились въ надгробной надписи, находящейся въ церкви Св. Жерве. Непріятельскія лапы, шлемы и обитыя чернымъ сукномъ лѣшницы доселѣ хранятся въ арсеналѣ.

Въ воспоминаніе этого происшествія, утвердившаго навсегда независимость Женевы, граждане даютъ вечера, сопровождаемые старинными сапирическими пѣснями и

обрядами, въ которыхъ играетъ немаловажную роль жареная индейка, олицетворяющая Саводровъ.

II. 31 Декабря ежегодно празднуется въ Женевѣ возстановленіе республики, послѣдовавшее на основаніи конвенцій и пражскихъ 1813 и Вѣнскаго конгресса 1815 года. Главное управленіе раздѣлено между двумя сословіями: совѣтомъ представительнымъ, состоящимъ изъ 250 депутатовъ, и совѣтомъ правительственнымъ, подъ предсѣтельствомъ четырехъ синдиковъ. Первый имѣетъ власть законодательную, послѣдній исполнительную. Синдики избираются ежегодно представителями и вступаютъ въ должность 31 Декабря. Въ этотъ день они даютъ торжественно присягу на вѣрность служенія отечеству и принимаютъ отъ своихъ предшественниковъ жезлы правленія. Обрядъ сей совершается въ залѣ рагуши, передъ собраніемъ гражданъ. Старшіе изъ синдиковъ читаютъ въ то время привѣстивенныя рѣчи, напоминая въ нихъ между прочимъ и о долгѣ признательности рес-

публики къ великодушію союзныхъ Монарховъ, виновниковъ ея возстановленія.

Въ продолженіе вечера и ночи всѣ аркады нижнихъ улицъ (*Rues basses*) бывають иллюминированы; модные магазины и лавки украшаются транспарансами, сюрпризами, искусственными фонтанами и п. п. Волны народа движущаясь отъ одного конца улицъ до другаго.

III. Въ *новыи годъ* Женевцы имѣють разорительное обыкновеніе дѣлать разные подарки другъ другу, почто такъ же, какъ у насъ дѣлать. Вечеромъ 1 Января въ залѣ шеатра даешия балъ для всего кантона. Всѣ пользующіеся правомъ прыгати, исключая публичныхъ нимфъ, копорымъ запрещается не только являться на балахъ и въ маскарадахъ, но и выходить на улицы. Въ росписи танцевъ не послѣднее мѣсто занимаешия такъ названный Русскій вальсъ; но онъ оплачаешия здѣсь отъ обыкновеннаго только быспрошою такша.

IV. Въ продолженіе мѣсяца Іюня на Пленпалѣ дѣлаешия смолу въсьмъ войскамъ Женевскимъ. Въ составъ ихъ входящи: 1) *Город-*

ской гарнизонъ, состоящій изъ 380 человекъ, служащихъ на жалованьи (*garde soldée*); они охраняють крѣпость и исправляють обязанности полицейскія. 2) *Отрядъ союзный* (*contingent fédéral*), состоящій изъ артиллеріи, легкой кавалеріи, фронтовыхъ и егерей, всего изъ 1,760 человекъ; сей отрядъ находится въ распоряженіяхъ верховныхъ властей Швейцаріи. Въ немъ обязанъ служить всякой Женевецъ, имѣющій отъ 20 до 25 лѣтъ отъ роду. 3) *Земскій корпусъ*; онъ составляетъ собственно только часть поголовнаго земскаго ополченія (*réserve cantonale*), простирающуюся нынѣ до 2,800 лицъ, имѣющихъ отъ рожденія не свыше 45 лѣтъ. Эти ополченники должны быть вооружены и обмундированы собственнымъ иждивеніемъ.

Всѣ эти войска состоятъ подъ командою чиновъ, опредѣляемыхъ правительственнымъ совѣтомъ (*Conseil d'état*) и подъ главнымъ вѣдѣніемъ военнаго синдика. Одежды ихъ почти всѣ заимствованы у Французовъ; гренадеры въ короткихъ синихъ мундирахъ, въ бѣлыхъ брюкахъ и въ огромныхъ мѣховыхъ шапкахъ. Нѣтъ ничего забавнѣе, какъ видѣшь

ученіе и смопръ земскаго войска; это въ полномъ смыслѣ маскарадъ, въ которомъ очень часто извѣстные ученые и аршиспы разыгрываютъ роль фронтныхъ солдатъ, а содержашели госпиталей и фабриканты—командировъ. Многие изъ этихъ послѣднихъ даже не знаютъ службы и командуютъ не иначе, какъ по суффтѣру; совсѣмъ тѣмъ подчиненность и порядокъ не нарушаются ни на минуту; потому что званіе высшихъ чиновъ преимущественно присваивается людямъ, пользующимся общимъ уваженіемъ по своимъ лѣтамъ, образованности или добродѣтели.

Плантала есть продолговатый четвероугольникъ, покрытый правую и обнесенный съ трехъ сторонъ шпирными бульварами и дачами. Ученіе и смопръ продолжаются здѣсь около двухъ недѣль и во все это время бульвары превращаются въ ярмонку, дома въ маршаншскія лавки, снабжающія войско и аршелей припасами и сластями.

По окончаніи смопра земскій корпусъ расходится по домамъ; а союзный вышупашетъ въ лагерь, устроенный въ кантонѣ

для практическаго ученія молодыхъ гражданъ — вонновъ.

Сверхъ сего около 150 человекъ командируется въ образцовый полкъ, ежегодно собирающійся въ Туль и въ всѣхъ кантонахъ. Тамъ, въ теченіе мѣсяца, постоянно продолжаются ученіе и маневры и преподаются молодымъ офицерамъ военныя науки.

V. Обрядъ перемѣщенія учениковъ коллегіи изъ однихъ классовъ въ другіе (Promotions), по шведскошвейцарскому, съ какою оныя совершается, также можетъ быть отнесенъ къ публичнымъ праздникамъ кантона. Въ назначенный для сего день и часъ, въ Іюль мѣсяцѣ, ученики отправляются обыкновенно изъ коллегіи въ храмъ Св. Петра, по два въ рядъ, предшествоваемые военною музыкою и сопровождаемые членами комиссіи народнаго просвѣщенія, членами правительствующаго совѣща и синдикатами. По прибытіи ихъ въ церковь, отличившіе изъ учениковъ провозносятся съ кафедры сочиненныя учителями рѣчи. Тонъ ихъ бываетъ всегда сатирическій; содержаніемъ оспроуны и насмѣлки прониавъ кого либо изъ самихъ

наспавниковъ, непріятнаго сочинителя. При слуханіи подобныхъ выходовъ, невольнымъ образомъ приходишь на мысль знаменитая Лашинская пословица: *asinus asinum fricat* (осель осла лягаешъ). Не менѣе бываетъ пощады и прочимъ сословіямъ, не исключая прекраснаго пола, копорый одинъ изъ молодыхосовъ орапоровъ безъ дальнихъ околичностей назвалъ *machines à vapeur*. Церемоніаль оканчивается раздачею премій. Оплачившіе изъ учениковъ выывающся поименно и при звукахъ трубъ и ливавръ получающъ изъ рукъ перваго синдика серебряныя медали съ гербомъ Женевскаго кантона.

Мимоходомъ скажемъ здѣсь и объ успройствѣ *Женевскихъ учебныхъ заведеній* и о способѣ преподаваемаго въ нихъ ученія. Главныхъ училищъ два: *коллегія* и *академія*. Первая, основанная въ XV столѣтіи и преобразованная Кальвиномъ, оспаешся досель почти безъ всякихъ измѣненій. Она состоишь изъ девяти классовъ: въ прехъ низшихъ преподающся чпеніе, письмо и Французская грамматика, въ шести прочихъ Лашинскій и Греческій языки. Каждый классъ завѣдываетъ

ся однимъ учителемъ носящимъ шишуль регента (Regent), копорый, кромѣ главнаго своего предмета, обязанъ еще преподавать вспомогательныя науки, какъ то: начальныя правила математикки, географію, исторію, риторику и логику. Неудобства этого схоластическаго ученія очевидны: но привычка старины столь сильна, что схоляры никакъ не рѣшаются опустуишь опъ шѣтъ началъ, по копорымъ они сами воспитывались.

Ученики коллегіи вступають въ академію на 14 или 15 лѣтнемъ возрастѣ. Академическій курсъ ихъ продолжается 11 лѣтъ, изъ копорыхъ семь посвящаются словеснымъ наукамъ, философіи, физикѣ и математикѣ, и четыре богословію, медицинѣ или праву. Въ словесности доселѣ руководствуется Блеромъ, въ философіи Кантомъ. Изъ профессоровъ особенною извѣстностію пользуется г. *Росси*, изгнанный изъ Италіи за вольный образъ своихъ мыслей о правѣ естественномъ, копорое впрочемъ запрещено преподавать ему и въ здѣшней академіи.

УЧЕНЫЯ ОБЩЕСТВА.

Изъ обществъ важнѣйшее по кругу своей дѣятельности и пользы есть *общество поощренія художествъ*. Оно имѣетъ четыре отдѣленія: ремесль, земледѣлія, промышленности и изящныхъ художествъ; по каждому изъ этихъ предметовъ назначаетъ состязаніе и оплатившимся паланкамъ раздаетъ награды изъ суммъ, нарочно отпускаемыхъ для сего городскимъ казначействомъ. *Школы гравированія и рисованія* состоятъ подъ непосредственнымъ управленіемъ этого общества.

По части изящныхъ художествъ Женева производитъ болѣе, нежели сколько бы можно было претерпѣть отъ ея народонаселенія. Особенную склонность имѣютъ здѣшніе

жители къ ландшафтной живописи. Въ Сен-плярской выставкѣ 1823 года считалось всѣхъ новыхъ картинъ 95; въ числѣ ихъ было 63 пейзажа. Господство этого вкуса объясняется близостию Юры и разнообразной Альпійской природы. Справедливо, что привычка рождаетъ равнодушіе къ самымъ великолѣпнымъ, величественнымъ и грознымъ предметамъ; но искусство, открывая для нихъ новыя точки зрѣнія, облачаетъ ихъ и въ новыя прелести, могущія согрѣть самое холодное сердце. Съ наступленіемъ лѣта, здѣшніе художники разсыпаются по всѣмъ окрестностямъ, проводятъ по нѣскольку недѣль въ глуши и передаютъ холсту и хрусталь озеръ и алмазы водопадовъ и дикоснъ утесовъ и всѣ переливы и волшебную игру солнца на снѣгахъ Альвовъ, при его восхожденіи и захожденіи. Часто свѣряя ихъ произведенія съ природою, невольно соглашаешься, что искусство, по крайней мѣрѣ въ нѣкоторыхъ его отрасляхъ, есть точное подражаніе природѣ, и не идеальной, а дѣйствительной, какою она

вышла из хаоса по слову Творца или из рукъ времени.

Художники, приобрѣвшіе извѣстность своими произведеніями, по части исторической живописи: г. Шэ (Chaix); по части поршрешной *Массотъ*, *Ферриеръ* и г-жа *Мюниэ*; пейзажисшы: *Линкъ*, *Стели*, *Топферъ*, *Ориоль* и *Ормуеъ*. Послѣдній избралъ для себя особый родъ живописи, посвятивъ себя исключительно изображенію разнообразныхъ сценъ сельской жизни Савояровъ. Они дышуть подъ его кистию со всѣмъ, ошличающимъ ихъ, просподушіемъ, доброшою, неопрашносною и нищешою. Лучшія изъ его картинъ находящяся теперь въ Россіи. Онъ приобрѣшены г. Маланомъ де Бодиссономъ, имѣющимъ нынѣ свое пребываніе въ Полшавѣ.

Общество испытателей природы, состояющее только опдѣленіе большаго Гельветическаго общества еспешивенной исторіи, имѣетъ всѣ средства для распространенія своихъ изслѣдованій на хребтѣ Юры и въ горахъ Альпійскихъ. Въ его распоряженіяхъ состоятъ ботаническій садъ и городской музей, заключающій въ себѣ значительное

собрание минераловъ, оламенѣлостей, раковинъ, насекомыхъ, птицъ, звѣрей и растеній. Доспашочно одной славы Декандоля, чтобы дать въсь этому обществу. Впрочемъ между членами его еще сияють имена Соссюра и Делюка. Многие изъ путешественниковъ доселѣ принимаютъ послѣдняго за знаменитаго опца его. Онъ самъ съ опкровенностию рассказываетъ, какъ одинъ Нѣмецъ, недавно его поспившій, послѣ долгаго наблюденія его физиономіи, при прощаніи сказалъ съ воспоргомъ: „я почти, „паю себя самымъ счастливымъ человекомъ, „что имѣлъ высокую честь видѣть великаго Делюка.“ Въ собесивенномъ смыслѣ надобно было сказать: не великаго, а длиннаго; потому что сынъ не наследовалъ другихъ качествъ и шансовъ опца своего.

Общество чтенія (Société de lecture) учреждено съ пою цѣлію, чтобы доспавивъ частнымъ лицамъ средспва имѣть свѣдѣнія о всѣхъ новостяхъ въ мірѣ ученомъ и полнитическомъ. Для сего оно выписываетъ не только всѣ извѣснѣйшія вѣдомости и журналы Европейскіе, но нѣкоторыя Греческіе

и Американскіе, и сверхъ того всѣ занима-
тельнѣйшія книги, вновь выходящія во Фран-
ціи, Англіи, Германіи и Италіи. Нѣсколько
времени выписывался здѣсь и нашъ *Вѣстникъ*
Европы, но за немѣлкіемъ знапоковъ Русской
грамоты, нынѣ уже не получается. Для по-
полненія издержекъ обществу, каждый членъ
его, пріѣзжець обязанъ ежегодно вносить
опредѣленную сумму; а иноспраннымъ путе-
шественникамъ открытъ входъ въ залу без-
денежно во всякое время. При ней есть до-
вольно хорошая библіотека, составившаяся
какъ изъ покупокъ, такъ и изъ пожертво-
ваній, и уже заключающая въ себѣ болѣе
10,000 томовъ. Я не могу вспомнить безъ
признашельности объ эпозѣ госпепріимномъ
учрежденіи, доставлявшемъ мнѣ, въ продолже-
ніе моего долгаго пребыванія въ Женевѣ,
самое полезное препровожденіе времени.

Литературное общество (Société littéraire)
есть родъ клуба, имѣющаго разныя отдѣле-
нія, какъ то: собственно литературное, га-
зетное, биліардное и игорное. Одни изъ чле-
новъ въ опредѣленные часы собираются для
ученыхъ бесѣдъ, другіе для чтенія новостей.

По вечерамъ играютъ въ карты, въ лошю, на биліардѣ и пр. Публичныя императорскія собранія не имѣютъ опредѣленнаго времени и назначаются не иначе, какъ по заговору нѣмъ спашей, могущихъ пріятно занять публику. Въ одно изъ такихъ вечеровъ недавно чипаны были вдругъ при баснѣ нашего неподражаемаго Крылова: *лишюкъ, гуси и лжецѣ*, и *метафизикѣ* Хемницера. Первыя три, переложеныя съ буйвальнаго прозаическаго перевода предсѣдатель обществъ г. *Шапоньеромъ* и секретаремъ г. *Пети-Сенномъ*, доставили посѣщителямъ полное удовольствіе, изъявленное непрерывнымъ общимъ рукоплесканіемъ и смѣхомъ; въ послѣдней г. переводчикъ *Куньяръ* придумалъ на мѣсто метафизика пославить ученика репортери, возвратившагося изъ путешествія, и несообразность умничанія его школяра, очень хорошо понятая публикою, послужила только доказательствомъ, какъ опасно опаздываться поправлять великихъ геніевъ.

К Л У Б Ы.

Привычка Женевцевъ къ непринужденному обращенію съ своими сверстниками въ школахъ оснается съ ними на всю жизнь. Она заснавляетъ ихъ предпочитать клубы всякому другому обществу, одушевленному присутствіемъ прекраснаго пола. Всѣхъ клубовъ, существующихъ здѣсь подъ разными наименованіями, много; но я упомяну только о примѣчательнѣйшихъ: 1) *Моряковъ* и 2) *Стрѣльцовъ изъ лука*.

Моряки круглый годъ проводятъ на сушѣ, въ предмѣстіи *Паки*; и только одинъ разъ въ Сентябрь мѣсяцъ являюся на своей сторонѣ со всѣмъ приличнымъ ихъ имени торжествомъ. Въ самый день праздника всѣ казенныя и частныя суда съ ранняго утра

собираются въ пристани Моляръ, находящейся въ городъ, недалеко отъ истока Роны изъ озера. Въ 10 часовъ пакъ называемый *адмиралъ* вспускаетъ на особо приспособленное для него судно, оплечающееся отъ прочихъ флагомъ республики и богато украшеннымъ шапромъ. Адмирала принимають со всѣми приличными сему званію почестями: съ пушечными залпами и громомъ военной музыки. Потомъ, сопровождаемый означенною флотиліею, онъ входитъ въ озеро и держась лѣваго его берега, поднимаешь, въ продолженіе нѣсколькихъ часовъ въ верхъ, мимо предмѣстія *Живыхъ водъ* и дачи Гренады, гдѣ была наша посольная квартира. Мы имѣли свою флотилію, состоявшую изъ двухъ очень красивыхъ лодокъ, съ Русскими флагами. На одной изъ нихъ была Русская надпись: *Краса озера*, на другой *Слава Русскихъ*; — названія нѣсколько громкія, впрочемъ не нами, а самими Женевцами для нихъ придуманныя. Когда адмиральское судно равнялось съ пристанью Гренады, мы салютовали ему поднятіемъ флага и пушечными выстрѣлами; намъ отвѣщивали тѣмъ же.

Отъ Живыхъ водъ флоридіа направлялась на пропивулежащую сторону въ Паки и приспавала къ берегу около 2 часовъ по полудни. Тамъ сначала завязывался у моряковъ разговоръ о трудностяхъ ихъ экспедиціи, о невозможности достать на озерѣ прѣсныхъ винъ и о легкости адмиральскаго судна, проходящаго въ часъ ровно 200 шуазовъ (сажень). Попомъ слѣдовалъ объѣдъ, шосшы и пиръ, въ чемъ, надобно опдаться справедливость здѣшнимъ морякамъ, они не уступаютъ и Англійскимъ. Вечеромъ, по созженіи въ Паки фейерверка, суда спускающа въ городъ, иллюминированныя разноцвѣтными огнями, при пушечныхъ залпахъ, при непрерывныхъ взрывахъ ракетъ, съ барабаннымъ боемъ и игрою музыки. Весь этотъ шумъ и ошблески огней на озерѣ дѣйствительно предшавляютъ зрѣлище великолѣпное и торжественное.

Общество стрѣльцовъ изъ лука (du jeu de l'arc) учреждено здѣсь однимъ Англичаниномъ въ концѣ прошедшаго столѣтія. Правительство Женевское покровительствуетъ подобнымъ учрежденіямъ, какъ приучающимъ

гражданъ въ ловкости, могущей быть полезнаю въ случаѣ внѣшней войны. Въ продолженіе весны и лѣта спрѣльцы собираются ежедневно для спрѣлянія въ цѣль, въ саду ихъ госпиталицы, находящейся на лугу епископскомъ. Въ Сентябрѣ мѣсяцѣ у нихъ также бываетъ годичный праздникъ, въ родѣ рыцарскихъ шурировъ или древнихъ игръ Греческихъ. Въ самый день праздника выставляющся на лугу при цѣли и за каждую назначается особая премія, состоящая изъ какого либо серебрянаго сосуда.

Чтобы дать понятіе о церемоніалѣ этого праздника, достаточно упомянуть объ одномъ изъ нихъ, бывшемъ въ 1824 году, въ которомъ я участвовалъ, какъ госпъ, вмѣстѣ съ нѣсколькими другими иностранцами. Въ восемь часовъ утра мы приглашены были въ городскій домъ синдика Микели; отсюда какъ члены, такъ и госпи, предшествоваемые военною музыкою, отправились попарно черезъ городъ на епископскій лугъ. Первые были одѣты въ свои парадныя куртки, съ зелеными шарфами и съ бронзовыми знаками въ петлицахъ, пред-

сплавляющии лукъ со стрѣлою. Епископскій лукъ имѣеть видъ преугольника, покрытаго правою и со всѣхъ трехъ сторонъ обнесеннаго двумя рядами высокихъ каштановыхъ деревьевъ. Стрѣлянье продолжалось здѣсь около четырехъ часовъ; въ немъ участвовали одни только члены. Первого цѣлю ихъ было изображеніе маленькой плытки, выставленной на высокой жерди; второю цѣлью или ось солнца, на такой же высотѣ; третью и послѣднею голова бумажнаго оленя, бѣгущаго на колесахъ поперекъ луга. Первые двѣ цѣли успроивающіеся такими образомъ, что стрѣлы уносились съ собою, а на стрѣлахъ означены имена стрѣльцевъ. Въ этотъ день ось солнца, проспѣлена была княземъ В. Н. Репнинымъ, едва успѣвшимъ за нѣсколько вечеровъ до праздника ознакомишься съ лукомъ. Когда провозглашено было имя молодого ашлепа, при шумахъ музыки; то его мѣшкось, изумившая спарыхъ стрѣльцевъ, подала имъ поводъ къ долгимъ полкамъ о гимнастическихъ талантахъ всѣхъ Русскихъ.

По окончаніи спирѣцкихъ игръ, въ залѣ общесва дань былъ обѣдъ на 70 кувершовъ, въ заключеніе слѣдовали шосшы: первый предложенъ былъ синдикомъ Мивели за здорвье Его Высочества Мекленбургскаго герцога Павла, сдѣлавшаго честь общесву своимъ посѣщеніемъ, второй за здорвье Русскихъ и прочихъ гостей и ш. д. За десерпомъ пѣпы были г. Шапоньеромъ сочиненные для сего праздника куплеты, и конецъ каждаго куплета, по здѣшнему обыкновенію, повворяемъ былъ хоромъ всѣхъ присушествовавшихъ.

Обратное шесшвіе спирѣцевъ въ городъ было въ шакомъ же порядкѣ и при шакомъ же шеченіи народа, какъ и по упру.

ПОЪЗДКА ВЪ СЪВЕРНУЮ ШВЕЙЦАРІЮ,

1824 года *Августа*

Въ продолженіе нынѣшняго лѣта я ъздилъ въ Парижъ, былъ впрочемо въ Лионѣ и, послѣ краткаго отдохна въ Женевѣ, отпра-вился вмѣстѣ съ княземъ В. Н. Р. къ мине-ральнымъ водамъ въ Баденъ, лежащій въ Аргаусскомъ кантонѣ, на берегу Лимманы. Во время проѣзда нашего черезъ Бернъ, я успѣлъ осмотрѣть его музей, библиошеку и ботаническій садъ.

Музей заключаетъ въ себѣ полное собра-ніе всѣхъ минераловъ Швейцарскихъ, и въ шомъ числѣ окаменѣлостей и огромныхъ кристалловъ, собраніе деревьевъ и живощ-ныхъ. Въ одномъ разрубленномъ деревѣ опи-

крышо изображение креста, чудное подражаніе природы паннспвенному знаменію нашей вѣры. Между живошными примѣчательнѣйшія супь: кабаны, Альпійская кошка, осепрь, пойманный въ Рейнѣ, — Альпійскій орель, величиною въ сажень съ распросперпыми крыльями и знаменитая пѣгая собака, спасшая ошь смерти споль многихъ путешеспвенниковъ.

При музеѣ еспь два особые кабинета: *древностей и рѣдкостей*. Въ числѣ древнихъ памятниковъ находящся: бронзовый бюсптъ Марка Аврелія, мозаикъ, найденный въ Ертегобуиъ и представляющій Персея на пегасѣ, бронзовая группа жреца, держащаго въ правой руиѣ сосудъ и въ лѣвой ножъ надъ шельцемъ, — Геркулесь, спящій на львиной дожь, — форшуна съ рогомъ изобилія и фаумы съ юмошею. Послѣдняя, найденная въ деревнѣ Муръ подлѣ Верна, вся вызолочена. Кресльничникъ, кошорому она принадлежала, полагалъ, что позолошою и подновленіемъ оиъ придастъ ей цѣннесптъ.

Въ числѣ рѣдкостей еспь много Сандвичевскихъ и Ошамшскихъ, подаренныхъ музею

живописцевъ Веберовъ, однимъ изъ слугъ-никовъ капитана Кула; какъ по: морелевская одежда съ красножелтымъ треугольникомъ изъ перьевъ, головной женскій уборъ, ожерелья, ковры, покрывала, шкани и разные другіе наряды изъ древесной коры опшичной работы; военный костюмъ Канадца; свирѣль съ однимъ опверспіемъ, похожая на сиринскъ или Панову свирѣль изъ десяти шроспинокъ.

При входѣ въ *библіотеку* разспавлены Римскія урны съ надписями и одна древняя картина въ Греческомъ вкусѣ, представляющая на золотомъ полѣ Святаго Христофора съ младенцемъ Исусомъ на спинѣ и Св. Петра съ ключами. Г. библіошкаръ Чорнъ показывалъ мнѣ *грамматику Каледонія*, опшнюю мнѣ къ осьмому вѣку, значительное число другіхъ Латинскихъ и Французскихъ рукописей, писанныхъ на пергаментѣ, и между прочимъ собраніе пѣсенъ Прованскихъ шрубадуровъ XIV столѣтія.

Ботаническихъ садовъ въ Бернѣ два: одинъ въ зданіяхъ академіи, другой подлѣ сиронскаго дома, на берегу Аара. Въ последнемъ

въ 1808 году воздвигнуть памятникъ Галлеру, состоящій изъ урны и вѣнца съ насѣкомымъ и раковиною. Можесть бышь изъ уваженія къ памяти сего знаменитаго мужа, самое завѣдываніе садомъ поручено одному изъ членовъ совѣща, кошорый носитъ его имя.

Изъ Берна мы ѣздили въ *Тунд*, чтобы взглянуть на Тунское озеро и на прекрасный его окрестности. Дорога эша есть одна изъ лучшихъ въ Швейцаріи. По споронамъ ея шлануся почти непрерывно по рощи, по дачи съ садами, цвѣтниками и играющими фонтанами.

Городъ Тунъ находится въ шести Французскихъ миляхъ отъ Берна. Рѣка Ааръ раздѣляетъ его на двѣ части; къ востоку отъ него разстилается озеро, окруженное утесами; къ югу покрытые виноградомъ холмы и горы, въ видѣ ступеней, поднимающа до слоя облаковъ, опоясывающихъ Альпійскихъ великановъ: Юнгфрау, Муанъ, Ейгеръ, Блюмлисъ и проч. На южномъ берегу озера видны замки Шадау, Цейнигенъ и городокъ Шпицъ съ башнею древняго Штрамплинген-

слаго замка, принадлежавшаго семейству основателя вшораго королевства Бургундскаго.

Подлѣ Туна устроены союзный Гельветическій лагерь. Здѣсь мы встрѣшили Женевскаго полковника Дюфура и нѣсколько молодыхъ людей изъ Женевы, разыгрывающихъ роль очень ловкихъ офицеровъ. Г. Дюфуръ, воспитанникъ политехническаго института, долгое время служилъ въ арміи Наполеона; нынѣ онъ командуетъ всею Швейцарскою артиллеріею и преподаетъ офицерамъ военныя науки. Чшобы приучить своихъ артиллеристовъ ко всѣмъ внезапнымъ встрѣчамъ съ непріателемъ, онъ маневрируетъ съ ними на горахъ по нѣсколькѣ дней безъ отдыха.

Мы обѣдали въ веселомъ и шумномъ кругу офицеровъ и выѣхали изъ Туна уже передъ захожденіемъ солнца.

БАДЕНЪ ВЪ ШВЕЙЦАРІИ.

Отъ Берна до Бадена два дня ѣзды. Горячіе *кюсти Баденскіе* на вѣспны были еще Римлянамъ, подъ именемъ пеплыхъ Гельветическихъ бань (*thermae Helveticae*). Въ средніе вѣки и въ особенності около времени Констанцкаго собора спеченіе посѣщителей въ нихъ бывало чрезвычайно. Изъ письма одного Италіанца Поджіо, участвовавшаго въ этомъ соборѣ, видно, что въ то время собирались сюда одержимые не столько плѣсными, сколько душевными недугами. Множество прелесныхъ женщинъ, замужнихъ, но безъ мужей, въ сопровожденіи двухъ служанокъ или какой нибудь спарухи, разряженныя въ богатныя платья и разукрашенныя золошомъ и драгоцѣнными каменья-

ни, являлись въ бани, какъ бы на брачный вѣръ. Мужчины, и даже аббаты и монахи-снѣвующіе бранья, всѣ безъ заарѣкіа совѣспн купались съ ними большею часпію въ одѣхъ баняхъ; украсивъ головы вѣкбани, всѣ замѣны были одною мыслію: какъ бы веселѣе провести время и болѣе насладиться удовольствіемъ (*).

Таковы были времена и нравы. Нынѣ, благодаря просвѣщенію, благочиніе соблюдается строго. Общія бани для проспаго народа сущесвуютъ еще и доселѣ, но женскія отдѣлены отъ мужскихъ. Соспояніе щеплоны ключей проспирается до 37 градусовъ, по Реомюрову щермометру. Они заключаютъ въ себѣ кислородный газъ, морскую соль, Глауберову соль, магnezію и пр. Проспой народъ доселѣ приписываетъ имъ свойспво, уничтожающее въ женщинахъ неплодіе; но, вѣроятно, это мнѣніе осталось еще отъ прежнихъ, описанныхъ Поджіемъ временъ.

(*) Подробности сего письма, писаннаго по Латыши, можно видѣть въ le Conservateur suisse, стр. 391 и 392.

Число пользующихся нынѣ Баденскими водами, кажешся, во все продолженіе лѣта не превышаетъ 400 лицъ обоего пола. Для прогулокъ вблизи города есть одинъ только небольшой бульваръ; для вечернихъ собраній одинъ лубочный театръ съ Нѣмецкою труппою, помѣщаемый въ какомъ-то сараѣ. Зала шанцклуба очень хороша; но, можешь быть, по причинѣ отдаленности отъ города, всегда бываетъ пуста. Она украшена 12 большими видами нашей бѣловаменной Москвы, снятыми впрочемъ съ нея еще въ 90-хъ годахъ прошедшаго столѣтія.

Ц Ю Р И Х Ъ.

10 Сентября н. с. я отправился въ почтовой коляскѣ въ *Цюрихъ*, отстоящій отъ Бадена только на 20 верстѣ. Этого городъ

также извѣстенъ былъ еще Римлянамъ подъ именемъ *Thuricum*. Въ средніе вѣки онъ носилъ имя *утенаго* города, въ новѣйшія времена прозванъ *Амтали Нѣмецкой Швейцаріи*. Цюрихъ былъ колыбелію реформаціи и опчиною знаменитаго реформатора Ульриха Цвинглія. Въ 1467 году въ немъ считалось только 4,476 жителей; въ 1610 12,994; въ 1700 8,110; въ 1794 12,000. Не смотря на столь малое народонаселеніе, онъ числомъ ученыхъ мужей, имъ произведенныхъ, превосходитъ всѣ города въ Европѣ. Довольно наименовать здѣсь богослововъ *Бюллингера*, *Циллиермана* и *Лафатеровъ*, естествоиспытателя *Конрада Геснера*, испорика Іосію *Зиллера*, астрономовъ *Лемана* и нынѣшняго профессора *Горнера*, философовъ *Вольфа*, и Генриха *Мейстера*, ориенталиста *Готтлигера*, поэтовъ *Бодлера*, *І. І. Лафатера* и *Соломона Геснера* и педагога *Песталлоцци*. Въ Цюрихѣ есть академія съ двумя факультетами, богословскимъ и философскимъ, высшая подъ именемъ *collegium carolinum*; одна школа художествъ, одна военная; медикохирургическій институтъ, двѣ школы

взаимнаго обученія и нѣскольکو другихъ училищъ.

По прибытіи въ Цюрихъ, я немедленно отправился въ городскую библіотеку. Она заключаетъ въ себѣ до 40,000 томовъ и множество рукописей. Въ числѣ послѣднихъ показывающся собственноручныя сочиненія Цвинглія, 700 лѣтописей Швейцарскихъ, письма Генриха IV, часть Ватиканскаго кодекса (codex Vaticanus), писаннаго на фіолетовомъ пергаментѣ, — манускриптъ Квинциліана, не знаю въ какомъ смыслѣ, называемый оригинальнымъ, но по всѣмъ признакамъ принадлежащій XIII вѣку, и Латинскія письма *Іоанны Грей* къ Бюллингеру. Эта ученѣйшая своего времени женщина знала языки Латинскій, Греческій и даже Еврейскій, какъ видно изъ слѣдующаго пункта письма ея: „Ad Hebraicae linguae studium eam, quam mihi fidelissime monstras, viam sequar etc... Вкусъ и чистота ея Латинскаго слога должны приводить въ опчальніе нынѣшнихъ Латинистовъ.

Библіотека украшена портретами Цвинглія, его жены, всѣхъ бургмейстеровъ съ 1336

года по 1798 и прекраснымъ бюстомъ Лафатера, работаннымъ въ 1805 году знаменитымъ Даннокеромъ.

Планы икопированныхъ частей Швейцаріи въ рельефъ, какъ альпійскій, такъ и Бернскій, уже не могутъ считаться чудесами перфекціи и искусства, послѣ того огромнаго плана, который конченъ въ прошедшемъ году въ Женевѣ г. Годенемъ. Сей послѣдній имѣетъ около 10 квадратныхъ аршинъ и представляетъ всѣ Швейцарскія Альпы, озера, лѣса, долины, города, селенія, пастушескія хижины, дороги и пропасты со всѣми мѣлчайшими подробностями, съ соблюденіемъ строжайшей пропорціи и даже самаго цѣпа всѣхъ предметовъ. Художникъ употребилъ на измѣреніе транспансъ и высоты 15 лѣтъ. Эта живая картина Швейцаріи покупана была въ Россію и, къ сожалѣнію, перепущена однимъ Англичаниномъ.

Соломонъ Геснеръ всѣмъ извѣстенъ, какъ пѣвецъ Авеля и Теокрытъ Швейцарскій; но, можетъ быть, немногіе знаютъ его отличныи талантъ въ пейзажной живописи. Изъ пейзажей, видѣнныхъ мною въ библіотекѣ

и въ домъ вдовствующей жены его, особенно повражались мнѣ слѣдующіе: а) *храмъ Аполлона*, въ кошорый женщины и мужчины несутъ на головахъ корзины съ цвѣтами и ведутъ живописныхъ на жертву; б) *Греческая баня*, съ спашуею наяды, выжимающей волосы; изъ гроша выходить Гречанка, располагающаяся купаться въ бассейнѣ; с) *дѣвѣушки*, разговаривающія о любви; д) *мать*, держащая дитя на колѣнахъ, манишь его виноградомъ; дитя протягиваетъ ручонки, чшобы схватить виноградъ; повади пасуху играешь на семиспвольной свирѣли; пасушка слушаетъ его со вниманіемъ. е) *Дѣвска* подняла передникъ и манишь ушокъ, кошоры бѣгутъ ошь нея въ воду; ф) пасуху и двѣ пасушки, разговаривающіе при колодезѣ, украшенномъ спашуею наяды; г) *Дафна*, превращающаяся въ лавръ въ объятіяхъ изумленнаго Аполлона; б) *Дѣвѣушка*, споящая на колѣнахъ передъ спашуею Діаны; и) *Дѣвѣушка въ еротѣ*, играющая на лирѣ. Во всѣхъ этихъ прозаведеніяхъ Геснера видна таже поэзія, прелестъ и простодушіе, какими дышутъ его идиліи.

Удивительны приходы и своенравіе вкуса! Давно ли Геснеръ былъ предметомъ обожанія цѣлой Европы; а теперь, если надъ нимъ не смѣются, то по крайней мѣрѣ не читають его, забывая, что его великій геній пробудилъ и, можетъ быть, надолго упрочилъ общую любовь къ природѣ и ко всѣмъ невиннымъ удовольствіямъ сельской жизни. Однимъ только граждане Цюриха гордятся его славой, какъ собственною своею. Неподалеку отъ города, при слияніи Лимманы съ Сялою, въ небольшой рощицѣ, они соорудили ему простую, но прекрасный *мавзолей*, обложенный чернымъ мраморомъ и украшенный урною, медальономъ и барельефомъ изъ бѣлаго каррарскаго мрамора. Мысль и исполненіе памятника принадлежатъ Римскому художнику Триппелю. Барельефъ представляетъ Дафниса и Микона изъ идилліи Геснера. Дафнисъ, подлѣ гробницы своего отца, предлагаетъ на шреножникѣ своему гостю корзину плодовъ и кружку молока. Миконъ, распрощанный воспоминаніями, наливаетъ первую чашу въ честь шѣни добродѣтели.

наго паспуха. Первый сморшигъ съ умиле-
ніемъ на жершву признапельности.

Опсюда зашелъ я на Цюрихское кладби-
ще, чшобы поклонишься праху Лафалтера;
попомъ осмашриваль арсеналь, гдѣ храняш-
ся знамена, завоеванныя при Семпахъ и
спвольный лукъ (arquebuse) Вильгельма Теля.

Съ шакъ называемаго Кошечьяго басті-
она, мой чичероне показываль мнѣ поле не-
счастливаго сраженія, происходившаго въ 1799
году 8 Септября между Русскими и Фран-
цузами. Судьба бившь непосшюйна, свое-
равна, непосшижима. Два дня разницы — и
Массена, вмѣсто шого, чшобы поржеспиво-
вашь побѣду, понесь бы на плечахъ своихъ
нашихъ чудобогатырей во Францію, а мо-
жешь бышь и въ Парижъ. Подобныя зрѣли-
ща и рассказы сами собою располагають къ
врачнымъ мыслямъ; но зашѣпивъ еще, что
невѣжда чичероне нѣсколько разъ, вмѣсто
Корсакова, называль Суворова, я невольнымъ
образомъ увлекся чувствомъ негодованія и
повелишельно сказалъ ему: „имя Суворова
не иначе произноси, какъ съ благоговѣніемъ;
его никто не смѣлъ побѣждать, пошому что

ему вездѣ и всегда сопутствовала побѣда.“ Приведенный въ замѣшательство ораторъ снялъ шляпу и, извиняясь въ своей ошибкѣ, со всѣмъ Швейцарскимъ просподушнѣмъ обѣщался впередъ никогда не вмѣшиваться непобѣдимаго героя въ свои рассказы о Цюрихскомъ сраженіи. Можеть быть, моя выходка покажется кому нибудь смѣшною, но конечно уже не тому, кто знаетъ, что эти чертоны рассказываютъ всегда, какъ по писанному и что большая часть путешественниковъ вѣрятъ имъ, какъ чинанному.

Упомянутый дневными прогулками, я сидѣлъ неподвижно подъ окномъ, въ пражирѣ Меча, славящаяся обширностію и великолѣніемъ своихъ видовъ. Уже ночь разсплала свои краски надъ городомъ и окрестностями и меньшую вѣдь могъ остановиться только на зыбкой полосѣ озера, осыпаннаго лучами мѣсяца. Внутри города, среди озера плавались шны двухъ предметовъ, совершенно одинъ другому противоположныхъ: вдали островокъ съ садикомъ, назначенный для гулянья гражданъ, — вблизи башня, служащая островкомъ для преслушниковъ. Ея

узники такъ же глашаютъ сыросшь, какъ нѣкогда Шильонскіе, и, подобно послѣднимъ, часто ничего болѣе не слышатъ, кромѣ однообразнаго удара волнъ, разбивающихся о стѣны ихъ жилища. Сколько позвн для наблюдателя, одареннаго чувствомъ!

Но вопль пробило одинадцать часовъ ночи; вслѣдъ за тѣмъ съ часовой башни спорожъ проигралъ на трубѣ; другой, расхаживая по улицамъ, началъ распѣвать передъ каждымъ домою свою завѣтную пѣсню: „Любезные граждане! Одинадцать часовъ пробило.“ Это герольдъ грядущаго сна.

Мой сонъ былъ сладокъ, но не дологъ. Громкій дамскій годось, разлившійся по площади, разбудилъ меня. Языкъ Французскій, а повороты его какъ бы знакомой шрещопки. Такъ и ешь. Вошедшій ко мнѣ, по зову колокольчика, келлернъ, извѣспилъ меня, что это наша Русская Полька N... Она изволишь вымещать хозяйну гостиницы за то, что онъ взялъ съ нея за ночлегъ 300 франковъ. „Трисца франковъ? Въ полномъ ли онъ умѣ? А какъ велика ея свиша?“— „Да не малая; съ полдюжины аккомпаньоновъ да гувернеровъ,

съ дюжинну гувернаншоукъ да служанокъ, и около двухъ дюжинъ лакеевъ и кучеровъ.“— Бѣдненькая! подумалъ я; много же придется ошь Цюриха до Женевы поплашиться швоему карману и порабобашать швоему язычку. Эшимъ грубымъ Швейцарцамъ никакъ нельзя вкодошнить въ голову, что служанки не барышни, а слуги не бояре; они все-таки пер-выхъ называютъ фрейллинами, а послѣднихъ херами; за споломъ подають имъ особия кувершы, послѣ сполоа опшодяшь особия коннашы, съ особыми пышными поспелями; и все это для того, чтобы подвесши ихъ подъ одинъ шпогъ съ господами.

Благодареніе нашей дамъ, я встрѣшилъ ушро 11 Сеншября, 30 Августа Русскаго шшла, ушро шоржеспивеннѣйшее для всѣхъ Русскихъ, съ шакимъ шоржеспивомъ чувспивъ, какое рѣдко встрѣчается намъ въ жизни. Я слѣдовалъ взоромъ за всѣми переливами ушренняго свѣша на Альпахъ, за этою огненною полосою, проспершеюся по длинной цѣпи снѣжныхъ горъ, поспепенно распротспранявшеюся по холмамъ, по долинамъ и наконецъ разсыпавшеюся по хрустальной поверх-

носпи озера, во все его пропняженіе. Какой великолѣпный пирь природы, поржеспивующей появленіе царя свѣшилъ, одѣвшаго ее свѣпомъ, дакъ рмаю!

По упру я поѣхилъ профессора аспрономіи Горнера, совершившаго съ Крузеншперномъ пушешеспвіе вокругъ свѣша. Признапешельный къ Русскимъ, онъ привалъ и меня съ радушіемъ. Ошъ него заходилъ я въ соборную церковь, посмопръпшь на богослуженіе послѣдовашелей Цвинглія. Попомъ ошправилса одинъ, пѣпшій, въ обранный пушь, по проселочной дорогѣ, идущей по правому берегу Лимашы. Со мною безпреспанно вспрѣчалмса группы женщипвъ и дѣвушекъ въ праздничныхъ ихъ нарядахъ. Вспаприваясь въ ихъ фпзіогномію, я спаралса ошыскашь и повѣрпшь сходспво ихъ съ шѣми порппрешами, кошорые шакъ прелеспсно изображены живописцемъ — попомъ Гесперомъ.

ЖЕНЕВА

ПУБЛИЧНЫЯ ЛЕКЦІИ Г-НА ДЮРАНА.

Изъ публичныхъ лекцій, преподаваемыхъ здѣсь профессорами, особенно примѣчательны были, въ продолженіе зимы 1824 и 25 года, уроки словесности Француза *Дюрана*, бывшаго прокуроромъ королевскимъ (*Avocat, Ancien Procureur du Roi*). Г. Дюранъ не имѣлъ приязаній на ученость, опуская своихъ слушателей, по часнымъ теоріямъ, къ *Вашпю*, *Лагарпу* и *Блеру*; но, обладая необыкновенною памятью, отличнымъ искусствомъ декламатора и навыкомъ въ импровизаціи, онъ старался блеснуть преимущественно эними талантами. Курсъ его сосполя изъ 40 уроковъ; изъ нихъ 20 были посвящены поэзіи и столько же прозѣ. Въ первые два урока, которые можно назвать вслушительными,

онъ распространялъ одну шолько мысль, что ясность и краткость составляютъ все основаніе его системы. Передъ претшею лекціею ему подано было письменное замѣчаніе, что онъ прошиву двухъ своихъ началъ уже два раза погрѣшилъ, говоря объ нихъ и безъ плана и чрезвычайно распянушо. Г. Дюранъ оправдывался, извинялся и вѣспѣ съ шѣмъ понялъ, что имѣеть дѣло не съ одними новичками въ словесности. Послѣдующія его лекціи съ каждымъ разомъ спановились занимательнѣе; зала, данная ему общесивомъ поощренія художествъ, поспепенно наполнялась слушателями и слушательницами, пока не оспалось въ ней мѣста. Онъ принялъ методу просшую, но привлекашетьную, представляя всѣ свои чтенія въ дѣйствіи.

Одна изъ его лекцій *о древнемъ краснорѣчїи Эллинскомъ* оспанется навсегда памяшною для его слушателей. Г. Дюранъ избралъ для сего роль Димосеена, говорящаго рѣчь передъ гражданами *о сѣнцѣ* и одного изъ слушателей своихъ осудилъ бытъ Эсхиномъ, чтобы бросить на него всѣ громы своего краснорѣчїа. Въ залѣ царшвовала глубокая

шишина; никакъ не смѣлъ переводить дыха-
нія. Актеръ-ораторъ, ловя только главныя
мысли представляемаго имъ лица и одушев-
ляясь чувствомъ негодованія, принималъ по-
переменно положенія тѣла благородныя, ве-
личественныя и даже грозныя. Въ одно
изъ такихъ мгновеній невольно распростра-
нился въ аудиторию общій тихій шопотъ
одобренія. Ловкій ораторъ, пользуясь этимъ
движеніемъ публики, остановилъ грозный
взоръ на своего соперникъ и, понизивъ го-
лось, дрожащій отъ желчи, спросилъ его:
„слышишь ли эпосъ тихій говоръ въ сон-
мѣ гражданъ, пришедшихъ бытъ судіями на-
шихъ преній? Это ропотъ противъ своихъ
дерзновенныхъ покушеній на правду, на доб-
лесть, на заслуги, оказываемыя республикѣ.“
Лишь только успѣлъ онъ произнести по-
слѣднія слова, вся аудитория какъ бы по
данному знаку, разразилась громкими руко-
плесканіями и продолжительными восклица-
ніями, принудившими торжествующаго ор-
тора на нѣсколько минутъ прервать про-
долженіе рѣчи.

Надобно признаться, что нельзя придумать лучшего способа для раскрытия духа древних ораторов и философов, как подобное драматическое представление. Здесь требуется только одно условие, чтобы паланши преподавателя в состоянии были поддерживать эту шрудную роль, в которой сь высокими такъ смежно смѣшное. Г. Дюранъ имѣлъ случай впорочно показати во всемъ блескъ силу своего паланша, объясняя философію Платона. Онъ избралъ для сего извѣстное сочиненіе *Федонъ* или разговоръ Сократа съ учениками о безсмертіи души; и сь такою точностію схватилъ главныя черпы Греческаго философа, такъ вѣрно приоровился къ Сократическому способу пренія, что слушатели какъ бы увлечены были въ древніа Аѳины, на мѣсто самаго дѣйствія.

Послѣ этой лекціи г. Дюранъ, по обыкновенію своему, пошелъ прямо на Трель, любимое мѣсто гулянья Женевцевъ, гдѣ въ продолженіе зимы обыкновенно собирается лучшая публика. Минуть черезъ нѣнадцать, совсѣмъ неожиданно явилась къ нему депу-

нація изъ почетнѣйшихъ дамъ и публично поднесла ему лавровый вѣнокъ. Въ эту минуту нашъ орашоръ, казалось, не въ меньшемъ былъ восшоргѣ, какъ и Греческій, когда онъ получалъ отъ Аенннннъ золотый вѣнецъ, оспоренный имъ у Эскина.

Первую половину своего обѣщанія, данаго въ началѣ лекцій, г. Дюранъ исполнилъ съ точностію, п. е. онъ былъ вполне ясенъ, исключая того, что мы не могли понять, что онъ разумѣлъ подъ *краткостію*. Впрочемъ, въ послѣдствіи онъ вспомнилъ правило Горация: *brevis esse laboro, obscurus fio*. Большая часть его лекцій состояла въ пріятномъ разсказѣ исторій и анекдотовъ и въ сценическомъ чтеніи прииѣровъ; между прииѣрами достопримѣчательнъ былъ собственннй его переводъ Шильонскаго уаника.

Теорія, какъ опаснаго камня преткнове- нія для импровизаціи, онъ умѣлъ избѣгать съ свойственною ему ловкостію. Определе- нія его были просты, но не безъ зашѣлки- вости. Спорный вопросъ о разликіи между школами классическою и романшическою раз- рѣшенъ имъ былъ слѣдующимъ образомъ:

„Всѣ Французскіе писатели суть класси-
ки, всѣ иноспранные романрики; повсюрюю
и утверждаю: все, что писано во Франціи,
принадлежитъ къ классической школѣ, и
все, что писано внѣ Франціи, есть роман-
пическое.“

Изъ этого раздѣленія можно было бы за-
ключить, что наши литераторы всѣ роман-
ники и даже самые ошчаянные, шакъ какъ
Россія далѣе прочихъ Европейскихъ госу-
дарствъ ошстоитъ ошъ Франціи; но на
повѣрку вышло совсѣмъ другое. Г. Дюранъ,
перебирая всѣ Европейскія литературы,
объ Русской не сказалъ ни слова, разумѣн-
ся попому, что онъ не имѣлъ объ ней ни-
какого понятія; но, не показывая и виду
своего незнанія, и припомъ основываясь,
какъ кажешся, на началахъ вновь возникаю-
щей во Франціи школы, далъ шолько замѣ-
шить намеками, что въ Россіи литературы
быть не можешъ.

Въ заключение, и какъ бы на перекоръ
этому новому мыслишелю, одна изъ на-
шихъ соопечешвенницъ, вѣроятно люби-
пельница словесности и всего изящнаго,

пригласила его соупотребованъ ей по классической Италіи. Мищеніе самое Русское и великодушное! (*)

ИГРА Г-жи ДЮШЕНУА, ПЕРВОЙ ТРАГИЧЕСКОЙ АКТРИСЫ ПАРИЖСКОЙ,

1823 года....

Въ продолженіе нынѣшняго лѣта, весь Женевскій кантонъ занимался преимущественно двумя явленіями. Въ шесть часовъ

(*) Г. Дюранъ уже извѣстенъ нашей публикѣ; онъ давалъ публичные лекціи въ Москвѣ и С. Петербургѣ въ 1854 году. Пріемъ, сдѣланный ему нашими литераторами, долженъ непременно убедить его отнести ихъ или къ одной изъ готовыхъ уже школъ или изобрести для нихъ новую, хотя бы Азіатскую. Въ одной изъ своихъ лекцій въ Москвѣ онъ въ самомъ дѣлѣ, основываясь на стрижкѣ волосъ, — относилъ Русскихъ къ Азіатцамъ....

упра шарые и малые обыкновенно выходили на берега озера провожашь пароходъ, недавно построенный иждивеніемъ консула Соединенныхъ Штатовъ, г. Чорча, и названный *Вильгельмомъ Телемъ*. Въ печеніи дня оны приспавалъ къ Ніону, къ Ролю и Моржу, оспанавливался въ Лозаннѣ и Веве, а въ семь часовъ вечера возвращался съ поржешивомъ въ Женеву. Пароходъ очень долгое время былъ единственныиъ предметомъ здѣшнихъ полжпиковъ, философовъ и художниковъ; оны только одниъ верпгѣлся на языкъ у шариковъ и дѣпей, у мушннѣ и женщннѣ. Но явилась дѣвица *Дюшенуа*, Мельпомена Парижская — и весь канпонъ, вмѣспѣ съ Вильгельмомъ Телемъ, упаль передъ нею. Граждане несли ей въ дань свои флорины, живописцы свои кнспн, поэты свои спнхн и вѣнкн.

Многіе называютъ театральное искусство предметомъ роскоши; я назову его роскошью ума человѣческаго, излишнею и можетъ быть вредною для людей обыкновенныхъ, полезною и необходимою для душъ благородныхъ. Мы имѣемъ врожденное спрем-

леніе къ возможнымъ совершенствамъ. Что же можете удовлетворить сему влеченію природы, кромѣ искусствъ изящныхъ? Если бы могли мы приучить свои чувства къ такой гармоніи, какую возбуждаетъ въ насъ музыка: мы были бы существами высшими. Если бы могли мы присвоить себѣ формы, движенія и характеры, представляемые живописью, ваяніемъ и поэзію: мы были бы и на землѣ существами болѣе совершенными. Изящныя искусства, которыя справедливо у Грековъ назывались родными сестрами, дышащъ и живущъ одни другими. Неподрожимый рѣзецъ Кановы въ Адонисѣ и Венерѣ оживилъ поэзію; панцы нашихъ вестрисовъ приводящъ въ движеніе живопись и ваяніе. Искусство Мельпомены объемлетъ поэзію, мимику, живопись и музыку; отъ нихъ оно получаетъ свое бытіе и имъ же даетъ новую душу. Но чѣмъ болѣе оно сближается съ пошлоронными искусствами; тѣмъ болѣе имѣетъ силы и порожества надъ нами. Спрогной правоучитель гремитъ противъ нашей нравственности, — и мы, къ несчастію, рѣдко его слушаемъ. Герой трагедіи не говоритъ

намъ о добродѣтели, но дѣйствуешь — и мы невольно возвышаемся духомъ надъ сферою нашихъ чувствъ обыкновенныхъ. Вопрь почему великій философъ Аристотель думаетъ, что въ драматической поэзіи болѣе философіи, нежели въ самой исторіи. По эстетическимъ отношеніямъ и игра знаменитыхъ актеровъ сколько же мнѣ казался достойною вниманія, сколько изящныя произведенія великихъ стихотворцевъ.

Дюшенуа съ своею шарлатанскою игрою и повтора въ Женевѣ слѣдующій трагедіи: Меропу, Федру, Андронаху, Танкреда, Альзиру, Иоанна д'Аркъ и Марію Скуарръ. Чтобы дать понятіе объ искусствѣ этой актрисы, я намѣренъ показать ходъ ея игры съ нѣкоторою подробностію. Начнемъ разборомъ трагедіи, которая содержаніемъ своимъ заставляетъ плакать Грековъ и разнообразіемъ сценъ занимаетъ всѣхъ новѣйшихъ. Не нужно пояснять, что здѣсь говорится о *Федрѣ*.

Во II дѣйствіи, въ V явленіи Федра говоритъ Ипполиту, что супругъ ея не умеръ, но живетъ въ самомъ Ипполитѣ. „Я на него

сможрю, съ нимъ говорю и мое сердце....“
При этомъ словѣ она приходитъ въ смященіе, которое Ипполитъ, ничего не подозревающій, приписываетъ дѣйствию ея любви къ Тезею.

«Такъ, государь, люблю, боготворю Тезея:
«Тезей мнѣ милъ! Не тотъ, что въ тартарѣ нисходилъ,
«Что тысячи красотъ похитилъ и планилъ,
«Что послануть готовъ на одръ тѣсей владыки;
«Но вѣрный и молодой, но гордый—даже дикій,
«Прелестный, взоры всѣхъ влекущій на себя.
«Похожій на боговъ, похожій на тебя.» (*)

Федра вся была въ сладостномъ очарованіи, когда произносила послѣднія слова: *ou tel que je vous vois*. Вдругъ переменяетъ тонъ и досадуешь, что Ипполитъ не былъ съ опцемъ своимъ въ Кришѣ. Начиная съ словъ: „Что ты дѣлалъ тогда; *Que faisiez vous alors?*“ Федра произноситъ всѣ слѣдующіе оснадцашъ стиховъ громко, быстро, не перерывая голоса и почти не переводя духа. Ипполитъ изумляется и напоминаетъ, что Тезей его опецъ, а ея супругъ. Хорошо она выразила приговоръ

(*) Переводъ М. Е. Лобанова.

снво, когда съ важностию спросила его:
„Изъ чего ты, князь, заключаешь, что я за-
была Тезея?“ Исполнить отвѣчаетъ ей рав-
нымъ принворсшвомъ, извиняется и хотеть
удалиться.

«Нѣтъ, помялъ ты, все помялъ ты, жестокий!»

вослицаетъ она съ злою улыбкою и послѣ
сего, объявая прешомъ, говоритъ швердо
и рѣшишельно: „Такъ я люблю.“ Въ слѣдую-
щихъ стихахъ, рассказывая о любви и сред-
ствахъ, употребленныхъ ею для погашенія
этой спрасши, она чшшаетъ быспро, посше-
пенно приходитъ въ изсшупленіе, посшепен-
но возвышаетъ голосъ, и наконецъ напол-
няетъ весь шеашръ громкимъ воплемъ и ужа-
сомъ при сихъ словахъ: „освободи вселенную
отъ чудовища, шебя раздражающаго; рази
меня, или дай мнѣ мечъ, если не хочешь оба-
гришь руки швоей шоль гнусною кровію.“

Въ IV дѣйствіи Федра принимаетъ спраш-
ное намѣреніе погубить свою соперницу Ари-
сію; рѣшается вооружить прошивъ нея гнѣвъ
своего супруга, и вдругъ приходитъ въ на-
мяшь.

«Что делаю, увы! Где разумъ, Федра, твой!

«Реаную и отмстить — Тезея умоляю!

«Супругъ мой живъ, а я любовью пылаю!

«Къ кому?

«Что слово — на челъ вздымаются власы!»

Chaque mot sur mon front fait dresser mes cheveux. Переходъ отъ злоспши къ раскаянію превосходно былъ сыгранъ. Федра вздрогнула, приблизилась къ сценѣ; спрашивала себя голосомъ дикимъ, опривислымъ. При последнемъ стихѣ она опустила голосъ; приподнялась; дикіе глаза ея остановились; — спала, какъ окаменѣлая, съ опверсшимъ рпомъ — и всѣ зрители невольно запрепещали....

Игра г-жи Дюшенуа въ пятомъ дѣйствіи можетъ также служить доказательствомъ, сколь хорошо она знаетъ ходъ спраспей. Оправдывая Иволипа и признаваясь въ клеветѣ, она говорила тихо и опривисто; приговорившись къ смерти и чувствуя дѣйствіе принятаго яда, она не изъясляла болѣе живыхъ движеній, ни робости, ни раскаянія; голосъ ея замиралъ на устахъ; полуопарыныѣ, занавившіеся глаза помутились

*

и спояли неподвижно, когда она произносила слѣдующій стихъ: „Уже, какъ бы сквозь облако, смошрю я на небо и на сунруга.“

Послѣ превосходной игры г-жи Дюшенуа ни Панопъ, ни Тезей не смѣли окончивъ трагедіи и занавѣсъ опустился. Въ пятомъ дѣйствіи пріятно было видѣть, какъ Женевцы приготовлялись слушать рассказъ о смерти Ипполита. Ученые заспавили молчашъ неученыхъ; мужчины шѣснились, женщины вспали; все упихло — и чтеніе худаго актера, но искуснаго декламатора, награждено было рукоплесканіемъ.

Марія Стюартъ, трагедія Пьера ле Брюня, въ первой разѣ представлена была въ Парижѣ 6 Марта 1820 года. Она естъ подражаніе Шиллеровой трагедіи; въ ней мало дѣйствія и много недоспатковъ въ ходѣ; но характеръ Маріи благороденъ и опъ начала до конца выдержанъ. Я видѣлъ г-жу Дюшенуа въ роли Маріи, и смѣю назвашъ эту игру шоржеспвомъ ея искусства. Надобно имѣть глубокое знаніе сердца и часто видѣть царей, чпобы съ такимъ благородспвомъ подражашъ имъ; и съ другой спороны надобно

видѣшь г-жу Дюшенуа въ этой роли, чтобы
имѣшь понятіе о царственномъ величіи.

Первое дѣйствіе, какъ извѣстно, происходишь въ замкѣ Фошериньи. Въ сценѣ съ Бурлейхомъ, когда онъ хочешь прочиташь приговоръ, произнесенный надъ Марією парламентомъ, Марія, прерывая Бурлейха, говоришь съ важностию королевы: „Какой бы онъ ни былъ, я не хочу его слушашь. Я не могу измѣнить моимъ правамъ и моему долгу, и не признаю власти судей, надо мною посланныхъ. Милордъ! я королева и королева иноземная. Меня думаютъ подчинить законамъ Англійскимъ; но подъ защитою этихъ самыхъ законовъ не имѣешь ли права самый послѣдній гражданинъ бышь судимъ своими перами? Какихъ же судей я могу признашь надъ собою? Гдѣ мои перы? Оди только цари могутъ бышь ими.“ Бурлейхъ хотѣлъ доказывашь, что она подчинена теперь парламенту; Марія, прерывая его, гордо отвѣчала: „Никогда! Но еслибъ и подчинена была; могла ли бы я ожидать отъ него праведнаго рѣшенія? Говори: не полтъ же ли это парламентъ, который былъ низкимъ

орудіемъ Генриха Осьмаго? Который всегда продавалъ свои голоса монархамъ, который говорилъ и молчалъ, оправдывалъ и обвинялъ по тайнымъ повелѣніямъ, отъ нихъ полученнымъ, и который, подчиняя самаго Бога человѣческой власти, при четырехъ короляхъ четыре раза переменялъ вѣру? Пислѣдній спѣхъ этой рѣчи произнесенъ былъ такимъ голосомъ, который выражалъ какое-то глубокое благоговѣніе и священный ужасъ. Далѣе Бурлейхъ хотѣлъ только выговорить, что она покушалась изгнать ихъ вѣру, ихъ королеву; Марія прервала его громкимъ и повелительнымъ шепотомъ: „Осшановись! Надъ правосудіемъ, надъ Богомъ надѣваешься ты, милордъ! Когда имѣла я это намѣреніе?“ Бурлейхъ упоминаетъ о заговорѣ Бабингтона, и ссылается на свидѣтельство совсѣстныхъ ей служителей. Марія требуетъ, чтобы они повторили передъ нею клеветы свои. Бурлейхъ, какъ хитрый министръ, увертливается и намекаетъ, что она гошовила новые заговоры. Раздраженная королева прервала и, такъ сказавъ, сразила его грознымъ и сильнымъ шепотомъ:

„Милордъ! шы не даешъ опивѣша. Milord! vous ne gerondez pas...“ Во всемъ этомъ разговорѣ Марія съ Бурлейхомъ дѣвица Дюшенуа выразила въ высочайшей степени чувство благородной гордости, приличной высокому сану; но, произнося слова: „Милордъ! шы не даешъ опивѣша,“ она была совершенною королевой. Если бы актеръ, игравшій роль Бурлейха, не былъ актеромъ; еслибъ онъ услышалъ въ первой разъ эшоуъ повелительный голосъ, въ первой разъ увидѣлъ эшоуъ грозный взглядъ и величественное положеніе: онъ невольно выронилъ бы нѣтъ рукъ своихъ опредѣленіе парламента. По крайней мѣрѣ я понялъ теперь, чѣмъ великій ораторъ Рима заславилъ Кесаря выронивъ приговоръ смертный.

Третье дѣйствіе происходитъ въ саду. Послѣ долгаго заключенія Марія видитъ въ первый разъ свѣтъ и увлекается воспоргомъ. Если передъ Бурлейхомъ въ мрачныхъ снѣгахъ она была королевою, то здѣсь передъ природою она явилась нѣжною ея дочерью. „Везиредѣльное проспранство открываешя передъ моиѣ глазами. Видишь ли эшоуъ го-

ризонгъ, проспирающійся въ неизмѣримую даль. Тамъ мое опечесство; *c'est là qu'est mon pays.*“ — Я не знаю, какое бы каменное сердце не могло пронуться эпою нѣжностію и умиленіемъ, съ какимъ она произнесла слова: „памъ мое опечесство.“ Она просперла руки къ опдаленному горизонгу, опшановила на немъ взоръ свой и продолжала медленно, опривиспо: „Тамъ начинаешся Шопландія. Бродящія по небу облака, можешъ бышь, видѣли вчера опеческій домъ мой. Они идущъ опъ Сѣвера, лепящъ къ предѣламъ Франціи. Ахъ! привѣтспвуйше мѣсто моего счасливаго младенчеспва!“

Въ окреспныхъ мѣспахъ раздающся звуки роговъ и опдаленные голоса; Марія думаетъ, что эпо голоса звѣроловцевъ, и переносится воображеніемъ на горы своего опечеспва. Но являешся Паулешъ и выводитъ ее изъ очарованія; онъ сказываешъ ей о приближеніи королевы. Марія приходитъ въ замѣшательспво, хочешъ скрпшься; Паулешъ ее опшанавливаешъ. Старый Лордъ Мельвиль опкрываешъ ей намѣреніе Елксавешы и подаешъ надежду на свободу; но совъ-

шуешь смиришься передъ королевою. Марія колеблется, и наконецъ преклоняешь ко-
лѣно.

„Правосудное небо,—говоришь съ гордо-
стию Елисавета,—спавишь тебя на швое
мѣсто; ему не угодно было, чшобы меня ви-
дѣли при швоихъ ногахъ, какъ я вижу тебя
при моихъ.“—„Помысли о превращности че-
ловѣческаго счастья;—опивѣчала Марія и въ
уничженіи высокая;—„Есть на небѣ Богъ,
наказующій гордость; бойся сего Бога, ко-
норого всемогущество, въ присупствіи сихъ
благородныхъ лордовъ, преклоняешь меня въ
швоимъ колѣнамъ.“ — Елисавета, гошова
просишь Марію, напоминаешь ей, чшо она
при раза покушалась на ея жизнь.—Марія
обращается къ Богу, молишь Его, чшобъ
Онъ удержалъ ее отъ оскорбленія королевы
и начинаешь исчисляешь всѣ несправедливые
ея поступки. „Ты задержала меня, съ покор-
ностию пришедшую; ты, оскорбляя санъ мо-
нарший, вопреки священнымъ законамъ гос-
тепримства, вопреки правамъ народнымъ и
дьяшвамъ, заключила меня въ темницу; и
наконецъ ты сдѣлала шо, чшо меня короле-

ну, повлекли предъ судилище; „Devant un tribunal, moi Reine, on m'a conduite.“

Дюшенуа произнесла съ такимъ выраженіемъ слова *меня королеву*, что невольно заставила почувствовать всю важность оскорбленія, нанесеннаго зпимъ уничиженіемъ царскому саму. „Я все сказала; теперь себя, сестра моя, слѣдуетъ разсудить насъ.“ Эпозъ спихъ, кошорымъ оканчивается жалоба, также весьма испашаи прозанесанъ былъ саннрическимъ и важнымъ пономъ.

Елисавета въ свою очередь исчисляетъ всѣ покушенія своихъ враговъ на ея жизнь и пресполъ. Марія начинаетъ воспаменяшся гнѣвомъ; упоминаетъ о своихъ правахъ на пресполъ, похищенный Елисаветою; и попомъ, какъ бы скрѣпивъ сердце, опять принимаетъ молящій пономъ: „Ахъ! живи, царшвуй, располагай моими правами; я уже не шцу смннепра вашихъ царей: увы! я теперь не что иное, какъ одна шолько пѣнь Марія. Прошанеси прощеніе, для кошораго ты пришла въ мѣста сіи; окончи; сними цѣли съ рукъ моихъ и отвори мнѣ путь въ любеаную Шопландію. Выѣсшъ съ свободою,

у меня похищенную, я приму опъ тебѣ, какъ даръ, и самую жизнь мою. Скажи одно слово; окончи; я его ожидаю. О, не заспавь меня ждашь его долгое время! „Oh ne me laissez pas l'attendre trop long temps!“ Косой взглядъ, брошенный на Елисавету, и прощальный, угрожающій шонъ, при произношеніи сего послѣдняго сшуха, уже предзнаменовали близкую грозу. „Горе, горе тебѣ, если пренещущая сѣспра швоѧ не услышишь изъ ушь швоихъ ушьшишельнаго голоса!“

Елисавета спрашиваешъ: „поручишь ли ты, что изъ многочисленныхъ соумышленниковъ, увлекаемыхъ швоими прелестями, никто не поднимешъ противъ меня оружіѧ? Нѣшъ ли новыхъ заговоровъ? Нѣшъ ли другихъ Норфольковъ, влюбленныхъ въ тебѧ?“

„Эшо уже слишкомъ... с'en est trop...“ сказала Маріѧ низкимъ и исполненнымъ сильнаго негодованія голосомъ. „Конечно,—продолжала Елисавета,—спрогій примѣръ можешъ устращивъ шого, кшо захошѣлъ бы тебѣ нравиться. Онъ не рѣшился слѣдовашь неблагоразумію Норфолька, чтошбы не подвергнушь

себя его участи; онъ успрашившя своею любовью, дарящей смертію.“

„О сестра моя! Oh та воєг!“ воскликнула Марія сапирическимъ тономъ, и запрешала ошь сильного гнѣва.

Елисавета показываешъ графу Лейшерскому ея бѣшенство; издѣваешя надъ ея смяшеніемъ при имени Норфолька и оканчиваешъ пѣмъ, что и другіе тайные поступки ея опкрышы и уже сдѣлались извѣсны всему міру.

„Такъ!“ восклицаетъ гордо Марія: „жизнь моя не боишя предспашь предъ судилище всего міра; на нее смотришь, судяшь ее и можешъ бышь обвиняюшь: но я по крайней мѣрѣ не спаралась шайшь момхъ слабостей подъ обманчивыми покрывалами; я не дерзала обманывашъ вселенной личиною притворства. Горе тебѣ, если истина сорветъ нѣкогда съ главы швоей покровъ и озаришь тебя своимъ свѣшильникомъ!“

Старый лордъ Мельвиль спановишя между королевами, умоляетъ ихъ укропишь гнѣвъ и окончишь распрю. „Ахъ!“ восклицаетъ Марія, ирешущая ошь гнѣва,—„я

уже слишкомъ много перенесла гордыхъ и жестокыхъ насмѣшекъ. Все кончилось. Удались отъ меня, несносное шерпѣннѣ! Оставь гнѣву моему всю его силу; пусть раздаются мои вопли, споль долгое время удерживаемые! Пусть будущъ они ядовитыми спрѣлами, пронзающими ея сердце!“

Мельвилъ падаеть къ ногамъ Елисаветы и молишь ее просипшь эпо насупленіе; графъ Лейсперскій именовъ Бога просипшь ее оставилъ эпо плачевное мѣсто и болѣе ничего не слушашь. Марія продолжаеть: „Плодъ беззаконной любви нагло ругаеться надъ священнымъ трономъ Англій. Благородный народъ Англійскій, обманушый коварствомъ, двадцать лѣтъ спонеть подъ скипетромъ, неправедно похищеннымъ. Если бы небо было правосудно,—шы, недоспойная самодержица, лежала бы у ногъ моихъ — и я пивоя королева!

«Et je suis votre Reine!»

Нельзя описать; надобно было видѣшь, съ какимъ величіемъ и съ какою высокою гордоспїю дѣвица Дюшенуа сказала послѣднїя слова. Во время игры она рѣдко перемѣ-

иногда мѣсто; но въ эту минуту съ важно-
стію ходила по сценѣ; и улыбка, знакъ удо-
влетвореннаго ищенія, видна была на дро-
жащихъ ея устахъ. Однимъ словомъ: если
въ разговоръ съ Бурлейхомъ она была коро-
левою повелѣвающейю, то здѣсь была коро-
левою шоржеспивующею.

Елисавета пришла въ смѣшеніе и снова
приняла тонъ важный. „Безразсудная!“ воз-
вѣщаетъ она, — „Я даю тебѣ клятву на эпохъ
мѣснѣ, что сей же самый день подажешь,
какъ неъ насъ королева, — ны, или я. Про-
щай.“

Елисавета убѣгаетъ; Робертъ Дудлей и
Мельвилъ слѣдуютъ за нею въ величайшемъ
смущеніи; Анна препенетъ; Марія продол-
жаетъ: „Она бѣжитъ и несетъ въ себѣ
сирѣчу, исполненную яда. Ахъ! Я шорже-
спивую. Наконецъ, послѣ толкихъ спра-
даній, я могла, могла насладиться минуною
ищеніемъ.“

Дюшевуа едва успѣла произнести слова: я
шоржеспивую (je triomphe), какъ подлѣ нея
уваль вѣнокъ, брошенный вмѣстѣ съ биле-
томъ; общія рукоплесманія и воли прервали

игру. По окончаніи явленія, наперсница хотѣла увѣщавать ее, но скромная актриса убѣжала за кулисы. Послѣ четвертаго дѣйствія ученикъ Тальмы Арисшипъ, игравшій роль графа Лейсмерскаго, вышелъ на театръ и прочелъ стихи, написанные въ билетѣ.

Пятое дѣйствіе состояло только въ томъ, что Марія прощается съ служителями и съ Анною, поручаетъ свое заглавіе Мельвилю, и принимаетъ отъ него послѣднее благословеніе. Дѣвица Дюшенуа во все это время играетъ тихимъ и почтливымъ одинакимъ тономъ; но этого тона смиренія, тона королевы, пригошовавшейся къ смерти и оставившей всѣ земныя помышленія, заставилъ рыдать весь театръ.

Роль Маріи Спуартъ на Французскомъ театрѣ поставлена или, какъ сказано было въ объявленіи, сотворена самою г-жею Дюшенуа; напрошивъ того характеръ *Іоанны д'Аркъ*, какъ говорятъ, сотворенъ былъ стихотворцемъ единственно для игры Дюшенуа. Французы очень любятъ эту трагедію; потому что она основана на важномъ происшествіи общественной ихъ исторіи,

приноровлена къ мынѣшнему образу ихъ мыслей и въ то же время гремишь проклятіями прошивъ Англійскаго народа и парламента. Игра Дюшенуа опть начала до конца очень хороша, но въ сценѣ съ королемъ превосходна, неподражаема. Дѣвственница, героиня Орлеанская, побѣдами своими спасла Францію и наконецъ dospалась въ плѣнъ врагамъ своимъ. Англійскій парламентъ осуждаепъ ее на смерть; но король, прежде исполненія этого приговора, рѣшился испытать шамиспвенную дѣву. Іоанна д'Аркъ описываетъ ему счастье и безопасность прежней паспущеской жизни своей, попомъ вшорженіе непріятели и бѣдспвія Франціи, наконецъ попъ сонъ, въ которомъ небо призывало ее къ забавленію опечеспва опть рабспва. — Г-жа Дюшенуа съ большимъ искуспвомъ выражаетъ просподушіе паспущки, ея искренніи гореспи и благоговѣйный спрахъ во время чудеснаго призванія; жаль только, что въ замословіи небеснаго посланника она принимаетъ какой-то напыщенный тонъ худаго кашолмческаго или прошеспаншскаго проповѣдника. Впрочемъ

и эта мнимая ошибка, можетъ быть, есть плодъ внимательнаго наблюденія. И какъ въ самомъ дѣлѣ поселяне, эти проспья дѣши природы, подражающъ рѣчамъ вельможъ, проповѣдниковъ и вообще языку высокому? Обыкновенно говорятъ шеномъ напыщеннымъ.

Опекренность и искренность дѣспвенницы поражающъ короля; но онъ припво-ряется недовѣрчивымъ и прерываетъ ее. Иоанна д'Аркъ заставляешъ его молчать и продолжаетъ рассказъ. Она являешся въ спанъ и воспаменяешъ всѣхъ мужеспвомъ; постепенно приходишъ въ воспоргъ, постепенно возвышаетъ голосъ. Король хотѣлъ еще прерватъ ее; она среди вдохновенія своего загремѣла повелительнымъ шеномъ: „слушай, (écoutez!)“—и, казалось, все должно было унаспъ передъ нею... Это голосъ Непшуна, укрощающаго бурю; голосъ Ахиллеса, обратившій въ бѣгспво дружины Троянскія. Дѣвица Дюшенуа произносишъ первые два слога шеномъ высокимъ и рѣзкимъ; а потомъ, ровно двумя окшавами ниже, оканчиваетъ

послѣдній слогъ какинъ-шо дрожащій и пропяжнѣмъ ошголоскомъ.

Іоанна д'Аркъ продолжаешъ расказъ. Она движешъ рапъ; поражаетъ всюду непріятелей; побѣда вездѣ за нею слѣдуешъ: но, вспомянувъ о плѣнѣ своешъ, восклицаетъ въ проспіи: „И я въ цѣпяхъ!“ Мщеніе пробудилось въ душѣ ея; она гошова двинушъ новыя войска, гошова все поразитъ, испребитъ, уничтожитъ; но, пришедши олянъ въ памянь, вдругъ загремѣла узами, заскрежешала зубами и закричала пропяжно: „И я въ цѣпяхъ! Et je suis dans les fers!...“ Вмѣстѣ съ поспеннымъ переливомъ голоса ошъ высокыхъ шоновъ къ низкимъ, она опустила руки и спала въ положеніи Египетской спашум. Дрожація уста, шрепешъ и сверкающіе дикосшію глаза привели весь театръ въ ужасъ; между зрипелями слышанъ былъ глухой общій ропотъ; многіе невольно вспали съ иѣспъ своихъ. Если бы живописецъ изобразилъ героиню Іоанну д'Аркъ въ это мгновеніе; онъ изобразилъ бы такую фурию, на кошорую бы нельзя было долго смотрѣшь.

Вообще въ роляхъ царицъ и героинь, дѣвица Дюшенуа превосходна, и особенно величїе души, ужась, злобу и гнѣвъ она выражаетъ очень сильно и еспешивенно. Рѣчи ея всегда одушевлены; чтеніе не однообразное и вѣрное. Расказы, копорые у обыкновенныхъ актеровъ перяюпъ всю свою цѣну, въ успахъ ея получаюпъ особенную прелесть. Смошря по ходу спрасшей, иногда говоритъ она проспо, иногда скоро, медленно или опривиспо; иногда произносишь нѣсколько стиховъ сряду однимъ шоновъ, тихимъ и громкимъ, чшобъ поразитъ внезапнымъ переходомъ къ другимъ шонамъ. Положеніе шѣла всегда благородное, движенія рукъ очень скромныя. Ростъ ея средній, спань спройный; одѣвается прилично шому времени, къ копорому опносятся происшествіе, и шому лицу, копорое она предспавляетъ.

Надобно признапъся, что на игру эшой актрисы нельзя смопрѣть безъ восшорга; но восшоргъ не мѣшалъ мнѣ видѣшь и ея недоспашки. Г-жа Дюшенуа, можно сказать, почти все получила опъ Мельпомены, но во многомъ обижена природою. Голосъ ея,

нѣсколько охрипый, часто бываетъ непріятенъ для слуха; въ чертахъ лица почти невидно никакихъ движеній; впалые глаза выражаютъ только ярость и ужасъ. Въ кашаспрофахъ, по еспѣ въ нечаянныхъ переходахъ отъ надежды къ опчаянію и отъ опчаянія къ радости, равнымъ образомъ во время испушенія, когда надобно предсавить зрителямъ картину Эменидъ, ада или пѣни умершихъ и образы опсушсвующихъ, она играетъ слабо. Пятъдесять лѣтъ ея уже не закрываются румянами; и въ роляхъ нѣжныхъ любовницъ зришель удивляется одному только ея искусству, но не видитъ передъ собою ни Аменанды, ни Альзиры. Черты лица ея не имѣютъ правильности, и это еспѣ одинъ изъ главныхъ недостатковъ, почти ничѣмъ незамѣняемыхъ. Красота, по моему мнѣнію, принадлежитъ къ первымъ достоинствамъ прагической актрисы. Только одно прекрасное лице можно назвать вѣрнымъ зеркаломъ души, отражающимъ всѣ безчисленные и разнообразныя ея движенія.

Что сказать о г. *Аристиппѣ*, котораго во всѣхъ афишкахъ называли воспитанникомъ

Тальмы и копорому одинъ изъ позшовъ Женевскихъ просилъ дѣвицу Дюшенуа удѣлишь изъ вѣнка хоть одну вѣпочку? Онъ имѣеть хорошій роспъ, спройный спанъ, числный органъ, правильныя чершы лица и играеть обыкновенно роли молодыхъ героевъ. Говоряшь, что онъ совершенно подражаеть Тальмъ, какъ въ шонѣ, шакъ и въ тѣлодвиженіяхъ: однако я имѣю довольныя причины въ шомъ сомнѣваться. Суровый взглядъ, нѣсколько благородныхъ положеній и нѣсколько шоновъ: вопъ все, что, можеть бышь, онъ заимспивоваль у Тальмы, но знаменишый любимецъ Мельпомены не могъ вложитъ въ него своей души. Громкій голось Аришиппа не имѣеть гибкости; выраженіе невѣрное и однообразное. Въ сценахъ нѣжныхъ примѣшны въ немъ холодность и принужденность, а въ мѣспахъ высокыхъ много напыщенности. Тѣлодвиженіямъ своимъ онъ не знаеть ни мѣры, ни приличія. Выражаеть ли гнѣвъ, любовь или ненависть,—онъ всегда дѣйсивуетъ обѣими руками вмѣстѣ, шо поднимая ихъ вверхъ

въ прямомъ направленіи, но разширяя въ противоположныя стороны. И при томъ, что значить это безпрестанное прясеніе рукъ? Хорошій актеръ долженъ всегда принимать положенія не только приспоймыя, но и благородныя, которыхъ не оскорбляли бы вкуса и въ то время, когда бы они были перенесены живописцемъ на полотно или на бумагу. Я не спорю о методѣ пѣнія, издавна употребляемой во Французскихъ трагедіяхъ; но желалъ бы по крайней мѣрѣ, чтобъ это пѣніе было разнообразно, а не шаково, какъ у г. Аришпица, который повсюду одну и ту же пѣсню отъ начала до конца трагедіи, и, еще болѣе, одну и ту же во всѣхъ трагедіяхъ. Во время своего бенефиса Аришпицъ игралъ Танкреда, и, замѣшивши внаусъ Женевцевъ къ кривляньямъ и крику, не щадилъ ни голоса, ни груди, ни рукъ. Извѣстно прекрасное мѣсто, гдѣ Танкредъ вызываетъ Орбасана на поединокъ. Аришпицъ приблизился къ актерю, игравшему роль Орбасана, бросилъ къ ногамъ его перчатку и, схвативши его за грудь и за руку, началъ прясени всею силою.

О прочих профанахъ Французской Мельпомены, игравшихъ съ дѣвицею Дюшенуа, я не почишаю за нужное говорить. Да попонушъ въ рѣкѣ забвенія паланшы, искусство и имена ихъ! Надобно шолько удивляться шерпѣнню Франгузовъ, копорыхъ Вольшеръ называлъ сибаритами съ упонченнымъ вкусомъ. Какъ они могушъ равнодушно видѣшъ на шеапрѣ шакия группы или, сказашъ моднымъ нашимъ словомъ, шакой ensemble? Одинъ въ Греческой роли шаркалъ Франгузскими па; другой подпирался локтемъ или припалъ безпрестанно въ плашокъ носъ и лице; иной самъ не понималъ, для чего приязаны ему руки. Какъ жалокъ эшошъ Тезей, покойно заснувшій въ креслахъ во время расказа о смерти Ипполита! Какъ смѣшонъ эшошъ проворный Нарбасъ, свалившій съ плечъ своихъ около пятидесяти лѣщъ! Чувспвишельные Греки, по словамъ Плущарха, прысласъ ошъ спрахъ въ ожиданіи спарца, копорый долженъ былъ оспановитъ руку Мерыпы; они боялсся, чпобъ онъ не опоздалъ. Ученый Франгузъ вѣрояшно чипалъ Плущарха и, щадя чувспвишельность Жемевцевъ,

выбъжалъ заблаговременно и смѣшалъ Меропу. Ah Narbas! Est-ce vous? (Ахъ Нарбасъ! не ужели это шы? — дѣйств. III, явлен. IV). Одинъ Русскій художникъ (Г. Яс...въ) изобразилъ нашего почтеннаго Колпакова въ томъ самомъ мгновеніи, когда онъ спремился удержавъ мечъ, поднятый на Эгиспа. Рука его простерта впередъ; шло немного наклонено; одежда развѣвается; голова нѣсколько поднята; въ глазахъ видѣнь страхъ и неперпѣніе; полуопиверсшныя успа его какъ бы гремятъ: „Осшановись, царица!“ И вошь каковъ долженъ бытъ Нарбасъ! c'est vous!

Въ заключеніе скажу нѣсколько словъ о театральнѣй музыкѣ. Въ здѣшнемъ театрѣ собственно нѣтъ оркестра; но онъ составляется иногда изъ охотниковъ или шакъ называемыхъ любителей. При первомъ представленіи число ихъ простиралось до шестидесяти. А какъ это общество любителей не имѣетъ предсѣдателя и не подчинено никакому синдикату; шо повидимому они сами были въ недоумѣніи, какимъ образомъ приступить къ началу. Наконецъ, по долгомъ молчаніи, одна скрипка, съ добрымъ или худымъ

нагнѣніемъ, рѣшилась дать знакъ ударомъ смычка; но контрабасъ и виолончель приняли эшопшъ ударъ за личное оскорбленіе; ударили сами смычками; и что, вы думаете, заиграли?... Всякая спрана имѣетъ свой обычай. Пусть Московскіе эспешники предписываютъ Московскимъ оркестрамъ непреложные законы — приготавливать эришелей къ пѣмъ чувшвамъ, кошорыи заключаюцца въ піесъ; а Женевскій оркестръ безъ дальнихъ околичностей началъ играть вальсы и пісни. Хотя паршеръ былъ недоволенъ и даже кричалъ: *à bas la musique!* но раекъ, рѣшившись поддержать честь любшелей, соединилъ съ инспрументальной музыкою свою вокальную, и разными голосами вшорилъ скрипкамъ. Эша гармонія пакъ наконецъ понравилась паршеру, что онъ, по окончаніи каждаго вальса и каждаго пісни, кричалъ: *bis! bis!*—Въ слѣдующихъ представленіяхъ общество любшелей примѣшно разстроивалось; число инспрументшвъ поспешно уменьшалось; и наконецъ оспалась одна шолько вышеупомянутая скрипка. Она шолько одна, пребывая вѣрною своей чеспи

и долгу, отъ начала до конца выдержала свой характеръ, присущивовала при прагедіяхъ и операхъ, играла соло и пущикъ. Хотя, при прощаніи дѣвицы Дюшенуа опять чепыре любилеля явились на сцену; но всякой уже игралъ съ своего пона, и ни одинъ не копѣлъ слѣдовашь шакшу другаго. — Не ожидаеше ли вы, чншобъ я окончила длинный расказъ мой заключеніемъ кваршеша Крылова?... Нѣтъ; я не спикшшворецъ, а скажу просто: худой шамъ порядокъ, гдѣ нѣтъ капельмейшера; а и шого хуже, гдѣ всѣ капельмейшеры...

КОМИЧЕСКІЙ АКТЕРЪ ПЕРЛЕ.

Куда шекунтъ разноцѣшныя волны народа? Чшо значить сей шумъ во полцѣ Еврей-

спѣмъ? — (Да проспяныя меня Женевцы за это неумышленное сравненіе, которое впрочемъ не прошиворѣчили ихъ пословицъ, равняющей двухъ жидовъ одному Женевцу: *deux Juifs font un Gépévois.*)

Уже ничего болѣе не видящъ и не слышащъ, кромѣ Перле. Его именемъ привѣщиваютъ другъ друга въ часы упреніе; о немъ бесѣдуютъ въ общеспвахъ и въ важныхъ засѣданіяхъ; имъ бранятся, дразнятъ и забавляются. Перле упѣшилъ вдовъ и сиротъ, разгладилъ морщины угрюмыхъ шариковъ и привелъ въ движеніе челюстные мышцы важныхъ профессоровъ.

Первый Французскій театръ (*theatre François*), по праву ему данному, пребралъ Перле, актера *Гимназіи Драматической*, въ свою шруппу. Молодой артистъ, думая не столько о чести и дубовыхъ вѣнкахъ, сколько о золотыхъ людовикахъ (*Louis d'or*), хотѣлъ выговорить себѣ особенныя преимущества. Раздраженный его предложеніями и упрямствомъ, министръ приказалъ ему выбирать одно изъ двухъ: или всунуть въ Французскій театръ или оспаивать столицу. „Моп-

seigneur! ошвѣчалъ прагматическимъ пономъ знаменимый комикъ; благодарю васъ душевно за ошлщное ко мнѣ благоволеніе; виѣсно пнпшдеснши пысычъ франковъ ежегоднаго моего дохода въ Парижѣ, вы дарите мнѣ сто пнпшдесншт пысычъ въ провинціяхъ.“ Г. Перле сдержалъ свое слово. Онъ явился въ Англію и важные лорды сыпали ему фунты сперлинговъ пудами.

Въ Женевѣ началъ онъ свои представленія піесою: *Une visite à Bellam*, оперою водевилъ, имѣющею ошшошеніе къ его изгнанію. Испаліанецъ Кресчендо, помѣшавшійся ошъ спрасши къ музыкѣ, сочиняешъ оперу и не знаетъ, кому посвящншь ее. Владѣлецъ Бедламскаго замка, желая пошупншь надъ нимъ, выдаетъ одного молодаго человека за Русскаго князя и вопъ черша очень забавная и оштрая. Извѣсно, что нѣкошорые изъ Русскихъ бояръ, не находя въ своемъ опечесшвѣ паланщовъ, досшойныхъ высокаго ихъ покровншельства, шщупъ ихъ за границею; прошекающъ Францію и Испалію съ благою цѣлію поощряшъ художества и художншковъ — и нѣспъ иже укрьешся пеплоны ихъ!...

За то и Французскіе журналы, движимые чувствомъ живѣйшей признательности, называютъ ихъ князьями; и такимъ образомъ имя Русскаго князя во Франціи и Испаніи сдѣлалось символомъ и идеаломъ щедрости. Кресчендо вѣдъ себя оупъ радости; онъ бѣгаетъ, кричишь и поешъ: но, къ несчастію, не долго продолжался жаръ его. Нечаянный случай открываетъ ему, что молодой человекъ не князь, а только графъ и при томъ не Русскій. Въ продолженіе всего этого дѣйствія Перле былъ совершеннымъ Кресчендо; но и Кресчендо въ свою очередь былъ совершеннымъ Перле, когда пѣлъ слѣдующій, съ восторгомъ принятый публикою, куплетъ:

«Меня во Франціи хвалили,

«Мнѣ деньги въ Англии платили.»

Въ роли Кресчендо Перле показалъ свое искусство въ музыкѣ; а въ роли *Актера Етампскаго* (le comedien d'Etampes) очаровалъ публику своимъ блистательнымъ и почти невѣроятнымъ паланшомъ измѣняясь лице, сообразно различнымъ характерамъ. Пупе-

шеспивенникъ актеръ зашелъ по ошибкѣ въ одинъ домъ, котораго прежде былъ госпидилицею. Его разговоръ проситъ и благороденъ, движенія ловки и натуральны. Садовница въ него всматривается, замѣчаетъ въ немъ сходство съ своимъ господиномъ, начинаетъ спорить о томъ съ мужемъ, а для доказательства проситъ незнакомаго надѣльщика лашъ и парикъ ихъ господина. Пущеспивенникъ охотно соглашается и, къ удивленію садовника и садовницы, или, лучше сказать, къ крайнему изумленію всей публики, въ одно мгновеніе превращается изъ молодаго мужчины въ дряхлаго шарика, голова его приселась, глаза прищурились, щеки вдавились, губы опвисли, голосъ тихій и дрожащій. Публика встрѣтила его общимъ хохотомъ и рукоплесканіемъ; но чтожь бы она сдѣлала, если бы знала, что эпизодъ шарика есть живой портретъ Парижскаго знаменитаго актера *Потье*? До такой степени совершенства обладаетъ Перле искусствомъ лицедѣйства!—Дѣйствіе продолжается — и вдругъ нечаянный случай приводитъ въ шопъ же домъ одного журналиста,—по-

го самага, кошорый писалъ бранныя спашшь въ своемъ журналѣ на счетъ актера Ешампскаго, хопи и никогда не вьдалъ игры его. Прекрасный случай описашшь ему. Акшерь перерядился въ платье садовника; началъ рассказывать небылицы; увѣрилъ журналиста, что одна Англичанка путешественница желаетъ съ нимъ видѣться и въ заключеніе, какъ бы по неосторожности и безъ намѣренія, обливаешь его водою. Какъ не повѣришь этому проспекту, кошораго душа вся на языкѣ? — Наконецъ являешся мнимая Англичанка, сопровождаемая Англійскимъ жокеемъ, кошорый на каждое ея слово кричитъ: есь, миледи! Сенишменшальная леди садитъ ся въ кресла и начинаешь рассказывать журналисту свой романъ; она путешествовала въ дилижансѣ съ однимъ длиннымъ кавалеромъ, влюбилась въ него и умираетъ шеперь отъ любви; въ заключеніе поешъ плачущимъ голосомъ Англійскій романъ: „Мальбрукъ въ походъ поѣхалъ.“ Журналистъ вспомнилъ собственннй романъ свой; эшотъ длинный кавалерь ешь онъ самъ; онъ принимаешъ живѣйшее учасніе въ рассказѣ и хвалитъ

съ воспоргомъ пѣніе леди. Ободренная его похвалою, она рѣшилась блеснуть своимъ искусствомъ и запѣла арію. Пропяженіе, переливы и порывы голоса, прерываемаго вздохами, невольно испоргли у публики общее рукоплесканіе; очарованный журналистъ бросился цѣловать ея руку; леди ударила его по щекѣ и хладнокровно сказала, что Англичанки не могутъ шерпѣть такой неучливости. Нельзя не удивляться искусству, съ какимъ Перле подражаетъ самымъ малѣйшимъ чертамъ характера Англичанокъ. Эта ровная и измѣренная поступь, эта голова нѣсколько наклоненная и глаза вперенные въ землю, эшопъ септимальный шопъ въ разговорѣ и самая холодность въ гнѣвѣ не выучены и не сотворены, а схвачены имъ въ самой природѣ.

У Французовъ вошло въ моду въ одной и той же оперѣ или комедіи, переряжать одно и тоже лице въ разные костюмы. Нѣтъ сомнѣнія, что такого рода дѣйствія невѣроятны; но онѣ льстятъ неперпѣливому характеру народа, ищущаго безпрестанно новыхъ наслажденій—и этого уже довольно. Къ па-

кими пьесамъ принадлежишь *Артистъ*, опера водевиль, сочиненіе Скриба и самого Перле. Одинъ бѣдный живописецъ не плащитъ денегъ за нанимаемый имъ покой, попому что ихъ не имѣетъ; не принимаетъ ни отъ кого и никакихъ подарковъ,—попому что онъ благороденъ и гордъ; владѣлецъ дома предлагаетъ свою руку его дочери, но аршистъ уважаетъ одни только паланшы и презираетъ богатство и пышность. Любовникъ рѣшается наконецъ показашъ, что и онъ принадлежишь къ дѣтямъ Аполлона; для того и принимаетъ при разныя роли. Перле игралъ очень натурально во всѣхъ эпизъ роляхъ; и когда при развязкѣ спросилъ живописца: „не аршистъ ли я?“ Публика опивчала общими рукоплесканіями и бросилъ къ нему на сцену вѣнокъ съ свѣчами.

Что такое аршистъ путешественникъ? Это Симонидъ, который носитъ все съ собою. Характеръ его самонадѣяніе, важность и благородная гордость; принадлежності его посохъ, кошомка и пуспой кошелекъ. Одинъ, изъ такихъ путешественниковъ, нашихъ земляковъ, на возвращеніи пуши въ Россію,

былъ дѣйствующимъ лицомъ одного неприятнаго и въ шаже время забавнаго происшествія въ Нѣмецкомъ пракширѣ, которое и передано памяши Французами въ оперѣ—водевилѣ, названной пракширнымъ счетомъ: Une carte à jouer. Толстый и огромный пракширщикъ заключилъ, что молодой и важный его востоялецъ долженъ бытъ князь, путешествующій инкогнито. Его сіятельство инкогнито, обрадованный такимъ приеомъ и замѣтившій пригожую дочь пракширщика, рѣшился оспашься на нѣсколько времени въ пракширѣ и играть свою роль: но, не успѣвши въ волокитствѣ, вдругъ поспребувалъ расчеша. Тракширщикъ пораженный, какъ громомъ, этимъ пребованіемъ, хотѣлъ поправить свою ошибку и написалъ *штого* 160 франковъ за двѣ бушылки бордо и за постной въ шой комнашѣ, въ которой его свѣплосшь, Нѣмецкій герцогъ N., изволил оспанавливашься. Арписишь запылалъ гнѣвомъ и началъ грозить, что онъ будетъ искашь себя защиты опъ припѣсеній и грабежа; хладнокровный Нѣмецъ также раагорячился и объявилъ, что и онъ надѣется на благоспѣ

правосудіа, которое не попустишь ему разориться отъ самовольныхъ пупешесивенниковъ. Между тѣмъ является брадобрѣй съ гребенкою въ волосахъ и съ мыльницею въ рукѣ. Не нужно говорить, что это былъ Перле. Его робкая поспушь, раболѣпный взоръ и хитрый шонъ уже напередъ сказали о помятублькѣ. Брадобрѣй пошчасъ далъ свой полкъ означенному дѣлу, совѣщавалъ аршиспу шребовать правосудіа и предложилъ ему свое кодашайспво, яко адвокатъ мѣспечка. Аршиспъ явился въ судъ и не могъ удержаться отъ смѣха, увидѣвши своего брадобрѣя важно выпущающимъ въ длинной черной маншини и въ прехъ-угольной шляпѣ. Но какое же было его изумленіе, когда онъ увидѣлъ, что предсѣдатель суда еспъ самъ шракширицикъ, а секретарь—собспвенный его поварь! —Прочли шропоколь; спали вызывають подсудимыхъ;—и наконецъ дошла очередь до аршиспа. Адвокатъ его всшаепъ съ спула, перебираепъ съ шоропливостію бумаги, и шредлагаетъ сущность дѣла. Наконецъ онъ откванчался и началъ блиспательную рѣчь свою великолѣпнымъ періодомъ Цицерона:

Si quid est in me ingenii, Iudices. Ничего не могло быть забавнѣе остроумной его фигуры раздѣленія, въ которой онъ одного и того же шолстаго Нѣмца осыпалъ и самыми низкими ругательствами и самыми высокими похвалами. „Какъ прахширцика, говорилъ онъ, проклиная его вся Германія; какъ судію, благословляя его цѣлая вселенная; какъ прахширцикъ, онъ корыстолюбецъ, обманщикъ и грабитель; какъ судія, онъ покровъ невинности, заскупленіе гонимыхъ и защита пришельцевъ.“ Наконецъ, выпія коснулся всѣхъ пружиць сердца, бросилъ на него всѣ грома своего краснорѣчія и всѣ стрѣлы прогающихъ доводовъ. Разнѣженный предсѣдатель, опирая плащомъ слезы, потребовалъ шопчасъ счепъ и убавилъ изъ означенной суммы цѣлую половину! Въ эту самую минуцу доложили въ судѣ о прибышій новыхъ путешественниковъ; предсѣдатель и секретарь сбросили съ себя маншіи и въ своихъ фаршукахъ опрометью бросились встрѣчать ихъ; между шѣмъ какъ ораторъ, оставляя кафедру, раздѣваясь и доставая бришвы, еще повшорилъ съ восшоргомъ: *oratio triumphat!*

Все это дѣйствіе забавно и занимательно вопервыхъ по тому, что оно представляетъ живую картину нравовъ и обычаевъ Нѣмецкихъ; вошпорыхъ по тому, что въ немъ участвовалъ Перле, сколько же шонкой знамокъ пародіи, сколько искусный актеръ въ комедіи.

Но нигдѣ, по моему мнѣнію, не являлось его искусство съ такимъ блескомъ и поржесствомъ, какъ въ оперѣ-водевилѣ: *Обжора безъ денегъ*; *Gastronome sans argent*. Вообразите себѣ испитую и шонкую фигуру съ длиною шею и съ склоненною на плечо головою; вообразите живой скелетъ, облянущій длиннымъ краснымъ кафтаномъ, съ выдавшимися локтями и колѣнами: такимъ явился на сцену обжора. Онъ шакъ шощь, что едва передвигается; шакъ легокъ, что едва касается земли; шакъ голодень, что едва переводитъ духъ свой; желудокъ его шакже пущь, какъ карманы. — Обжора всѣхъ шпращается обманущъ и самъ всѣми обманущъ; всѣ его приглашающъ къ обѣду и всѣ ему опказывающъ; онъ безпрещанно между надеждою и опчаяніемъ. Весьма забавна сцена,

въ которой онъ совѣщаетъ одному жениху пригласить его къ сполу, какъ спикшворца. Уже онъ назначаетъ себѣ за сполу мѣсто; уже начинаетъ пѣть сочиненную имъ пѣсню. Финаль ея, состоящій изъ нѣмага разговора новобрачныхъ, долженъ бы привесить въ краску и самыхъ музынъ; но искусство Перле въ переходахъ опять снѣлаго тона жениха къ робкому тону жемъсны заспавилъ невольно смѣяться и скромныхъ дѣвушекъ и плаксивыхъ Гераклиновъ.

Для каждой роли, взятой въ особенноснн, безъ сомнѣнн, можно найти актеровъ, подобныхъ Перле; но для всѣхъ ролей, взятыхъ вмѣстѣ, нѣтъ другаго Перле. Его Кресчендо, актеры Енампской, спарикъ, садовникъ, Англичанка, брадобрѣй и обжора ничего не имѣютъ общаго ни въ поступкн, ни въ движеннхъ, ни въ тонѣ, и, чпбъ почти невѣроянно, не имѣютъ никакого сходства даже и въ чертахъ лица. Перле еспѣ прошеи комедн.

Женева сполько была очарована его налншами, чпбъ поспавила себѣ въ честь данъ

ему право на гражданство. Это не есть одна шутка, но дѣйствительная правда. И любители и нелюбители псапра иначе его не называли, какъ своимъ согражданиномъ; а какъ нѣкопорые изъ Французовъ не хотѣли уступить Женевцамъ своего Перле, которъ и родился и выросъ и воспитанъ во Франціи; по послѣдніе, для рѣшенія спора, почли за нужное напечатать въ Лозанской газетѣ слѣдующую статью съ докуменнами.

„Съ нѣкопорого времени г. Перле *нашъ соотечественникъ*, доставляетъ намъ живѣйшее удовольствіе своими талантами. Мы называемъ его нашимъ соотечественникомъ и имѣемъ на то довольныя причины; не смотря на то, что онъ родился во Франціи, многіе изъ родственниковъ его живутъ въ Женевѣ; и отецъ его также былъ Женевскій гражданинъ.“

И такъ г-на Перле можно поставить на ряду съ Гомеромъ. Какъ о мѣстѣ рожденія Гомера спорили въ древности семь городовъ; такъ и объ отчизнѣ Перле спорятъ нынѣ тѣмъ же два народа: Французы и Женевцы.

Разносшь только въ шомъ, что царь пѣв-
цевъ при жизни своей не имѣлъ ни приспа-
ница, ни насущнаго хлѣба; а корифей шу-
повъ весь въ серебрѣ и золошѣ.

Если вѣришь Женевцамъ, ихъ Перле есть
существо совершенное, чуждое всѣхъ слабо-
стей, свойственныхъ арписпамъ: но какъ
Женевцы, по означенному родству съ нимъ,
могушь бышь судіями приспраспными;
шо я и беру смѣлосшь замѣнишь здѣсь нѣ-
которыя его недоспашки. Они состояють,
какъ часто случается и со всѣми арписпа-
ми, въ излишнемъ желаніи блиспашь своими
шаланшамъ; или, какъ бы сказали наши уче-
ные, *nimius ingenii sui amator* (чрезъ мѣру влю-
бленный въ самага себя). Перле имѣеть очень
хорошій пenorъ - басъ и искуснымъ пѣніемъ
своимъ одушевляеть весь оркестръ: но, бу-
дучи прошеемъ въ характерахъ, онъ одно-
образенъ въ пѣніи. Онъ прекрасно подра-
жаетъ природѣ, когда въ роляхъ кроношли-
выхъ сшариковъ повпоряеть про себя одинъ
и пѣже послѣднія слова: но часно, оболь-
щенный рукоплесканіями, повпоряеть до

илишесшва. Родъ его естъ низкая комедія; и пошому нерѣдко увлекается онъ своимъ восшоргомъ за предѣлы благоприсшойности. Напримѣръ, его Крещендо, обласканный мнимымъ Русскимъ княземъ, бѣгаетъ по сценѣ, какъ угорѣлый. Повидимому, Перле могъ бы собрать лавры и на поприщѣ благородной комедіи: но обвиняешь его въ предпочтеніи фарсовъ всѣмъ другимъ родамъ комическимъ значило бы нападать на господствующій вкусъ публики. *De gustibus non est disputandum.*

ЭСЪ ВЪ САВОИИ,

3 Августа н. с. 1825 года.

Городокъ *Эсѣ* (*Aix*) (*) лежишь между обширными Альпійскими горами, въ шестъ мѣсяцѣхъ, гдѣ, по мнѣнію Женевскаго профессора Делюка, Аннибалъ переходилъ черезъ Альпы. Г. Албанисъ Бемонъ въ своемъ путешествіи производилъ названіе Эса отъ яицъ ледяныхъ, и именно отъ какого-то храма, копорой будтобы былъ воздвигнутъ здѣсь Гезу (*Nesus*), Кельпскому Марсу, и отъ копорого впрочемъ никакихъ слѣдовъ и признаковъ не оспалось. Вѣроятнѣе, имя сіе происходитъ

(*) Наши географы пишутъ Э; но Женевацы, Французы и Савойцы произносятъ Эсъ.

опть сшариннаго испорченнаго слова, означающаго воды (Aix опть Eauх), шакъ какъ Эсъ-ла-Шапель и Эсъ въ Провансъ, шакже знаменитые своими цѣлебными водами. Два минеральные здѣшніе испочника, одиъ сѣрный и другой квасцовый, извѣстны были, кажеться, еще Римлянамъ; доказательствомъ пому служатъ-ославшіеся опть ихъ намяшники; какъ по сѣсны и прекрасная опшлотая лѣспница въ Эсскомъ замкѣ и порожественныя вороша, сооруженныя Помпеемъ Кампанейскимъ въ честь его родспвенниковъ. Не извѣстно, по какой причинѣ здѣшніе жишели съ давнихъ временъ принимали основаніе эшого города Императору Граціану и самыя воды называли обыкновенно Граціанскими или Аллоброгскими (aquaе Gratianae, Allobrogum). Преданіе сіе казалось для многихъ неосновательнымъ до шого времени, пока одиъ неожиданный случай не увѣрилъ ихъ въ противномъ. Въ 1779 году рабочими, занимаясь поправками одного частнаго дома, замѣтили опшверспіе, ведущее въ подземелье. Они рѣшились пошчасъ сойти въ него съ огнемъ, и прошивъ чашніе

открыли шамъ два каменные зданія. Одно имѣло въ длину около 16 фушовъ. и нѣсколь-ко сполбовъ, на копорыхъ лежали своды. Другое было почти одинакой съ первымъ величины, но сполбы спояли только подлѣ спѣнъ. На одномъ изъ камней, опвалив-шихся опъ свода, нашли вырѣзанное имя Граціана: *Gratianus*. Своды сего послѣдняго подземелья почти совершенно плоскіе, но сполько швердые, что они могли держать цѣлый фасадъ дома, построенаго надъ ними по невѣденію. Оба эти подземелья лежатъ подлѣ квасцоваго источника; и вѣроятно назначены были для баней или шермъ, ко-порыя, какъ извѣстно, находились и въ частныхъ Римскихъ домахъ.

Источникъ сѣрный находишся опъ квасцо-ваго въ 80 шагахъ; какъ шопъ, такъ и дру-гой имѣютъ опъ 35 до 36 градусовъ шепло-пы. Надъ первымъ въ прошедшемъ сполѣ-шнмъ построено большое и красивое зданіе по плану Сардинскихъ инженеровъ. Бани, назначенныя для дѣшей (*la douche*), рас-положены полукружіемъ; въ каждую изъ нихъ проведены опъ главнаго источника

небольшіе каналы; изъ каналовъ вода падаетъ въ кожаныя прубы, копорыя обыкновенно направляюся душеромъ на большое мѣсто. Чшобы дасть большую силу водѣ, привинчиваюся къ прубамъ жеспяные кропильники (arrosoir или entonnoir). Подлѣ эшихъ бань идешь также полукружіемъ длинный коридоръ, оканчивающійся съ правой и лѣвой спороны двумя квадрапными залами. Самыя сильныя души, успроенныя въ подземельи или въ пещерѣ, называюся адомъ (enfer).

Одна изъ нихъ называется кипяшкомъ (bouillon); по тому что вода, падая съ значительной высоты сквозь узкіе каналы, предспавляется кипящею. Здѣсь также успроена одна паровая баня, гдѣ опъ сильного паденія воды скопляюся пары въ большомъ количествѣ. Дворъ, принадлежащій сему зданію состоишь изъ полукруглаго водоема, въ которой спекають воды и изъ которато выпекають посредствомъ подземельныхъ каналовъ. Фасадъ или передняя спорона дома есть простая высокая стѣна съ большими воротами и съ внутреннею галлереею.

Квасцовый источник находится въ самой верхней части города и, по увѣренію дояпора Дакеня, несправедливо называется квасцовымъ; потому что не заключаетъ въ себѣ ни одного атома квасцевъ. Онъ вытекаетъ изъ каменной слѣны, накрытой сводомъ и поспроенной, какъ говорятъ, еще Римлянами. Изъ этого верхняго бассейна вода проходитъ подъ улицею въ другой водоемъ, имѣющій глубины до пяти футовъ. Сей послѣдній называется Королевскимъ; потому что въ немъ, если вѣришь преданію, купался Генрихъ IV и герцоги Савойскіе съ своими придворными. Оба сія источника имѣютъ одинакую степень теплоты и, безъ сомнѣнія, одно начало; но въ составѣ ихъ заключаются совершенно различныя частицы, вѣроятно отъ того, что, они текутъ оба по разнымъ почвамъ. Квасцовыя воды, какъ замѣчено, просыхаютъ скорѣе сырнѣхъ, и, что всего удивительнѣе, оплываются особеннымъ качествомъ оживотворенія растеній. Засохшіе цвѣты, травы или древесныя листья, брошенныя въ этотъ источникъ, черезъ четверть часа получаютъ прежнюю

краску, свѣжесць и запахъ. Причина сего рѣдкаго явленія, не смотря на всѣ догадки и предположенія ученыхъ, по словамъ докшора Дакина (Daquin), до сихъ поръ была еще неисповѣдимою тайною природы: *Latet adhuc inter arcana naturae.*

Начало эпикъ источниковъ также скрывается въ незавѣстности. Въ концѣ прошедшаго столѣтїя, въ одной четверти лѣопъ Эса, находилась узкая расщелина или пещера, изъ которой выходили сирадные пары и въ копорую вело шемное опвершїе. Нѣкто изъ ученыхъ г. Сокетъ (Sauquet) хотѣлъ здѣсь играть ролю Эмпедокла. Безъ сомнѣнїя, онъ не былъ сполько проспѣ, какъ Греческой философъ, и не заблагоразсудилъ броситься въ эпу маленькую эпу для приобрѣшенїя славы; однако Сокетъ смарался увѣришь въ одномъ своемъ сочиненїи, что онъ сходилъ въ нее и дѣлалъ въ ней съ своимъ ученикомъ' наблюденїя ареометрическія, шермометрическія и эвдіометрическія. Къ несчастїю, г. Сокетъ забылъ объяснишь, какимъ способомъ онъ могъ оспаваться цѣлые получаса въ такомъ мѣстѣ, которое испол-

нено было смрада и гдѣ теплоша атмосферы восходила до 39 градусовъ; какииъ образомъ бѣдный ученикъ его могъ записывашь наблюденія въ темношѣ и на мокрой бумагѣ; и наконецъ какииъ образомъ они оба могли пролѣзшъ въ эту узкую разсѣлину. Всѣ эти невѣроятности подали причину г. Дакеню уличить Сокеша въ шарлапанствѣ, назвашь его рыцаремъ—искашелемъ приключеній, угодившъ его Орфею, сходившему въ адъ и наконецъ предложившъ его въ предметъ комико-героической поэмы. Однимъ словомъ: всѣ шѣ насмѣшки и ругательства, кошорыми г. Дакенъ осыпаетъ своего соперника, достойны выходишъ изъ устъ и изъ подъ пера только Дакеней. Самые важныя возраженія его состояшъ въ томъ, что онъ самъ хотѣлъ сойти въ эту пещеру, но не могъ пролѣзшъ и перенести теплошы. Теперь нельзя конечно рѣшишъ, что изъ нихъ правъ; по тому что ни автора, ни кришида нѣшъ уже въ живыхъ, да и самыхъ слѣдовъ пещеры уже не видно: впрочемъ можно думать, что это отверстіе было маленькимъ жерломъ вулкана, скрывающагося

въ окрестностяхъ Эса. Доказательствомъ его существованія, кромѣ означенныхъ горячихъ ключей, могутъ служить, какъ кажется, всѣ эти слои камней издревашскихъ, пережженныхъ и похожихъ на лаву, которые покрываютъ ближній холмъ, лежащій выше Эса на одну четверть часа; вѣроятно они выброшены были изъ нѣдра земли, во время изверженія огненного.

Въ Эсѣ употребляются три способа леченія: или пьютъ минеральную воду, или купаются въ ваннахъ или берутъ души. Кромѣ упомянутыхъ двухъ источниковъ, есть еще прешій *железный*, холодный, ошшоющій ошъ Эса на четверть часа. Такъ называемая королевская баня могла бы быть весьма полезною больнымъ для купанья, но она совсѣмъ заброшена и употребляется только для спиранія бѣлья. Полукруглый водоемъ, находящійся на дворѣ банномъ, очень мѣлокъ и одни только бѣдные купають въ немъ больныя ноги. Собственно ванны приготавливаются обыкновенно въ домахъ; ошъ чего и вода, переносимая изъ источниковъ, терлеть много минеральныхъ час-

шищъ чрезъ испареніе. Чшо же касается до *душей*, онѣ адѣсь, доведены до совершенства. Колонна горячей воды, сжатой въ узкую кожаную или жеспяную трубу и падающей съ значительной вышины, будучи направлена на большую часть шѣла и на все шѣло, расворяетъ поры почти съ такою же силою, какъ Руссія баня. Но какъ при банномъ дворѣ совсѣмъ нѣтъ теплыхъ кабинетовъ для отдыха, по, послѣ *душей*, особенно опредѣленные правительствомъ носильщики укутываютъ больного въ простыни и одѣла, относятъ его въ домъ въ завѣшенныхъ креслахъ и кладутъ въ носило, гдѣ и долженъ онъ пролежать около часа, подобно спеленанному дитяти. Доктора обыкновенно предписываютъ больному, смотря по болѣзни, отъ 12 до 25 *душей*; на двѣ или на три *души* назначается одинъ день для отдыха. Каждый билетъ для *души*, включалъ банщиковъ и носильщиковъ, стоить только полтора франка или полтора рубля; число посѣщителей ежегодно простирается отъ 1000 до 1900. Нельзя не отдать справедливости искусству и заботливости врачей Эссскихъ, и порядку,

наблюдаемому вообще чиновниками и всеми служителями, состоящими при этомъ заведеніи; впрочемъ можно предполагать, что Эсскія воды еще болѣе были бы посѣщаемы, если бы правительствовало обращено на устройство ихъ болѣе вниманіа.

ПРОДОЛЖЕНІЕ.

8 Августа н. с.

Городокъ Эсъ имѣеть не болѣе 1800 жителей. Между древностями, оснѣвавшими лагерь Римлянъ, достоины здѣсь примѣчанія порожественныя ворота или арка, принадлежащая къ золотому времени Римскаго водчества. Помпей Кампанейскій, перешедши черезъ Альпы съ своими легионами и разбивъ шолны Аллоброговъ, основалъ, можетъ быть, свой станъ (*castra stativa*) подлѣ горячихъ

*

ключей и холмъ въроятно сдѣланъ извѣстными въ попомощь своихъ родшвенниковъ, любезныхъ его сердцу. Имена ихъ, вырѣзанныя на фризѣ и на капишелѣ, находящся въ слѣдующемъ порядкѣ: Pompeio Campano avo a patre;—Caiae Secund. aviae a patre;—Pompeiae Maximae Sorori;—Pompeio Campano Fratri; (имена двухъ родшвенниковъ изгладились). D. Valerio Grato—Caio Agricolaе;—Pompeiae Secundin. amitae;—C. Pompeio Justo Patri iet Parentibus;—Voluntiliae C. Sentiae aviae amatae;—C. Sentio Justo avo amato;—T. Cannulio Attico perpresso;—L. Pompeio Campano Campani et Sentiae Filio. — Надъ аркою написано имя соорудившаго: L. Pompeius Campanus Pivs fecit.

Эсъ лежишь въ огромномъ бассейнѣ, вырѣшомъ самою природою и окруженномъ холмами. Съ южной спороны ешь скала, соснавленна ифъ камней ноздревапыхъ и перегорѣлыхъ. Отсюда видише долину, городъ, сады, цѣпь холмовъ, называемую Тресервомъ, часнь озера Бурже и рядъ горъ, выходящихъ съ сѣвера крупыми уступами. Отъ Эса къ озеру ведешъ прямая длинная

аллея, простирающаяся версты на двѣ и состоящая изъ огромныхъ тополей. Минеральные воды, орошая почву въ окрестностяхъ, даютъ всѣмъ растѣніямъ быстрый ростъ и свѣжій цвѣтъ и всѣмъ плодамъ преждевременную зрѣлость. Естествоиспытатели смотрятъ на долину Эскую или Шамберійскую, какъ на предѣлъ, положенный природою между Европою южною и западною. Цѣпь горъ восточныхъ почтипаютъ они опраслію Альповъ; а рядъ горъ на западномъ берегу озера Бурже, по ихъ мнѣнію, не что иное есть, какъ продолженіе Юры, соединяющейся съ Дофинейскими горами. Раздѣленіе сіе основывается на различномъ направленіи каменныхъ слоевъ, на различныхъ родахъ камней и минераловъ.

За озеромъ Бурже есть развалины монастыря, называемаго *Гот-колболъ*, служившаго некогда кладбищемъ герцоговъ Савойскихъ. Варварство и несповѣсть положили здѣсь слѣды разрушенія, при началѣ Французской революціи. Святыни были поруганы и прахъ усопшихъ вѣщеносцевъ былъ преданъ

посрамленію. Тамъ же находимся знаменитый источникъ, называемый *гудеснымъ* (la fontaine des merveilles), который по прятаніи, по снова показывается чрезъ неопредѣленное время.

Грезскій водопадъ, отстоящій отъ Эса на полчаса, по Женевской дорогѣ, доставляетъ еще приключенія любопытныхъ путешественниковъ. Онъ падаетъ съ каменнаго берега, покрытаго кустарникомъ и мохомъ. Съ противоположной стороны соединяетъ съ нимъ свои воды горный ручей или потокъ, бурный послѣ дождя и тихій въ обыкновенное время. Каменное дно его представляетъ множество глубокихъ колодезь или ваннъ, изрытыхъ водою. Посреди этихъ дырокъ красота природы, надъ самымъ потокомъ стоитъ гранитовый монументъ, пробуждающій мрачныя воспоминанія. Въ 1813 году 10 Іюня королева Горшенсія посѣщала водопадъ грезскій, върочно послѣ сильнаго дождя. Придворная дама *баронесса Брокъ*, которая ее сопровождала, хотѣла перепрыгнуть черезъ ручей, поскользнулась и въ одно мгновеніе поглощена

была колодезь, имѣющимъ 14 фуговъ глубины. Черезъ 12 минутъ выпасили ее уже бездыханную и обезображенную. И такъ мѣсто, повидимому совершенно безопасное, сдѣлалось гробомъ женщины двадцатицятилѣтней и прекрасной. Это ужасное происшествіе невольно заспавляешь въришь предопредѣленіямъ судьбы, располагающей вшаинѣ нашимъ жребіемъ. Королева приказала вырѣзать на камнѣ слѣдующую надпись: „Вы, кого приводишь въ сія мѣста любопытство! Приближайтесь къ нимъ съ оспорожностію и помните о друзьяхъ своихъ!“

ПУТЕШЕСТВІЕ ПО ИТАЛІИ.

БРИГЪ, $\frac{12}{24}$ *Августа 1825 года.*

Города *Тононъ* и *Эвианъ*. Дорога и утесы *Мельерійскіе*. Кантонъ *Валезскій*: г. *Свѣтъ-Морисъ*; водопадъ *Писвапъ*; г. *Сюль*; крѣпныя; смѣшеніе климатовъ.

Съ высокаго холма *Колоньи* мы увидѣли *Женеву* во всемъ ея великолѣпнѣи, и болѣе не видали. Дорога, удаляясь отъ озера, идетъ черезъ поля, покрытыя бѣдною жашвою; природа переспаетъ улыбаешь, и уже не видно слѣдовъ ни юной весны, ни роскошнаго лѣта. Однѣ развалины стѣнъ и башенъ древняго *Рипальскаго* монастыря, проспиряющіяся по вершинѣ длинной горы, служатъ мрачнымъ украшеніемъ эпохи шихой, безмолвной пустыни. Города *Тононъ* и *Эвианъ* похожи болѣе на деревни, опустошенныя не-

пріятелемъ. Улицы нечислы, дома безъ кровель, окна безъ стеколъ. Большіе налоги и повинности привели жителей въ бѣдность; а бѣдность, по видимому, подавила въ нихъ самое расположеніе къ дѣлательности. За Эвіаномъ, изъ за полевой аллеи вдругъ открывается обширный и разнообразный видъ, какъ будто бы изъ за занавѣса новыя декораціи. Здѣсь начинается знаменитая дорога *Мельерійская*, усроенная Французскими инженерами въ мѣстахъ, прежде непроходимыхъ. Она осѣнена густыми и высокими каштанами, копорые съ лѣвой стороны сходящъ по уступамъ къ озеру, а съ правой поднимающа на холмы Св. Павла. Дѣлательность и промышленность пробуждающа снова; поверхность озера серебриша подъ веслами рыболововъ; въ присаняхъ споящъ нагруженныя лодки; вдоль берега развѣшаны сѣши. Мельерійскіе ушесы (Meillerie), прославленныя Ж. Ж. Руссо въ новой Элоизѣ, приняли новый видъ. Опъ начала міра бывъ неприсупными, они успушили наконецъ могуществу челоука и подорванныя порохомъ дали мѣсто дорогъ;

но еще грозить путешественнику своимъ паденіемъ.

Никогда не наслаждался я такимъ прекраснымъ зрѣлищемъ великолѣпнаго вечера. Лучи заходящаго солнца, пробиваясь между вершинами Юры и лежащими надъ нею облаками, одѣли багровою краскою холмы и окрестности Лозанны; рассыпали радужные цѣпы по шихой и кристальной поверхности озера и покрыли чистымъ золотомъ всѣ ряды каменныхъ скалъ, висящихъ надъ безднами.

Мы проѣхали устье Роны, впадающей шре-мя рукавами въ Леманъ; и сквозь ворота Цейскія, когорымъ столпами служатъ двѣ горы, а капишелою древній замокъ, — вступили въ кантонъ Валлійскій или Вalezскій (Wallisia). Онъ состоишь изъ узкой долины, орошаемой Роною, проспирающей на 140 верстѣ и отдѣляющей Альпы Швейцарскіе отъ Альповъ Италійскихъ. Городъ *Сентъ-морисъ* почти весь построень надъ скалами и въ скалахъ. Сооруженіе замка, спящаго на горѣ, и моста, нависающагося смѣлою дугою надъ Роною, приписываютъ Юлію Кесарю. Сентъ-Мо-

ристь извѣстенъ въ испоріи шѣмъ, что подлѣ снѣговъ его, по приказанію Императора Максиміана, убиты были тысячи Христіанъ, сославлявшихъ легіонъ Фивскій. Въ память сихъ мучениковъ вѣры насѣчены посреди крушаго утеса церковь и пуспыня, обитая однимъ опшельникомъ. Между Сентъ-Морисомъ и Маршини находится знаменитый водопадъ, называемый *Писсашемб*. Вурный потокъ или цѣлая рѣка Салантъ падаетъ съ горы на приспа фуповъ перпендикулярной высоты, разбивающа въ воздухъ и превращающа въ алмазное и блестящее покрывало.

Главный городъ Валезскаго кантона есть *Сіонъ*, названный такъ, можетъ быть, по сходству своего положенія съ священною горою сего имени. Между двумя цѣпями Альповъ споситъ гора съ замкомъ и съ Епископскою палатою; при подошвѣ ея лежишь городъ. Долина Роны есть одна изъ самыхъ длинныхъ и низкихъ Швейцарскихъ долинъ. Здѣсь вспрѣчается множество *крепиновъ*, или уродовъ глухихъ, нѣмыхъ и съ огромными зобами, висящими до груди. Въ нихъ не приидѣно почти никакихъ

слѣдовъ разсудка; и большая часть не способна ни къ какой работѣ. Г. Соссюръ полагаетъ причиною этой болѣзни знойную и спончтую атмосферу здѣшнихъ мѣстъ; нынѣ многіе изъ жителей, для предохраненія дѣшей своихъ отъ крешинизма, начали воснипывать ихъ на вершинахъ горъ до десятилѣшняго и двѣнадцатилѣшняго возраста. Увѣряютъ, что успѣхъ этой мѣры уже оправдался опытомъ и не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію.

Каншонъ Валезскій вмѣщаетъ въ себя климаты и поясы всѣхъ странъ земнаго шара. Въ продолженіе лѣта лучи солнечныя, отражаясь отъ раскаленныхъ утесовъ, производятъ несносный жаръ и способствуютъ къ прозябенію винограда, алы и фигъ Индѣйскихъ; между шѣмъ какъ на горахъ растутъ сосны, можжевеликъ и дубы. Упомленный зноемъ, путешественникъ слушаетъ шрекошаніе летающихъ вокругъ него кузнечиковъ и жужжаніе оводовъ, какъ бы среди Русскихъ степей; или видитъ огромныя массы облаковъ, лежація по нѣскольку дней въ междугоріяхъ и раздражающіяся наконецъ

въ ливень. Яроспъ горныхъ попоковъ послѣ сильныхъ дождей ужасна. Мы встрѣпили на дорогѣ цѣлыя горы песку и цѣлыя холмы съ рощами, занесенныя навеспью. Берега Роны между Сіономъ и Бригомъ въ 1798 году были свидѣтелями великихъ подвиговъ Швейцарцевъ противъ Французовъ.

Бригъ съ блестящими крышами храмовъ и башенъ спохпъ при подошвѣ Симплона; но лѣвую сторону еще него бѣдѣюща Швейцарскія Альпы: съ снѣжными вершинами и ледниками. При имени Симплона рождаются какія-то смѣшенныя чувства любопытства и страха. Ожиданіе высокихъ карнизовъ нишаешь мечшы воображенія; приговленье къ ужаснымъ зрѣлищамъ волнуешь невольно душу. Вокругъ меня царствуетъ тишина ночи; серебряная луна плаваешь надъ горами и рисуешь на лаковомъ полу стекла.

СИМПЛОНЪ ¹⁵/₂₅ Августа.

Симплонъ (по Импалиански Семпріоне; по Лашыни mons Sempronius; Саеріоніа, Scipionis mons) споминъ посреди цѣлихъ горъ Альпійскихъ и опдѣляешъ кантонъ Валезскій отъ Пиемонша, имѣя надъ морскою поверхностью 6,174 фуш. вышины. Дорога, проведенная чрезъ эту гору отъ Брига до Домо-д-Оссола, начата была, по повелѣнію Наполеона, въ 1801 и окончана въ 1803 году.

Оставивъ дилижансъ въ Бригѣ, въ два часа по полуночи мы уже поднимались въ низкой и длинной линейкѣ на первыя опрасла пригорковъ, покрышыя кустарникомъ и лѣсомъ. На разсвѣтѣ дня проводникъ подвелъ меня къ краю дороги и сердце мое неволью запрешало. Необъяпная пропасть развер-

лась подъ нашими ногами со всѣми ужасами. Бурный пошохъ, ярящійся по дну ея, предспавлялся бѣлою и недвижимою полосою. Шумъ волнъ, разбивающихся о камни, умиралъ въ опдаленіи. Долина Бритская съ городомъ и съ холмами развершывалась въ видъ ровнаго и гладкаго полошна, покрышаго разными красками. Миѣ казалось, я смошрѣлъ съ облаковъ на землю или съ земли на адъ, на сиящій Ахеронъ и на края Елисейскихъ полей. Мрачная, ничѣмъ не прерываемая пишина лежала на кремнистыхъ и обнаженныхъ скалахъ.

Черезъ полчаса открылось новое зрѣлище. Горные хребты вьюшся полукружіемъ надъ широкимъ проваломъ. Изъ ребръ ихъ падающъ при большихъ и пять малыхъ водопадовъ, кошорые, сливаясь вѣспѣ, несутъ свои воды въ дань Ронѣ. Дорога, вспрѣшивъ эти непреборимые препоны, переходитъ съ одной горы на другую по каменному мосту, висящему надъ спремниною въ видѣ длинной и смѣлой арки. Смицлонъ соспиошъ изъ шеспи ледниковъ и изъ многихъ пирамидъ или куполовъ, покрышыхъ снѣгомъ. Одинъ

изъ нихъ предсавилася намъ во всеи великолѣпнѣи и пышности, увѣнчанный лучами восходящаго солнца. Снѣжные шапры Швейцарскихъ Альповъ, измѣняя съ каждою минушою свой видъ, обворожали взоръ лиловыми, розовыми и радужными цвѣтами. Наслаждаюсь зрѣлищемъ сихъ разнообразныхъ картинъ, мы непримѣтно прошли пригорки и холмы, по которымъ изрѣдка дремали высокія сосны. Здѣсь природа хотѣла положить преграду усиліямъ человѣческимъ, повѣсивъ на одномъ изъ мысовъ длинную каменную громаду и оградивъ ее пропащами. Галлерей, пробившая сквозь эту скалу на тринадцать шаговъ длины, охраняетъ путешественниковъ отъ опасностей и палаетъ ихъ взоръ дикими и неровными сводами. Черезъ полчаса дорога приближается къ снѣжной вершинѣ Симплона, называемой Кальнвассеромъ, идешь по двумъ длиннымъ мостамъ, лежащимъ подъ ледниками и прѣчешься въ другую галлерей, проспирающуюся во внутренности утеса на пятьдесятъ шаговъ. Передъ входомъ въ эту опшверспіе чепыре водопада низвергающа съ обнаженныхъ хребтовъ,

бѣгутъ сквозь успроенные для нихъ водопроводы и теряются въ безднахъ. Для предохраненія отъ лавинъ (avalanches), падающихъ здѣсь въ продолженіе зимы, приспособляются дѣ галлерей на нѣсколько саженъ новые каменные своды (*). Деревня *Семпелль*, служащая гостинницею путешественникамъ, спойтъ на 4,548 фушовъ надъ поверхностью моря, въ 32 верстахъ отъ Брига и въ 24 отъ Домо-д-Оссола. Климатъ ея имѣетъ всѣ качества сѣверныхъ странъ. Осень дождлива; зима продолжается около восьми мѣсяцевъ. Здѣсь оканчивается работа Французовъ и начинающіяся пруды Италіянскихъ инженеровъ, поражающіе на каждомъ шагѣ удивленіемъ и превосходящіе все, что произведено было древними Римлянами въ этомъ родѣ.

(*) Въ прошедшемъ году, при переправѣ черезъ это мѣсто, которое въ то время завалено было лавиною, погнбло цѣлое Англійское семейство, состоявшее изъ 8 лицъ. Упрямый Англичанинъ, не смотря на предостереженіе извощиковъ и проводниковъ, не только не вышелъ самъ изъ кареты, но запретилъ и жемъ и дѣтямъ выходить изъ нея. Они всѣ скатились съ каретою въ пропасть.

Падающій изъ ребръ Симилона Кромбахъ и раждающаяся въ ледникахъ Лавинскихъ Квирина сливаются въ одинъ глубокой оврагъ шумныя свои волны и соспавляютъ бурную *Ventolou* или *Ведро*. По сторонамъ ея поднимаются кренистые и грозные утесы, по спавленные ошвсно, по нависшіе надъ пошомомъ. Гордыя ихъ вершины, выглядывающія изъ за облаковъ, предспавляютъ какъ бы образцы разныхъ заданій разнаго зодчества. Въ одно и тоже время онъ, кажешся, увлчаны Египетскими обелисками и пирамидами, Греческими навильонами и поршиками, гоническими храмами и зубчатыми башнями. Два ряда громадъ соспавляютъ узкую и высокую улицу; а соединеніе всхъ хребтовъ образуетъ чудесный городъ, построенный могуществевою рукою природы, по начерпанію мудраго зодчаго вселенной. Но по спогнамъ этого вешаго города, кажешся, уже неоднократно прошелъ съ огнемъ, съ пошомомъ и съ шрусомъ Ангель гнѣва и разрушенія. На шсныхъ площадяхъ лежатъ развалины цѣлыхъ горъ, пораспаяющія или уже поросшія крапивою и мохомъ.

Глубокія разсѣлины утесовъ предзнаменуютъ скорое и спрашное ихъ паденіе. Съ вершинъ ихъ головы разразились каменныя пучи, при первомъ порывѣ бурнаго вѣтра. Надъ головою виситъ смерть; подъ ногами зияетъ адъ. Кипящая Вениола, усеянная оспроконечными камнями, роетъ съ пропію основанія граничныхъ скалъ. Смошря на эти непрерываемые ряды высокихъ зрѣлицъ, чувствуешь какую-то нягоспъ, и упомянное сердце спановицца наконецъ холоднымъ ко всѣмъ ужасамъ.

Одному только генію человека возможно было сражашся съ этой природою и воспоржешивовашъ надъ ея вознями. Нельзя смолрѣть безъ удивленія на всѣ эти произведенія инженернаго искусства. Тамъ, гдѣ не смѣли бѣгать дикія козы и не находили себѣ приспашища небесныя пшпцы, — кашпица ровная и гладкая дорога, ниѣющая двадцашъ пять фушовъ широпы и не болѣе двухъ дюймовъ съ половиною наклоненія на сажени. Она переходица съ одного берега Ведрa на другой, защищаеца опъ пропашней сполбамъ, спашипъ оилопы про

*

пшвъ падающихъ камней, разбиваетъ цѣлые утесы или проникаетъ въ самую ихъ внутренность посредствомъ длинныхъ галлерей, изъ которыхъ одна проспирается на пятьдесятъ шаговъ, другая на восемьдесятъ, третья на двѣсти два шага. Последняя имѣетъ со стороны Ведро два отверстія для освѣщенія, и при самомъ выходѣ поражаетъ путешественника великолѣпнымъ зрѣлищемъ водопада, сыплющаго жемчугъ и алмазы. Мало по малу цѣпи горъ раздвигаются и образуютъ долину Дяведро, покрытую домиками, рощами и огородами. За нею сползтъ шестая и последняя галлерей, имѣющая въ длину восемьдесятъ шаговъ. Въ деревнѣ Креволъ съ каменнаго моста, который почищается изящнымъ произведеніемъ зодчества, открывающа первая долина Ипаліанская, обворожающая взоръ своимъ разнообразіемъ, богатствомъ и великолѣпіемъ.

Такъ оканчивается Симплонская дорога, достойная служить образцемъ всѣмъ подобнымъ произведеніямъ. Топъ имѣлъ каменное сердце и грудь окованную мѣдью, въ комъ

родилась первая мысль такого смѣлаго предпріянія; и шѣ двѣ тысячи солдатъ, кошо-рые упошребляемы были непрерывно для этой работы въ продолженіе пяти лѣтъ, повидимому, были съ желѣзными руками. Слѣды ихъ орудій напечатались на бокахъ утесовъ и на дикихъ сводахъ галлерей. Съ каждымъ ударомъ молота они углубляли долопа на одну шолько линію; и послѣ безчисленныхъ ударовъ сыпали въ пробишныя сѣважины порохъ, проводили къ нимъ сѣрныя ниши и шакииъ образомъ взрывали по кускамъ цѣлыя скалы.

Отъ Брмга до Креволы построены на разныхъ разстояніяхъ поспоялые дома. Живущіе въ нихъ кантониры, во время зимнихъ мяселей и бурныхъ ночей, ищущъ заблудившихся путешественниковъ съ фонарями или зовущъ ихъ колокольчиками. Они очищаютъ дорогу отъ лавинъ, отъ камней, срывааемыхъ въпрокъ, и отъ песку, наносимаго послѣ ливней. Сѣверная спорона Симплона находилсъ подъ надзоромъ Валезскаго кантона; южною завѣдываетъ правительство Піемонша. На границахъ

эпихъ владѣній построены паможни, въ ко-
шорыхъ приѣзжающіе плапятъ большую
пошлину съ лошадей и съ повозокъ.

Не смотря на всѣ многообразныя и муд-
рыя мѣры, принимаемыя для содержанія этой
дороги, нельзя ручаться за прочность ея; и
виѣспѣ съ восторгомъ и очарованіемъ не-
волью рождается мрачная мысль, что эти
раасѣвшіяся горы, рано или поздно погре-
буть подъ своими развалинами чудо нашего
вѣка; и любопытныя попомки придуть сю-
да только для того, чтобы искать слѣдовъ
сего памятника усмліій и изобрѣшеній чело-
вѣческаго генія.

Б А В Е Н О.

Нельзя смотрѣть безъ очарованія на первую Ипаліанскую долину, разстилающуюся вокругъ маленькаго Ипаліанскаго города Дожо-д-Оссоло. Упомянутое зрѣлищемъ высокихъ карпинъ, вниманіе путешественника оспанавливается на красотахъ природы, которая привѣществуесть его здѣсь своею улыбкою. Дорога кашится посреди луговъ, блестящихъ яркою зеленью и орошаемыхъ свѣжими ручьями. На лугахъ споятъ спроемъ деревья, обремененныя плодами и переплешенныя виноградникомъ. Холмы покрытыя рощами и великолѣпными домами Миланскихъ богачей, прѣзжающихъ сюда для отдыха ошь шрудовъ или для разсѣянія праздности. Тамъ видишь развалины башенъ готическаго зам-

ка, или Римскаго, забышаго самою исторіею, города; здѣсь воспоминаешь о подвигахъ бѣзсмертнаго Суворова, летавшаго орломъ по берегамъ быстрой Токчи.

Поднимающіеся амфишпапромъ пригорки и горы изобилуютъ разными родами ископаемыхъ. Въ одной изъ нихъ ломаютъ гранитъ, другая наполнена бѣлыми мраморомъ, изъ котораго построены и самый соборъ Миланскій. Долина Монрозская скрываетъ въ нѣдрахъ своихъ золотые рудники. Нѣкто капишанъ Тестони первый замѣнилъ слѣды ихъ: глаза его разгорѣлись на блестящія слитки и онъ началъ рыться въ землѣ, не щадя ни прудовъ ни издержекъ. Но разспроивъ свое имѣніе ошъ долговременныхъ и щепныхъ поисковъ, онъ готовъ уже былъ оставить свое предпріятіе. И въ эшипо минушы опчаянія, по какому-то слѣпому случаю, удалось ему напастъ, такъ сказать, на разрывъ праву. Вдругъ заигралъ и запрыгаль передъ нимъ несмѣнный кладъ; и черезъ двадцать два дня капишанъ Тестони, вынувъ до 189 марокъ или 107 фунтовъ чис-

шаго золоша (*), спалъ и самъ изъ глинянаго весь золошымъ.

Какъ по движенію волшебнаго прущика русалки, однѣ декораціи вдругъ разрушаюся, другія спроятся; шакъ изъ за шѣнистыхъ аллей и изъ за спѣнь деревни Феріола въ одно мгновеніе развернулось вправо и влѣво прелестное и великолѣпное озеро Маджіоре. На зеленыхъ берегахъ его мелькають города, по роскошнымъ холмамъ разсѣяны бѣлые домики, на прозрачной поверхности красующся острова Борромейскіе.

Золошые лучи солнца шихо догорѣли на вершинахъ опдаленныхъ горъ Гризонскихъ; серебряная луна величественно смопрішся въ хрушальныя воды. Въшеръ не колышетъ ни деревьевъ, ни озера; одни легкокрылые зефиры навѣвають благовоніе правъ и цвѣшовъ. Бавено споишь пропивъ Изолы Мадры и Изолы Беллы; я не могу сомкнушь глазъ моихъ и безпреспанно выхожу на балконъ, чшобы насладішся зрѣищемъ новой для меня ночи, новаго неба и новаго міра.

(*) 100 Миланскихъ марокъ золота и серебра=51, 52 Рос. рубля.

БОРРОМЕЙСКІЕ ОСТРОВА,

$\frac{14}{30}$ *Августа.*

Если бы владѣлъ я волшебнымъ перомъ Тасса или Аріоспа, шагъ бы я началъ мое описаніе прелесныхъ *острововъ Борромейскихъ*.

„Посреди кристальнаго моря спомнѣть волшебная обитель, обнесенная крѣпкими оградами. На каменныхъ ступеняхъ, ведущихъ во внутренность, лежатъ дикіе львы, на вратахъ и на стѣнахъ раззолоченныхъ порталовъ изваяны безчисленные лица; они не говорятъ, но кажутся живыми, всѣ дышатъ, — все видятъ. Подлѣ великолѣпнаго чертога и красивыхъ теремовъ раскинулся пышный садъ, въ кошоромъ пушуются тысячи доро-

жекъ, по пересѣкая себя взаимно, по удаляясь одна отъ другой. Вездѣ живыя воды, роскошныя луга, пушистыя холмики, шѣнистыя рожицы и прохладныя грошны.“

„Искусство положило здѣсь мѣру и число всѣмъ красотамъ; вездѣ оно присушествуетъ и нигдѣ не видимо. Все просто, во всемъ видна легкость и, кажешься, обо всемъ заботилась одна только природа. Будучи матерью искусства, она хотѣла въ первый разъ здѣсь подражать ему. Весна царствуетъ вмѣстѣ съ осенью. На ряду съ юной смоковницей спойшь зрѣлая; подлѣ зеленаго яблока виситъ золотое. Роскошныя грозды винограда, вися въ кругу шопелей, одни наливаются; другіе, иныя нежнара, уже маятъ къ себѣ вкусъ. Двѣ розы разныхъ возрастовъ наливаются подлѣ шѣнью куста. Одна — молодая и скромная, еще спыднелась; другая уже раскинулась и разливаетъ кровь свой. Пернашныя, качаясь, поюшь сладостныя пѣсни. Все къ нѣгѣ, все говоритъ о любви и швердятъ правы, цѣлны и перещіеся другъ съ другомъ кустарниками;

ею дышущъ земля, вода и вѣтерки.“ Однимъ словомъ: это сады *Армидины*.

Утро было тихое. На гладкой поверхности озера, подернутой спруйками, переливались розовые лучи восходящаго солнца. За бѣгущею моею шляпкою, разцвѣченною бахрамами, явнулася длинная полоса бѣлаго цвѣща. Островъ Св. Михаила и *Изола Белла* изъ Бавено казались слипыми въ одинъ. Но чѣмъ ближе мы были къ нимъ, тѣмъ далѣе они расходились одинъ отъ другаго. Первый покрывъ хижинами рыболововъ, второй выходилъ изъ озера съ дворцемъ и съ красивыми домиками. Длинная и широкая пристань его ведетъ по каменнымъ ступенямъ прямо на квадратный дворъ, обнесенный портиками. Внутреннія украшенія палатъ блистательны и великолѣпны. Роскошь разсыпала здѣсь щедрою рукою сокровища; образованный и строгій вкусъ спарался назначить имъ мѣсто и мѣру. Огромная зала разделяетъ весь бельэтажъ на двѣ ровныя половины. На стѣнахъ ея дышущъ зеркала; карнизы облины позолотой; пополокъ, расписанный альфреско, склоняется дугою; на

полу спелется узорчатый мраморъ. Кабинетъ вельможи, хотя и небольшой, похожъ на шпронную, назначенную для приѣма иностранныхъ пословъ. На прехъ круглыхъ ступеняхъ стоятъ подъ бархатнымъ балдахиномъ пышныя кресла, — памятникъ щеславія тѣхъ времянь, когда богатые помещики окружали себя дворомъ и любили играть ролю маленькихъ королей. По сторонамъ поставлены два зеркальныя бюро, раздѣченныя мозаиками; по угламъ сядятъ чепыре баснословныя божества: Юпитерь, Панъ, Нептунъ и Плутонъ, вылитыя изъ бронзы. Спальня почти вся населена амурами. Одни изъ нихъ держатъ надъ постелью шшофныя розовыя полога; другіе порхаютъ съ колчанами и съ стрѣлами, или размещались небрежно въ карпинахъ и пришворились спящими. Карпинная галлерей, занимающая особенную залу, блеститъ драгоценными произведеніями Луки Джордано, Прокачини, Тиціана, Лебрюна и другихъ знаменитыхъ художниковъ. Нижній этажъ состоитъ изъ прохладныхъ и полуосвѣщенныхъ грощовъ, которыхъ стѣны покрыты

неровными и дикими камнями, а полъ вымощенъ мозаиками. По угламъ разсѣпавлены копіи аншиковъ и произведенія новыхъ ваятелей. Здѣсь спомнѣ голова Ахиллеса, дышущая еще и въ мраморѣ негодованіемъ прошивъ Агамемнона; тамъ суровый дельфинъ льетъ изъ перловой раковины свѣшлую воду; тамъ богиня красоты, выходящая изъ бани, съ робоспію закрываетъ руками шайныя свои прелесныя; еще далѣе — она уже на роскошномъ ложѣ и спитъ коварнымъ сномъ. Въ длинной галлерей, ведущей въ садъ, оспанавливаютъ вниманіе сапширическая фигура одного узника, смѣющаяся съвозъ желѣзную рѣшетку. Это поршреть жестокосердаго Темиссы, оплитавшагося ландшафтною живописью. Онъ убилъ жену свою для того, чшобъ женишься на любовницѣ; сосламъ былъ въ започеніе — и былъ сполько безчувственъ въ влодѣшнѣ, что послѣ ужаснаго пресшупленія могъ еще смѣяться!

На гладкой небольшой площади, подъ каменнымъ сводомъ, нѣсколько рыбъ бросающъ изъ рпа и изъ ноздрей вверхъ и внизъ свѣжую воду. По споронамъ фоншана сполить

двѣ круглыя лѣспяницы съ граншовыми ступенями; малучисныя дорожки, но полуоткрытыя, но осененныя пополами или лаврами, водятъ васъ по маленькому лабиринту. Вы вспрѣчаете узорчатый цѣпникъ, заходите въ бесѣдку, подымаетесь на холмикъ, вонрытый рошцей, или опускаетесь въ грощъ, орошаемый испочникомъ. Миршы, розы и ясмьны разливаютъ въ воздухъ ароматы; померанцовыя, лимонныя и гранатовыя деревья блестятъ на каждомъ шагѣ золотыми плодами. На южной споронѣ оспрова стоить огромный курганъ, возвышающійся надъ поверхностью озера на 120 футовъ. Десятъ широкихъ террасъ съ каменными сводами вьются вокругъ его и поднимаются одна надъ другою. Каждая терраса одѣта зеленью, осымена деревьями и украшена статуями. На самой верхней площадкѣ стоить колоссальный и однорогій Пегасъ. Онъ зависъ на дыбы, разбросалъ гриву по вѣтру и пышетъ пламенемъ. Еслибъ я былъ поэтомъ, я пошчасъ бы улетѣлъ на немъ или на Монрозѣ или на Симплонѣ или на Сеншъ-Гошарѣ, которыхъ снѣжныя вершины выглад-

дывають сюда, хопя изрѣдка, изъ за горъ и шумановъ.

Пригожая и заспѣчивая дѣвушка поднесла мнѣ букетъ цвѣшовъ, когда я выходилъ изъ саду, оставляя Изолу Беллу. Черезъ полчаса мы были уже подлѣ *Изолы Мадры*.

Этотъ островъ опоясанъ семью шеррасами. Пристань его и лѣсница вырублены изъ скалы; длинная палата не заключаешъ въ себѣ ничего достопримѣчательнаго, кромѣ маленькаго шеатра, вешкихъ походныхъ кресель Фридерика Борромея и двухъ или трехъ большихъ каршинъ, предспавляющихъ его побѣды. Высокіе дубы, спройныя пальмы и кудрявые лавры соспавляютъ почти весь здѣшній садъ. Посреди ихъ дремлетъ развѣсистый чешырехсоплѣшній кедръ, вывезенный въ своемъ младенческѣ съ воспока. Прямая и широкія аллеи не что иное, какъ просѣки. Жители здѣшніе одни только фазаны, цесарки и горлицы. Воркованіе послѣднихъ показалось мнѣ совершенно опличнымъ. Въ переливахъ и преляхъ ихъ горлышка вы слышите языкъ самой шумной спраши и самыхъ нѣжныхъ востор-

говѣ. Изъ плодовыхъ деревьевъ особенно достойны прииѣчанія лимонныя, разсаженныя здѣсь на всѣхъ шеррассахъ. Онѣ оспаюся на открытомъ воздухѣ во все продолженіе зимы.

И здѣсь при прощаніи получилъ я ошь одной дѣвущи нѣсколько плодовъ. Два эшихъ подарка можно назвать символами двухъ различныхъ острововъ. Изола Белла ешь изящное произведеніе искусства, и по справедливости заслужила названіе прелестнаго острова; Изола Мадра ешь твореніе самой природы, которая заботилась здѣсь болѣе о пользѣ, нежели о пріятностяхъ. Почва земли какъ шого, шакъ и другаго ошлячается необыкновенною сочностью. Лимонныя и померанцовыя деревья имѣюшь въ поперешникѣ около одного фуша и распушь съ шакую быспрошую, какъ бы подѣ благорасшвореннымъ небомъ Неаполя и Палермы. На Изолѣ Беллѣ собираешся съ нихъ плодовъ ежегодно ошь 30 до 36,000. Тамъ же ешь родъ душистыхъ лимоновъ, называемыхъ цедрами, кошорые часто бываюшь длиною въ одинъ фушь и пошциною въ восемь дюймовъ.

Уже лодка моя быстро неслась къ Лавену, лежащему на восточномъ берегу озера; и гребцы пѣли веселыя пѣсни при шпрыхъ ударахъ весель. Природа открывала передо мною разнообразныя и великолѣпныя виды. На сѣверѣ снѣжались Гривонскія горы и бѣлѣлись громады домовъ въ городахъ Иншрѣ и Паланцѣ; на западѣ шныулись цѣпи роскошныхъ холмовъ съ рощами и деревнями; по озеру плавали острова Св. Михаила, Св. Джіованни и Кроликовъ. Все было прекрасно; но я смотрѣлъ на одну только Изо-лу Мадру, копорая меня плѣнила своею проспо-тою, — и на Изолу Беллу, копорая очаровала меня своимъ прелестями. Это—обиталища Калипсы, Альцины и Фей. Съ нихъ я не сводилъ глазъ моихъ, и какъ бы хотѣлъ насмо-трѣться на нихъ на всю жизнь мою. Идеальной мѣрь, говорящъ ученые, существуетъ только въ воображеніи художниковъ; а я въ немъ былъ; и не во снѣ, а на яву его видѣлъ.

СВЯТАЯ ГОРА.

Святая гора (Monte Sacro), опшюющая отъ Вареа на двѣ Италіянскія мили, представляеть картину самую величественную. При подошвѣ ея лежатъ красивыя деревеньки, на вершинѣ бѣлеть огромный монастырь, окруженный цѣлымъ городомъ. Ведущая къ нему дорога, вымощенная плитами и обнесенная стѣнами, вьется между рощами и виноградниками на пространствѣ трехъ миль. На крупныхъ ея поворотахъ и уступахъ разсыяны триумфальныя арки, фонтаны, часовни и пятнадцать огромныхъ капеллъ или олтарей. Порядокъ, въ какомъ расположены всѣ эти памятники, есть слѣдующій. Въ правой сторонѣ отъ излучистой пропннки оспаеетъ деревня Велаша, въ лѣ-

*

вой развалины одной древней башни. На самомъ первомъ холму спойшъ обширный храмъ, посвященный Пречистой Дѣвѣ (*Virginii Immaculatae*). Подлѣ него спойшъ свяшья вороша; лешающій надѣ нимъ Ангель зовешъ шрубою спранниковъ и гошовишъ ииъ за подвиги лавровый, нешлѣнный вѣнецъ. Здѣсь начинается Свяшья гора. Вдолѣ дорогъ, осѣненной плапанами, воздвигнушы на разныхъ разспоянїяхъ капеллы Благовѣщенїя, Посѣщенїя или цѣлованїя Елисаветы, Рождештва Иисуса Христа, и Обрѣзанїя и Сошпазанїя его съ учшелеями фарисеями. За вшорыми ворошами слѣдуешъ пяшь другихъ капеллъ, сооруженныхъ въ воспоминанїе вшеспвїя Спасштеля въ Иерусалимѣ, бїенїя его розгами, вѣчанїя шерновымъ вѣнцемъ, несенїя крешпа и распятїя. Трешья шоржешпвенная арка ведешъ въ великолѣпные храмы Воскрешенїя, Вознесенїя, Сошеспвїя Свяшпаго Духа и Восшщенїя Св. Дѣвы Марїи на небо (*Assunzione di Maria*). Главная церковь во имя Божїей Матери или Мадонны, съ высокою колокольнею, спойшъ на площади горнаго посада или города. Надѣ городомъ под-

нимаешся монашпырь, а нѣсколькo далѣе башня, называемая Аріанскою. Крушяя и узкая пропипка ведетъ наконецъ на самую высокую и оспрую оконечность горы, прообразующую Лобное мѣсто и увѣчанную тремя крестами.

Мысль основанія Свяшой горы, вѣроятно принадлежащая ея основателю Карлу Борромео, — превосходна. Когда вы спомните на нее снизу, — это путь ведущій къ горнему Сіону; когда же вы спомните на ея вершинѣ, — передъ вами открываются цѣпи Альповъ, пять или шесть озеръ и неизмѣримая долина Ломбардіи съ городами, съ каналами, съ рощами; однимъ словомъ: вы видите маленькой жиръ, примаанивающей васъ своими прелестями.

На Свяшой горѣ предспавлена вся испорія Мессии. Три арки прообразуютъ три главных его эпохи: воплощеніе, спраданіе и шоржесство. Каждая изъ трехъ часпей имѣетъ пять отдѣленій, означенныхъ пятью капеллами. Капеллы опличаются одна отъ другой куполами, поршиками и фасадамъ. Зодчесство употребило здѣсь всѣ свои орденъ

и на всѣхъ положило печать благородной проспоны.

Къ сожалѣнію, внутреннія украшенія со-
всѣмъ не соотвѣтствуютъ наружности. Въ
нихъ показанъ въ полной мѣрѣ грубый вкусъ.
Чтобы сильнѣе поразить чувства черни,
художники изобразили всѣ примеченія изъ
исторіи Мессіи въ деревянныхъ группахъ;
раскрасили спашужъ натуральнымъ цвѣтомъ
и одѣли ихъ въ полотняныя, шелковыя и
суконныя плашья.

На вратахъ и колоннахъ вездѣ приблипы
Папскія афишки: „Plenaria et perpetua Indul-
gentia,“ то есть полное ошпущеніе грѣховъ,
какъ прошедшихъ, такъ и всѣхъ будущихъ,
пѣмъ изъ мольщиковъ, которые во всѣхъ
капеллахъ выслушаютъ обѣдню!...

МИЛАНЪ, ¹⁶/₂₈ Августа.

СОБОРНАЯ ЦЕРКОВЬ.

Я нищу предмета, съ которыми бы можно было сравнить Миланскую Соборную церковь, и ничего не нахожу ей равнаго. Она не имѣетъ образецъ въ вѣкахъ прошедшихъ и не можетъ быть образцемъ вѣкамъ будущимъ. Цѣлая ираморная гора, отдѣлившись отъ цѣпи Альпійской, спала надъ обширнымъ городомъ и надъ неизмѣримою долиной Ломбардиі—не для того, чтобы быть чертогомъ Царя земнаго, но чтобы служить обителью существа всеобъемлющаго и ничѣмъ необъемленаго,—кому небо престоль и земля подножіе. Слава и великолѣпіе окружили домъ Господній. Блистающія бѣлизною стѣны при-

няли жизнь, чувство и вѣщаніе. Въ шмыс-
тахъ спашуй и барельефовъ дышуть чины
Серафимовъ, Пророковъ, Апостоловъ и Му-
чениковъ. Зодчешва разныхъ народовъ со-
единилась для прославленія Творца вселен-
ныя и хотѣли распочинъ здѣсь всѣ пышныя
свои украшения. Вокругъ жѣдныхъ вращъ,
ходящихъ на желѣзныхъ веряхъ, сползтъ
сполпы Гопическіе и Греческіе, освѣненные
балдахинами или ажаншовыми листьями.
Подъ ними и между ними распавлены кар-
атиды въ образъ нагихъ и безрукихъ жен-
щинъ. Подъ дугообразными сводами вьютсѣ
цѣпи, сплеленныя изъ цвѣшовъ и плодовъ;
по карнизамъ и нащпеламъ планутся мѣо-
браженія живошныхъ, грощески, пѣары, кре-
сты и вѣнцы. Это лабиринтъ для взора.
Увлекаемый ошъ одного предмета къ друго-
му, онъ не знаетъ, на чемъ ошановишсья, и
не находишть для себя исхода. На крышѣ, об-
несенной зубцами, сползтъ густой лѣсъ вы-
сокихъ обелисковъ, которые выходяшть, опу-
скающся, сливаюшся и расходяшся при на-
лѣйшемъ движеніи очарованнаго зришеля.
На однихъ горятъ позлащенныя звѣзды, на

другихъ сіяють изваянные лики Ангеловъ. Огромная пирамидальная башня, поднимающаяся надъ куполомъ, увѣнчана короною, соспавленною изъ копіеобразныхъ столповъ, и оканчивается длиннымъ шпигельмъ, мѣющимъ видъ снѣпра. Колоссальная снѣпуя Божіей Машери, опирающаяся на шаровидную вершину его, спонитъ какъ бы между землею и небомъ, и шеряется въ высоту и дали отъ самаго взора смертныхъ.

Это великолѣпное зданіе, одно изъ немногихъ чудесъ Европы, начашое въ концѣ XIV столѣтія, до сихъ поръ еще не кончено. Чешыре вѣка строили его для безсмертія. Груды сокровищъ и мысли величайшихъ художниковъ погружены, какъ ручьи и дождевыя капли въ безднахъ моря, или какъ прошедшія мгновенія въ обители вѣчности. Первый планъ, приписываемый Нѣмцу *Замодіо* и двумъ Италіянкамъ, былъ Гошическій. Знаменишый *Пеллегрини*, воспищанникъ и любитель древнихъ, начершилъ Греческій фасадъ и оставилъ умы своихъ преемниковъ въ колебаніи на долгое время. Начинали строить, разрушали начашое и возобновляли

разрушенное. Только въ 1805 году Академія маяцныхъ художествъ осмѣлилась привесити къ концу эту часть храма, сочетавъ благородную простоту одного вкуса съ роскошными украшеніями другаго. Изъ этого спротивнаго смѣшенія составился новый, особенный и, такъ сказать, романтическій стиль зодчества, поражающій взоръ смѣлостію и даже неправильностію чертежа. Можетъ быть, спротивъ знапокъ художествъ не пройдетъ мимо сего зданія съ благоговѣніемъ, какъ нѣкогда ходили Римляне мимо Пантеона, но онъ основанъ здѣсь невольно для того, чтобы восхищаться его неподражаемымъ великолѣпіемъ. Это не капище громовержца, колеблющаго маніемъ очей своихъ вселенную; но пышный храмъ Бога благости, одѣвающего небо славою и землю лѣпошю.

Латинская надпись: *Mariae Nascenti*; начертанная посреди фасада, напоминаетъ о случаѣ, побудившемъ соорудить это зданіе. Герцогъ Миланскій, Іоаннъ Галеаче, слѣдуя духу своего времени, далъ обѣщъ поспроить церковь во имя Рождества Св. Дѣвы Маріи, если родится ему

сынъ, давно имъ желанный. Молитва его была услышана; и онъ принесь въ жерпву цѣлую гору Monte Candido, состоящую изъ слоевъ бѣлаго мрамора. Надъ главными вѣроиспомъ храма доспойны примѣчанія двѣ спашумъ, предспавляющія вешкій и новыи завѣтъ, шакъ какъ и по споронамъ ворощъ другія двѣ спашумъ Св. Пештра и Павла. Въ первомъ этажѣ фасада споятъ Апостолы и Евангелиспы; во вѣторомъ Пророки и Давидъ, играющій на арфѣ. Надъ сполцами и между ними распавлены каріашиды; спѣны, медальоны и подножія покпыты барельефами. Въ числѣ ихъ вы замѣшите: Адамъ и Еву, нагоняемыхъ изъ рай, жерпвоприношеніе Авеля и смерть его, — Иова, проклинающаго день своего рожденія, Моисея младенца, найденнаго въ Нилѣ, Моисея передъ горящею купиною и испочающаго воду изъ камня, — Илію, воскрешающаго сына вдовицы, — Іакова, борющагося съ Ангеломъ, и Іосифа, убѣгающаго отъ жены Пеншефрія. *Руска, Джіудити, Маркези, Буци* и многіе другіе спорятъ въ изясноспи своихъ произведеній. *Вислара* предспавилъ сошвореніе Евы; пре-

красная группа Ангеловъ также одушевлена рѣзцемъ его.

Самая достопримѣчательнѣйшая часть храма, безъ сомнѣнiя, есть его крыша. Не возможно описать безчисленнаго множества разсѣянныхъ на ней зданiй и украшенiй. Это цѣлый городъ, въ которомъ вы найдете улицы, галлерей, террасы, лѣстницы и мосты. Всѣхъ окончанныхъ обелисковъ, украшенныхъ спашуями и гротесками, счипаешися девяносто чешыре, и сверхъ того придашь девять неокончанныхъ или только назначенныхъ къ построению (*).

Внутренность храма имѣетъ видъ Латинскаго креста. Пятьдесятъ осмигранныхъ колоннъ раздѣляютъ его на галлерей и проходы; капители ихъ состоятъ изъ гротесковъ, балдахиновъ и живописей или нишей, назначенныхъ для спашуй. Подлѣ главныхъ дверей поражаютъ красотою и огромностию два столпа Коринтскаго ордена, высѣ-

(*) Храмъ съ башнею имѣетъ высоты 185 брачiо или 50 сажень, длинъ во внутренности 249 брачiо или 68 сажень, широты 147 брачiо или 40 сажень.

ченныя изъ цѣльнаго Бавенскаго гранита. Недалеко отъ нихъ во всю ширину пола просширается меридіанъ Миланскій, проведенный подъ надзоромъ ученыхъ астрономовъ Брерскихъ. Въ концѣ средней аллеи, составленной изъ столповъ, и въ самомъ основаніи церкви, поднимается на площади огромнаго амбона Греческій храмъ съ восьмью колоннами Коринтскаго ордена, построенный по чертежу Пеллегрини. Къ воротамъ его ведутъ широкія и круглыя ступени изъ разноцвѣтнаго мрамора. На куполѣ стоить образъ Спасителя; вокругъ фронтона разставлены группы Херувимовъ. Надъ олшаремъ нѣсколько Ангеловъ несутъ скинію, имѣющую видъ башни. Всѣ эти статуи, какъ и скинія, вылиты изъ бронзы и покрыты золотомъ. На стѣнахъ, окружающихъ амфитеатръ, стоятъ два огромные органа; а на двухъ столбахъ двѣ великолѣпныя кафедры. Одну изъ нихъ, вмѣсто кариатидъ, держатъ четыре бронзовые Евангелиста, другую четыре учителя церкви. Внутри амфитеатра, въ темномъ подземельи, находится другой храмъ, также

съ восьмью мраморными колоннами и съ куполомъ. Темная и низкая лѣспница ведетъ опскуда въ придѣлъ Св. Карла Борромей, освѣщаемый блѣднымъ огнемъ лампадъ. Мощи сего архіепископа хранятся подъ оларемъ въ богатой ракъ, сдѣланной изъ горнаго хрусала и оправленной серебромъ. Первосвященническія ризы, въ копорыя онъ одѣтъ, осыпаны драгоцѣнными камнями. Своды этой пещеры украшены серебряными барельефами и профеями; восемь каріатидъ, копорыя разставлены по угламъ, также серебряныя.

Придѣлъ Мадонны Розовой или Древесной, названной такъ отъ бронзоваго подсвѣчника, имѣющаго видъ дерева, достоинъ также вниманія. Великолѣпный оларь его украшенъ спашуею Св. Дѣвы, лицами свяпыхъ и многими барельефами; подъ дугообразнымъ сводомъ, какъ подъ шашромъ, изображенъ Господь Саваоѣ, окруженный Ангелами и Херувимами. Передъ вратами сего придѣла стоятъ два колоссальныя Пророка, копорыя впрочемъ не имѣютъ много достоинства, кромѣ огромности. Тоже можно сказать о

другихъ двухъ колоссахъ, поставленныхъ для симметрии на противоположной споронѣ церкви.

Въ одномъ изъ предѣловъ находишь очень красивый памятникъ *Жанъ-Жака Медичи*, полководца и современника Карла V, сооруженный, какъ увѣряють, по плану Микель-Анжела Буонаропши. Жанъ-Жакъ спящъ среди Мира и Мужества; надъ нимъ Слава и Провидѣніе. Вся эпа группа, вылитая изъ бронзы кавалеромъ Арешиномъ, окружена шестью колоннами изъ разныхъ родовъ восточнаго мрамора.

Я не нахожу нужнымъ входить во всѣ подробности храма, пребывающія цѣлой огромной книги. Довольно сказать, что вся эпа громада съ крышею и съ поломъ высѣчена изъ благаго мрамора; что однихъ спящуй большихъ и малыхъ, поставленныхъ внутри и снаружи, считается около 2,020, и что полное число ихъ, по окончаніи всей работы, будетъ проектираться до 3300. Одинъ изъ профессоровъ Лондонской Академіи изящныхъ искусствъ сколько былъ очарованъ великолѣпною наружностію эпой церкви,

что не усомнился пославить ее выше Римской Св. Пестра. Я не имѣю ни какого права быть спрогимъ и рѣшительнымъ судіею этихъ двухъ совершенно противоположныхъ пронаведеній; впрочемъ не усумнился бы, вѣстѣ съ г-жею Спаль, дать первой такое же почешное мѣсто въ архитектурѣ Гонической, какое занимаетъ послѣдняя въ Римской.

ДОСТОПРИМѢЧАТЕЛЬНОСТИ ЦЕРКВЕЙ МИЛАНСКИХЪ.

Въ Каполитескомъ городѣ, состоящемъ подъ непосредственнымъ вліяніемъ владычества Папы, встрѣшши слѣды Богослуженія Греческаго, безъ сомнѣнія, покажется для многихъ новостію странною и съ первого

взгляда почти непонятною. Такова церковь Миланская. Она, можно сказать, занимает среднее мѣсто между восточною и западною. Такъ называемая, Амвросіанская литургія, наблюдаемая въ Миланѣ и во всей Епархіи, исключая городъ Монзы, по всему вѣроятію, заимствована Св. Амвросіемъ на востокѣ, хотя въ послѣдствіи времени и подверглась нѣкоторымъ измѣненіямъ. Крещеніе чрезъ погруженіе и другіе подобныя обряды первыхъ вѣковъ Христіанства, сохранились здѣсь также въ первоначальной своей чистотѣ. Даже и карнавалъ здѣшній продолжается чепырьмя днями позже католическаго, и оканчивается только на канунъ перваго великопостнаго воскресенья.

Въ половинѣ прошедшаго столѣтія число всѣхъ церквей и капеллъ въ Миланѣ простиралось до 230; но, по уничтоженіи монастырей и аббатствъ различныхъ орденовъ, — остается теперь не болѣе 95. Я намѣренъ упомянуть только о тѣхъ, которыя достойны особеннаго примѣчанія по древности, по богатству или по изящнымъ произведеніямъ художествъ.

Церковь Св. Амвросія основана въ четвертомъ столѣтїи; онъ въ ней ошправлялъ Богослуженіе, въ ней проповѣдывалъ Евангеліе и въ ней же погребенъ подлѣ Св. Гервасія и Протасія, получившихъ мученическій вѣнецъ въ царствованіе Нерона. На одномъ изъ столповъ, поддерживающихъ органъ, спомнѣ образъ сего Свяшителя, принадлежащій глубокой древности и, если вѣришь преданію, писанный съ нѣшуры. Подъ нимъ находится слѣдующая надпись:

*Effigies sancti haec tracta est ab imagine vivi
Ambrosii, pia, clara, humilis venerandaque cunctis.
Ergo genuflexo dicas: o Maxime doctor,
Alme patrone, Deum pro nobis jugiter ora.*

по естъ: „Сей образъ Св. Амвросія писанъ съ него живаго; всѣми покланяемый и славимый, для всѣхъ примѣръ смиренія и предметъ благоговѣнія. Убо преклонше колѣна, возопи къ нему: Учителю великій и ходатаю благій! моли Бога о насъ непрестанно.“ Съ благоговѣніемъ приступилъ я къ подножію олшаря, скрывающаго въ себѣ мощи Св. Амвросія Медиоланскаго. Здѣсь умирающъ

спраспи людей, исчезаетъ вражда народовъ и всѣ ихъ гордые предрасудки. Передъ лицомъ Вселенскаго учишеля нѣтъ различія между востокомъ и западомъ и нѣтъ раздѣленій между церквами.

Великолѣпныя перила, которыми окруженъ сей олшарь, спереди обипы золошыми досками, сзади серебряными съ чеканною работою или съ барельефами, представляющими разныя черпы изъ жизни угодника Божія. Въ промежуткахъ блестятъ рубины, аметисты, алмазы и многіе другіе драгоценные камни.

Въ сей же церкви почиваютъ мощи брата Амвросіева Св. Сапира и сеспры его Св. Маркеллины.

Кипарисовыя створы главныхъ дверей съ рѣзными изображеніями обипы желѣзною рѣшеткою для того, чтобы набожные люди не ломали ошь нихъ кусковъ, какъ дѣлали прежде. Олшарь Св. Амвросія доспоминъ примѣчанія и попому, что при подножии его многіе изъ королей Испаліянскихъ вѣнчались желѣзною короною. Имя сего учишеля православія свяшится до сихъ поръ въ Миланѣ;

и одна только память его доблестней могла сохранить обряды восточной церкви на западъ въ первоначальной чистотѣ ихъ, несмотря на всѣ внѣшнія обуреванія.

Церковь Св. Александра построена на развалинахъ шемницы, въ которой, по преданію народному, заключенъ былъ знаменосецъ легіона Фивскаго Св. Александръ. Она имѣетъ видъ Греческаго креста, съ огромнымъ куполомъ, который лежитъ на осьми красныхъ гранитовыхъ столпахъ Коринтскаго ордена; фасадъ ея величественъ, внутренность великолѣпна. Главный олтарь, каеэдра и два кивопа исповѣдниковъ горятъ въ разныхъ цвѣтахъ корнелиновъ, восточныхъ агатовъ, яшмъ, лазури и даже драгоценныхъ камней.

Въ церкви *Св. Стефана* на полу есть окно съ мѣдною рѣшеткою, сквозь которое можно видѣть пастушескій посохъ Св. Аливросія и бичъ, положенные крестъ на крестъ. По преданію народному, на этомъ мѣстѣ совершилось нѣкогда чудо; именно будто бы во время бывшаго здѣсь сраженія съ Аріанами, кровь каполиковъ опадѣ-

лялась опъ крови ерешиковъ и шекла въ это окно или опверспіе. А историкъ Джіулини увѣряетъ, что эпошь ровъ омоченъ былъ кровію Діодора и другихъ прехъ Христіанъ, избіенныхъ съ нимъ, по повелѣнію Императора Валентиніана.

Одна изъ прапезъ *Бернардинской церкви* предспавляетъ зрѣлище мрачное и ужасное. Внутреннія спѣны ея со всѣхъ споронъ закрыпы головами и костью мершвыхъ, расположенными съ большою симметриєю. Нѣкоторыя изъ писателей, основываясь на народномъ преданіи, думали, что это кости каполикѡвъ; убитыхъ въ сраженіи съ Аріанами при жизни Св. Амвросія; другіе полагаи, что это осповы Миланскихъ гражданъ, избіенныхъ Готтееами въ пяпомъ вѣкѣ; а вѣрояниѣ всего, скелеты усопшихъ въ больницѣ Св. Іова, которая находилась подѣ сего мѣспа. Со всѣмъ тѣмъ проспой народъ сохраняетъ къ нимъ большое благоговѣніе и шекущую черезъ нихъ воду упошребляетъ для пишья, какъ цѣлебное средство.

Въ церкви *Св. Маріи Цельской*, достопримѣчательнѣйшей по изяществу картинъ и зодчества, находится древняя икона Божіей Матери, писанная, какъ увѣряють, по заказу Св. Амвросія.

Шестнадцать колоннъ, споящихъ подлѣ церкви Св. Лавренція, сущь драгоценный оспапокъ глубокой древности. Вѣроятно они соспавляли фасадъ шѣхъ великолѣпныхъ пещиць Геркулесовыхъ, копорыя построены были во времена Максиміана Геркулеса и о копорыхъ Авзоній упоминаеть съ воспоргомъ въ одной своей эпиграммѣ (*). Онѣ всѣ изъ бѣлаго мрамора и Коринескаго ордеана. Діаметръ ихъ при основаніи имѣеть 33 дюйма, а высота равняется десяти діаметрамъ.

(*) Et Regis Herculei celebris sub honore lavacri,
Cunctaque marmoreis ornata perystila signis.

ПРОДОЛЖЕНІЕ.

ЗНАМЕНИТЫЕ ЗОДЧИ: БРАМАНТЬ, ПЕЛЛЕГРИНИ И ШЕРМАРИНИ: ТЕАТРЫ СКАЛА И КАНОБИАНА.

Если случится вамъ въ Миланѣ остано-
виться внезапно передъ великолѣпнымъ хра-
момъ или заглядѣться невольно на пыш-
ность какихъ нибудь палатъ; но можете
быть увѣрены почти напередъ, что вы спо-
тите передъ швореніемъ *Браманта, Пеллегри-
ни* или *Шермарини*. Эти неупомимые худож-
ники украсили городъ безчисленными памят-
никами зодчества и на всѣхъ положили пе-
чатку изящнаго вкуса.

Брамантѣ, уроженецъ Урбинскій, былъ
современникомъ Леонарда да Винчи и нахо-
дился въ службѣ у Миланскаго Герцога
Сфорца. Онъ съ такою легкостью сочинялъ

и рисовалъ свои планы, что почти всѣ архитекторы, приходившіе къ нему для совѣщевъ, получали совѣщанья на бумагѣ и безъ всякой пляшы. Однимъ изъ лучшихъ его произведеній почитается церковь Св. Дѣвы Маріи Цельской съ величественнымъ фасадомъ и съ красивымъ предсѣніемъ Коринтскаго ордена. Трое входовъ съ передней стороны и двое съ боковъ ведутъ во внутренность святилища для того, чтобы поразить взоръ портиками, аркадами, десятиугольнымъ куполомъ и безчисленными его украшеніями. Брамантъ былъ также хорошимъ живописцемъ и зналъ отлично перспективу. Построенная имъ церковь Св. Сашира имѣетъ видъ липеры Т, вмѣсто Греческаго креста, который назначенъ былъ въ планѣ и котораго верхней части нельзя было продолжать, по положенію улицы. Чтобы скрыть эту недоспашку, художникъ въ такой перспективѣ расположилъ барельефы передней трапезы, что вся эта часть внутренности кажется выдающеюся въ даль.

Брамантъ отличился въ особенностяхъ сооруженіемъ куполовъ; между шѣмъ какъ

знаменитый *Пеллегрини* любилъ преимуще-
ственно круглыя линии и роскошь въ колон-
нахъ. Онъ построилъ много капеллъ; и поч-
ти всѣ онѣ имѣютъ форму Греческихъ хра-
мовъ или павильоновъ. Церковь Св. Фидели-
са представляетъ образецъ изящнаго зодче-
ства, въ которомъ художникъ раскрылъ все
богатство своего творческаго генія. Она
стоитъ на высокой насыпи, усланной сре-
ди каменными ступенями. Фасадъ раздѣ-
ляется на два яруса. Первый украшенъ ко-
лоннами Коринтскаго ордена и увѣнчанъ ар-
хиправомъ и фризомъ. На второмъ, сложен-
номъ изъ разныхъ орденовъ, лежитъ пре-
угольный фронтонъ. Внутренность церкви
образуетъ два квадрата, — съ рядами ко-
лоннъ, которыя всѣ изсѣчены изъ цѣльнаго
краснаго гранита. Нѣкто изъ отличнаго
почтенія къ лошадямъ или изъ одного же-
ланія унижить художника, поручилъ ему по-
строить конюшню; и *Пеллегрини* построилъ
такую, что дѣлавшій порученіе хотѣлъ ее
назначить для самого себя. Въ самомъ дѣлѣ,
планъ ея достоинъ примѣчанія по своей
оригинальности. Снаружи она представляетъ

только круглое десятигранное здание; но внутренность состоитъ изъ трехъ этажей, изъ которыхъ каждый имѣетъ длинные и смѣлые своды и вокругъ спѣтъ ряды колоннъ въ видѣ порпиковъ. Во второй этажъ ведетъ отлогая лѣспница; прешій назначенъ для одной только складки сѣна.

Знаменитый театръ *Скала*, почитаемый однимъ изъ лучшихъ въ Европѣ по своей огромности и великолѣпію, есть твореніе *Пирларини*. Фасадъ его состоитъ изъ подъѣзда съ тремя аркадами, изъ террасы, украшенной колоннами разныхъ орденовъ и барельефомъ Аполлона, лепящаго въ колесницѣ и оспанавливаемого Ночью. Изъ обширныхъ сѣней, окруженныхъ кофейнями и кандиперскими лавками, цѣпь воровъ ведутъ на улицу, двѣ лѣспницы въ ложи и проеъ дверей въ огромную и блестящую залу, занимаемую партеромъ. Она имѣетъ фигуру эллиптическую; вокругъ ея поднимается шесть ярусовъ, убранныхъ со всею восточною пышностію и со всею изящностію вкуса; изъ нихъ въ трехъ верхнихъ по 39 ложъ, а въ трехъ нижнихъ по 36 и

одна королевская, лежащая надъ дверьми прошивъ сцены. Своды потолка украшены медальонами и очень хорошою карпиною, представляющею буйное празднество Вакханокъ. Къ залъ, занимаемой сценою, приспособляется нѣсколько домовъ, купленныхъ у частныхъ людей; и потому она получитъ въ скоромъ времени новое и значительное приращеніе.

Театръ *Канобіана* построень также по плану Пьермарини; это — подражаніе Скалъ въ меньшемъ размѣрѣ и только съ пятью рядами ложъ. Посредствомъ двухъ аркъ или мостовъ, проведенныхъ надъ улицей, онъ имѣеть сообщеніе съ дворцемъ. Названіе его происходитъ отъ школы Павла Канобіо, который преподавалъ здѣсь діалектику и нравственную философію.

А Р Е Н А.

Римскіе консулы и императоры часпо спроили амфитеатры и давали блистательныя игры единственно для того, чтобы унять крики буйной черни и привлечь на свою сторону шумные голоса ея. По видимому, поже хопѣль сдѣлать и Наполеонъ въ Миланѣ, замѣтивъ, можетъ бытъ, въ гражданахъ духъ и склонности древнихъ Римлянъ,—не тѣхъ суровыхъ Римлянъ, передъ которыми препечала вселенная, но тѣхъ роскошныхъ сибаритовъ и низкихъ рабовъ, которые за однѣ игрушки продавали пришельцамъ себя, опечесиво и славу своихъ предковъ. Построенная, по его повелѣнію, на полѣ Марсовомъ *Арена*, безъ сомнѣнія, достойна стоять на

ряду съ древними амфитеатрами. Она имѣетъ овальный видъ и простирается въ длину на 400 бражіо или 109 сажень и 1 арш., а въ ширину на 200 бражіо или 54 саж. и 2 аршина. Внутренняя площадь ея назначена для представленія гимнастическихъ сраженій, для скаканія на колесницахъ по древнему обычаю и даже для судоборства или навмахи, въ кошорую можно обратишь ее въ нѣсколько часовъ посредствомъ ручья, шекущаго подлѣ стѣны этого зданія. Вокругъ водоема подымаются, въ видѣ террасы, каменные ступени или лавки для сорока тысячъ зрителей. Карцеры, ошгороженные опѣ поприща столпами, помѣщены на сѣверномъ концѣ Арены. Между ними стоятъ широкія ворота, украшенные снаружи чешырьмя столпами Дорическаго чина и ираморнымъ барельефомъ, представляющимъ на фронтонѣ Олимпійскія игры. Для симметріи съ этими воротами, на противоположномъ краю амфитеатра построены другіе для входа и выхода народа. Посреди террасы, простирающейся со стороны Марсова поля, возвышается очень красивое зда-

ніе, называемое пулвинаріемъ. Оно состо-
итъ изъ длинной залы, украшенной очень
хорошею живописью въ родѣ барельефовъ, и
изъ богатой галлерей, обращенной къ Арени,
съ рядомъ красныхъ гранишовыхъ сполновъ
Коринскаго ордена.

Кавалеръ *Каноника* поспроеніемъ этого
великолѣпнаго амфитеатра воскресилъ оп-
даленную древность и показалъ глубокія
свои свѣденія въ водчествѣ Випрувіа. До
сихъ поръ не доставало башенъ на карцерахъ
и либишнарія или боковыхъ воротъ, назна-
ченныхъ въ планѣ; но правительство вы-
дало недавно для окончанія этой работы
нужную сумму.

Въ первой разъ Арена открыта была 17
Юня въ 1807 году; а въ послѣдній разъ да-
ны были въ ней представленія прошедшею
весною, въ присутствіи Императора Фран-
ца II и Императрицы. Поприще украшено
было по древнему обычаю перегородкою,
статуями, обелисками и мѣрами. Также какъ
у древнихъ, разбито было нѣсколько колес-
ницъ въ дребезги, нѣсколько всадниковъ на-
ли задавленные. Между прочимъ предсав-

лено было здѣсь очень занимательное зрѣлище взятія Трои. Огромный конь, роковой даръ Грековъ, ввезенъ былъ въ южныя ворота обольщенными Троянами. Въ урочное время опверзлась машина; изъ нее вышелъ Улиссъ съ своею дружиною, бросился во дворець, споявшій надъ карцерами, и обратилъ столицу Пріама въ пепель.

ТОРЖЕСТВЕННЫЯ ВОРОТА НА МАРСОВОМЪ ПОЛѢ.

Зодчество, ваяніе и липейное искусство соединились съ роскошью, а можетъ быть и съ лестию для того, чтобы воздвигнуть въ честь завоевателя Испаліи чудесный и единственный въ своемъ родѣ, памятникъ нашего времени. Я говорю о *торжественныхъ* воро-

павъ, заложенныхъ при окончаніи дороги, ведущей изъ Симплона на Марсово поле. Они начаты были въ 1804 году, подняты на шпиль возвышенія, назначеннаго въ планѣ, и оспановлены по паденіи Наполеономъ. Вся эта громада, иссѣченная изъ бѣлаго мрамора, образуешь при обширныхъ арках. На блестящихъ простѣнкахъ съ вѣшной стороны шюають въ барельефахъ Франція, Испанія, Исторія и Слава. Со стороны внутренней дышетъ Наполеонъ въ образѣ Марса, Геркулеса и Аполлона, — порпременная голова смершнаго на идеальныхъ шѣлахъ баснословныхъ боговъ Олимпа. Всѣ прочіе барельефы съ безчисленными украшеніями капителей лежатъ въ ближнихъ сараяхъ; бронзовыя статуи, назначенныя для фронтона, еще не опланы. До сихъ поръ можно было судить о достоинствѣ этихъ воротъ по одному только плану: но великодушный Францъ II, снисходя на усиленныя просьбы гражданъ, приказалъ снова приступить къ работѣ; и такимъ образомъ одно слово Монарха воззвало изъ праха такой памятникъ, который, по словамъ Испанійцевъ, увѣчаетъ

безсмертіємъ знаменитаго зодчаго маркиза Каньолу и будеть славою девятнадцатаго вѣка.

ЛОМБАРДСКАЯ ШКОЛА ЖИВОПИСИ.

Въ концѣ пятнадцатаго столѣтія заря просвѣщенія просіяла и на горизонтѣ Милана. Набожность того времени воздвигала повсюду храмы и спаралась украшать ихъ великолѣпіемъ; пышность и щедрость вельможъ опшворяли врапа художествамъ. Герцогъ Сфорца объявилъ себя ихъ меценатомъ; и явился *Леонардъ да Винчи*, Рафаэль Ломбардской школы.

Тайная его Ветеря сполько знаменитая въ исторіи живописи, находящся въ залѣ бывшаго монастыря Св. Маріи Благодатной

(delle grazie). Къ крайнему сожалѣнію любительшей изящныхъ искусствъ, она почти вся изглажена часпію временемъ, часпію невѣжесвомъ. Въ сѣбѣ, на которой она написана, проломлена была дверь; и въ то время опорвана вся нижняя часть картины до пояса Спасителя и двухъ Апостоловъ, Его окружающихъ.

Не смотря на слѣды этого разрушенія, *Тайная Ветеря* еще до сихъ поръ возбуждаетъ удивленіе въ знайокахъ и вниманіе въ равнодушныхъ. Она занимаетъ цѣлую сѣбну во всю ширину залы; и очень легко еще оплечить въ ней дѣйствіе, группы, характеры и чувства, хотя нѣкопорыя лица уже скрываются какъ бы въ туманѣ или за дымчатымъ покрываломъ. Художникъ схватилъ по мгновеніе, когда Спаситель сказалъ ученикамъ своимъ, что единственный изъ нихъ предастъ его. Въ сонѣ Апостоловъ смяшеніе; одни не вѣрятъ еще слышанному и какъ бы снова хотятъ слышать; другіе оцѣнили опъ изумленія и страха. Всѣ прочіе обращаются другъ къ другу, ищущъ предателя или объясняютъ предсказанія

Пророковъ. Кажется, слышишь тихій ихъ ропотъ и различные шолки.

Чтобы не лишился навсегда этой драгоценной картины, принцъ Евгенийъ бывший вице—король Испаліанскій, поручилъ *Іосифу Босси* снять съ нея самую вѣрную копию. Ученый художникъ занялся со вниманіемъ всѣми оставшимися частями оригинала, воспользовался головами Апостоловъ, которыхъ списаны были съ подлинника, по повелѣнію кардинала Фридерика Борромея, и хранятся донынѣ въ библіотекѣ Амвросіанской; собралъ всѣ копіи, снятыя учениками Леонарда; и такимъ образомъ воскресилъ шайную вечерю прежде, нежели предашь время успѣло изгладить ее на вѣки. Эта превосходная копія, выпавленная въ Академіи изящныхъ художествъ, служишь предметомъ вниманія и удивленія всѣхъ знатоковъ и любителей. Кавалеръ Іосифъ Босси написалъ также ученое сочиненіе о Тайной Вечерѣ Леонарда со всѣми историческими о ней свѣдѣніями. Съ его копіи художникъ *Рафаелли*, по порученію того же вице—короля Испаліанскаго, составилъ мозаическую картину,

единственную въ своемъ родѣ какъ по изящности работы, такъ и по огромности, которая равняется величинѣ подлинника. Она перевезена въ Вѣну и поставлена во дворцѣ Императорскомъ. Извѣстный *Морсенъ* также способствовалъ къ сохраненію сего драгоценнаго памятника прекраснымъ своимъ эстампомъ, гравированнымъ съ рисунковъ профессора *Машейни*.

Премиями искусства и славы Леонарда да Винчи оспались послѣ него въ Миланѣ *Гауденцій Феррари*, *Бернардинъ* и *Аврелій Лувини*, *Бернардинъ Ланино Вертелльскій*, *Юлій Кесарь* и *Камиллъ Прокатини*. Почти всѣ здѣшнія церкви украшены ихъ шрудами; и всѣ шруды ихъ почитаются драгоценными и рѣдкими какъ по древности, такъ и по изящности.

Монастырь *Maggiore* можно назвать галереєю фресковъ *Бернардина Лувини*. Церковь монастырская раздѣляется стѣною на внѣшнюю и внутреннюю. Къ странностямъ художника принадлежатъ по, что на обѣихъ сторонахъ стѣны представилъ шѣже самые предметы, только въ обратномъ видѣ, по

есць какъ бы писанные на прозрачной бумагѣ. Нельзя не заглядѣться на одно маленькое изображеніе Ангела, предсавленнаго въ каршинѣ по лѣвую сторону олпая виѣшней церкви. Эшо идеаль небснаго младенческа. Но изъ всѣхъ каршинъ Бернардина Лувини первое мѣсто занимаетъ Испызаніе Иисуса, привязаннаго къ столбу. Въ самомъ дѣлѣ, эшо есць сокровище въ родѣ фресковъ: Божество въ униженіи и въ униженіи — Божество!... Игнашій Фамагалли, секретарь Миланской академіи художествъ, срисовалъ всѣ эши фрески и помѣстилъ ихъ эшампы въ своемъ сочиненіи *О школѣ Леонарда да Винчи въ Ломбардіи*. Очень жалко, что большая часть любителей живописи не знаютъ даже и имени Бернардина Лувини, эшого соревиовашеля Леонардова, копорый, по словамъ Испаліянцевъ, часто соединялъ въ своихъ швореніяхъ прелеснь Корреджіа съ выразительностію и числошою рисовки Рафаэля.

Въ церкви *Св. Назарія* есць очень замѣчательные фрески *Бернардина Ланино* Верчельскаго, изображающіе мученіе *Св. Вар-*

вары. Въ сонмѣ зрипелей, окружающихъ героиню Христіанской вѣры, сочинитель предспавилъ своего учипеля, разговаривающимъ съ другимъ ученикомъ и посреди ихъ самаго себя вслушивающимся въ разговоръ. Въ верхнемъ планѣ являеися на облакѣ Господь Саваоетъ, окруженный Ангелами и Серафимами. Эпошъ высокій предметъ, называемый у Испаліянцевъ славою *gloria*, былъ повпоряемъ почти всѣми художниками; но Бернардинъ Ланино не хошълъ ни кому изъ нихъ подрашашъ, для того чшобъ сдѣлашся неподражаемымъ. Не смотря на безчисленность легіона Ангеловъ, группы ихъ всѣ разнообразны и лица нимало не похожи одно на другое. Они всѣ закрываюшся ошъ Того, на Копораго не смѣюшъ взирашъ, и всѣ въ разныхъ видахъ. Примѣшно, что сочинитель въ составленіи эпош части каршины старался показашъ все богатство своего генія, хотя уже и слишкомъ далеко увлекся его причудами, и особенно въ изображеніи положеній и сгибовъ шѣла (*gesso*), заботясь здѣсь, какъ кажется, болѣе о преодолѣніи трудностей, считааемыхъ непреодо-

мыми, нежели о соблюденіи требованій вкуса и важности предмета.

ОРИГИНАЛЬНЫЙ КАРТОНЪ АѢИНСКОЙ ШКОЛЫ, РАФАЕЛЯ.

Алгерсіанская библіотека, основанная въ началѣ семнадцатаго столѣтія кардиналомъ Фридерикомъ Борромеемъ, заключаетъ въ себѣ, кромѣ книгъ, богатое собраніе драгоценныхъ памятниковъ живописи и ваанія. Я не буду говорить ни о Іудейскихъ древностяхъ Іосифа Флавія, переведенныхъ на Латинскій языкъ Руфиномъ и писанныхъ на папирѣ; ни о Виргиліѣ, принадлежавшемъ Пешрарѣ, кошорый собственною рукою писалъ на поляхъ замѣчанія, имѣющія отношеніе къ его Лаурѣ. Не буду останавливаться

и передъ картинами Леонарда, Бернардина Лувини, Микель-Анджело, Алберша Дюрера, Андрея Дельсаршо и Тиціана. Онъ всѣ превосходны; но мысль моя занята однимъ только швореніемъ одного изъ величайшихъ геніевъ. Я хочу сказать нѣсколько словъ объ оригинальномъ картонѣ *Лувинской школы*.

Подлѣ великолѣпной аркады, на круглыхъ ступеняхъ лѣспиницы, спомнѣ основашель академіи *Платонъ* и преподаешъ изустно свою высокую философію. Два ряда учениковъ, его окружающихъ, въ глубокомъ безмолвіи ловящъ каждое его слово. Подлѣ нихъ, съ лѣвой стороны, юный *Альцибиадъ* слушаешъ со вниманіемъ *Сократа*, разсуждающаго о нравственности; красота и осанка оплечають будущаго героя опъ всѣхъ лицъ. На первомъ планѣ сидитъ *Пивагоръ*, пишешъ свою теорію музыки и объяснешъ ее одному изъ юношей, споящему за его плечами; между нѣмъ какъ одинъ изъ спарцевъ записываешъ съ шоропливостію его объясненія. Съ правой стороны вы видите *Геометра*, который, нагнувшись, черпашъ на песокъ. Эпо *Архимедъ*. Ученики его также наклон-

лись и боялся спустить глаза съ циркуля. Младшій изъ нихъ шнырелъ съ неперпѣниемъ черезъ прочихъ и какъ бы досадуешь, что они препяшшвуютъ ему сморѣшь. Позади ихъ стоятъ при царя въ вѣнцахъ,—вѣрояшно принадлежащіе къ семи мудрецамъ Греческимъ. Между тѣмъ на площади амфитеатра сидитъ особащійся *Диогенъ*; никто на него не сморитъ, и онъ никто не занимается.

Одному только всеобъемлющему гению Рафаеля возможно было въ эпохѣ огромномъ швореніи дать всему порядокъ, мѣру и вѣсь. Какія превосходныя группы! Какое почное выраженіе! Нѣтъ ни одного лица лишняго; всякое дѣйствуетъ и всякое имѣетъ собственннй характеръ. Всѣ философы учащъ; но способы ихъ ученія различны. Всѣ ученики слушающъ, но вниманіе каждаго оплачается особенными чертами. Однимъ словомъ: Рафаель—Гомеръ живописи.

Эпохѣ огромный рисунокъ, занимающій почти всю ширину залы, раждаетъ какія-то особенныя, неизъяснимыя впечатлѣнія. Я вижу въ немъ свѣжія мысли сочинителя,

первые воспорги вдохновенія, непосредствен-
ное изліяніе воспламененной души. Его не-
льзя называть неподражаемымъ; но ему могъ
подражать одинъ только Рафаель въ Ваши-
канскихъ галлерейхъ. Тамъ онъ былъ худож-
никомъ; здѣсь онъ поэтъ.

БРЕРА, 18 Августа.
30 Сентября.

Сегодня въ Брерѣ былъ поржеспивенный
актъ, въ которомъ читали годичный от-
четъ и раздавали награды молодымъ худож-
никамъ, въ присущствіи вице-короля и ви-
це-королевы. По окончаніи праздника, пол-
ны поспышпелей двинулись съ любопыт-
ствомъ, съ крипикой и съ равнодушіемъ
разбирашь первые опышы и новыя шворенія

художествъ. Число всѣхъ памятниковъ по часши живописи, ваинія и архитектурныхъ плановъ; "высшавленныхъ въ нынѣшнемъ году, просширается до 132; изъ нихъ особенное вниманіе заслуживающъ два слѣдующіе: 1) Мраморная статуя шандующей *Терпсихоры*, изваянная *Гаetanoмъ Монти*, Равенскимъ скульпшбромъ. Красота лица, положеніе плѣла и обвивающееся вокругъ спана плашье — превосходны. Она мила, какъ грація, и если позволено выразишь въ прозѣ словами нашего стихопворца, — легка, какъ пухъ изъ устъ Эола. 2) Каршина, предшавляющая *Усѣкновеніе главы Иоанна Предшети*. Иоаннъ въ оковахъ; одинъ изъ палачей схватилъ его за волосы; другой держишь факель, кошораго блескъ отражается на предшоящихъ; подлѣ нихъ женщина съ золошымъ блюдомъ. Дочь Иродова споишь покойно; одно шолько желаніе видѣшь опшченную голову изображается во взорѣ ея. Вдали видны спарикъ съ юношею, копорые разсуждающъ, какъ кажется, о невинности узника. Эша прекрасная каршина естъ швореніе *Иосифа Діотти*, профессора Бергамской академіи и

члена Миланской. Тайна искусства его скрывается въ томъ, что онъ умѣлъ предсавить, посредствомъ отраженія огня, тѣлныя лица совсѣмъ выходящими изъ полотна, а золотое блюдо вогнутымъ внутрь, подобно рельефу.

Въ Брерѣ сосредоточиваются всѣ высшія учрежденія и отрасли народнаго просвѣщенія; какъ то: инспиритивныя науки, академія изящныхъ художествъ, пинакошека или картинная галлерей, библіотека публичная, кабинетъ медалей, астрономическая обсерваторія, гимназія, ботаническій садъ, школы рисованія, живописи, гравированія, зодчества, ваянія, украшеній, перспективныя и анапоміи для живописцевъ. Изъ всѣхъ этихъ учрежденій самое достопримѣчательное — пинакошека. Въ сѣняхъ ея разсѣяны весьма любопытныя фрески Гауденція Феррари, ученика Леонардова, перенесенныя изъ монастырей и церквей уничтоженныхъ. Одни изъ нихъ опрѣзаны съ стѣнами, другіе искусно сняты со стѣнъ посредствомъ какого-то сосуда, изобрѣшеннаго Пармскимъ живописцемъ *Стефаномъ*

Баретци, кошорый наклеивалъ ихъ, по снятіи, на полошню или на дерево.

Всшупая во внушренность галлерей, вы вдругъ переноситесь въ міръ піишическій, населенный существами совершеннѣйшими. Идеады разныхъ вѣковъ и странъ,—все, что великіе гении могли вообразить прелесшнаго и высшаго, все обратилось въ вещественность; и всѣ вещественные образы получили дыханіе жизни.

При безчисленномъ множествѣ разнообразныхъ предметовъ, не знаешь на чемъ остановишься; но остановишься невольно передъ слѣпымъ старцемъ *Тиціана*, передъ Авраамомъ и Агарью *Гвертина* и передъ Пешромъ и Павломъ Апостолами, *Гвидо Рени*. Они шакъ живы, что головы сойши со стѣнъ. Остановишься невольно и передъ прелеспнымъ хороводомъ игривыхъ амуровъ, кошорые, схватившись ручонками, кружатся посреди луга. Сама грація водила кистию *Альбана*, когда онъ писалъ эпосъ Анакреоншическій танецъ. *Джулио Романо* сотворилъ другое чудо. Маленькой его Ангелъ, держащій въ рукахъ свисокъ съ словами:

Gloria in excelsis (Слава въ вышнихъ Богу), весь упоень воспоргомъ; пламенные глаза его подняты въ верхъ, полуоткрытыя уста его движущия. Кажешся, слышишь жебесную его мелодію и неизрѣченное славословіе.

Бракъ свъ Каннѣ, Павла Веронеза, превосходень; но *Тайная Вечеря* его, при всѣхъ совершенствахъ искусства болѣе похожа на шумное пиршество, нежели на духовное и великое дѣйствіе вѣры. Сполъ охватяетъ различными яспвами; вокругъ сполы лица прислуживающія; и, по безразсудной причудливости художника, подъ споломъ дерущая собака съ кошкою. Эпик живописныя можно назвашь принадлежноспію картинъ Веронезовыхъ; онъ предспавлялъ ихъ кспаша и не кспаша; попому чпо умѣлъ предспавлять какъ то, шакъ и другое въ совершенствѣ.

Въ здѣшней галлерей еспь шакже очень занимательное собраніе древнихъ картинъ, съ золотымъ полемъ, съ вѣнцами, съ окладами и другими принадлежноспями Греческаго вкуса. Изъ нихъ доспойны особеннаго примѣчанія образа *Карла Кривелли*, какъ памяш-

ники возрожденія живописи. Кромѣ правильной рисовки, они уже опличаются характерами и выразишельноспію; но вѣнцы, кадила и подсвѣчники сдѣланы изъ серебра и вѣзаны въ нихъ, въ видѣ рельефовъ. Карпина, предспавляющая разныхъ лица изъ дому герцога Урбинскаго, заслуживаетъ вниманіе какъ по совершенствамъ своимъ, такъ и по тому, что сочинитель ея *Фра Карневале* почищается однимъ изъ учителей Рафаелевыхъ.

Какое поржеспво искусствва! Одинъ маленькой рисункъ, начертанный простымъ перомъ, собираетъ вокругъ себя толпы зрителей. Это фавны, спрѣляющіе въ дѣль, въ разныхъ положеніяхъ, съ напаянушими луками, съ сильнымъ напряженіемъ нервовъ и съ глазами, успремленными на одну шочку. Подъ ними спощтъ имя *Буаноропли*; но къ чести, можешъ быть, Буаноропли, академія вриписываетъ ихъ Рафаелю.

БРЕРСКІЙ АЛМАЗЪ.

„Вопшь мой перлъ!“ воскликнулъ Испанскій король, Филиппъ IV, когда принесли ему въ первый разъ одно швореніе Рафаелево, представляющее Божию Машеръ съ Імусомъ младенцемъ. Эта картина съ того времени получила названіе *перловой* и до сихъ поръ извѣстна въ испоріи живописи подъ этимъ именемъ. Въ числѣ сокровищъ Брерской академіи есть также одинъ алмазь, который дороже горсти самоцвѣтныхъ камней Бразильскихъ.

Украшенный сѣдинами первосвященникъ, облаченный въ богашую ушваръ, совершаетъ духовное *Обрученіе Маріи съ Іосифомъ*. Святая Дѣва съ робостію подаетъ ему правую руку; позади ея споятъ нѣсколько женъ и дѣвъ; всѣ онѣ смотрятъ на дѣйствіе священнаго обряда съ глубокимъ вниманіемъ, кромѣ

одной, которая оглянулась из любопытства на приблизившагося къ ней зритель. По лѣвую сторону первосвященника стоялъ Иосифъ; онъ держишь въ рукѣ перспень, и также окруженъ нѣсколькими мужчинами и юношами. За ними простирается обширная площадь, на которой разсѣяны въ разныхъ мѣстахъ небольшія группы, изъ четырехъ, изъ трехъ и двухъ лицъ состоящія. Въ концѣ площади возвышается великолѣпный храмъ, похожій на пантеонъ; на фронзонѣ его видна надпись: „Rafael Urbinus fecit.“

Къ этимъ словамъ надобно только прибавишь извѣстное оглашеніе жрецовъ Римскихъ: „Procul, o procul este, profani! Удались непосвященные; а вы причастные великимъ таинствамъ природы, искусства и вкуса, безмолствуйте и благоговѣйте; fave-te linguis.“

Опъ чего мы не въ состояніи выражаешь словомъ всѣхъ внутреннихъ нашихъ движеній? Случалось ли вамъ послѣ добраго дѣла, сдѣланнаго для облегченія участи ближняго, внимаешь втайнѣ голосу одобряющей совѣсти? Случалось ли также, послѣ гром-

дой музыки, волнующей кровь и пробуждающей спящих,—войши въ храмъ Божій и въ глубокой тишинѣ услышите Ангельскую мелодію дѣшею, въ славу Всевышняго? Вошь что чувствуете передъ этимъ безцѣннымъ швореніемъ, представляющимъ обрученіе Св. Дѣвы Маріи съ Іосифомъ. Вниманіе, упомленное разнообразіемъ предметовъ, пробуждается здѣсь опъ разсѣянности; воображеніе начинается мечтатель; сердце находитъ для себя вдохновеніе; и всѣ силы умственной расширяются какъ бы въ высшей, одними только мнѣ свойственной сферѣ.

Не нужно вамъ разгадывать мыслей художника; онъ всѣ передъ вами. Дѣйствіе ясно и опредѣленно; лицъ не болѣе и не менѣе, какъ сколько нужно для дѣйствія. Каждое изъ нихъ стоитъ на своемъ мѣстѣ, и думаетъ только о томъ, о чемъ должно думать. Ни одно не имѣетъ ни выисканнаго чувства, ни шаблоннаго положенія. Рафаэль во всемъ проситъ; онъ знаетъ, что высокіе характеры и истинныя прелести могутъ быть только въ соединеніи съ простотою. Посмотрите на сего первосвященника, укра-

шеннаго долгопою дней и сѣдинами. Это не грозный органъ воли Олимпійскихъ боговъ; онъ пришелъ сюда не съ страхомъ, а съ опкровеніемъ небесной благоспи. Какъ шамншвеннику судебъ Божіихъ, ему не нужно возвѣщанъ о важности своего сана громами. Наконецъ, если еспъ на землѣ совершеннѣйшій образецъ небесныхъ прелестей; шо онъ опкрываешся намъ въ божешвенномъ лицѣ Маріи, въ кошоромъ сливаюцца всѣ добродѣтели, украшающія дѣвство, и всѣ доблести, свойшвенныя Ангеламъ. О какъ восхишительно это шайное бореніе робоспи съ надеждою, смиренія съ вѣрою и недоумѣнія съ покорностію Промыслу!

Въ числѣ юношей, сопровождающихъ Іосифа, Рафаель изобразилъ самаго себя ломающимъ посохъ. Миѣ важешся, эшннѣ аллегорическимъ дѣйствіемъ онъ хотѣлъ выразишь собшвенный воспоргъ передъ своимъ идеаломъ; и въ шожее время научилъ дерзновеннаго художника, чшобы онъ не смѣлъ подражанъ неподражаемому шворенію и изломалъ свою кисть при его подножіи.

ПРИДВОРНЫЙ НАПОЛЕОНОВЪ ЖИВО- ПИСЕЦЪ АППИАНИ.

Пока не видалъ я твореній Аппіани, я не могъ равнодушно сравнивать новыхъ Испанскихъ школъ со старыми. Мнѣ казалось, что золотой вѣкъ живописи уже прошелъ; и что этому благороднѣйшему искусству суждено уже приходиться со дня на день въ уничтоженіе. *Аппіани* опиялъ поношеніе своего вѣка; Аппіани есть художникъ царскій, и галлерей картинъ его — дворець.

Пять залъ, украшенныхъ его фресками, сдѣлались предметомъ общаго любопытства. Въ одной изъ нихъ онъ представилъ на потолокъ, въ видѣ медали, Минерву, подающую Исторіи щипъ Ахиллесовъ;

по споронамъ чешыре часпи земнаго шара съ ихъ принадлежноспями, а надъ дверями День, Ночь и чешыре спихи. На сводахъ круглой залы изображень Гименей, дарующій миръ Землѣ; а на спѣнахъ кабинеша множе-ство другихъ испорическихъ аллегорій, пи-санныхъ одноцѣпною краскою. Самая до-спонримѣчательная зала естѣ Юпишера-ва, которой пополокъ украшенъ велико-лѣпнымъ медальономъ, а фризы превосходны-ми барельефами. Опець боговъ окружень символами его величія; съ одной спороны сповишь передъ нимъ Правосудіе съ мечемъ и вѣсами; съ другой Миръ, съ оливною вѣль-вію въ рукѣ, ведеть къ нему Науки и Ис-кусства. Чешыре крылатыя Побѣды дер-жатъ пронъ громовержца; между тѣмъ какъ вокругъ его пляшуть дѣши времени, горы или часы. Смотри на эту превосходную кар-тину, не знаешь, чему ошдашь преимуще-ство: богашеству ли мыслей художника, вол-шебной ли рисовкѣ его, или блеску и роско-ши красокъ. Все совершенно; но, къ сожа-лѣнію, эшотъ Юпишерь не Юпишерь, а На-полеонъ, увѣнчанный желѣзною короною.

Пополокъ большой залы, назначенный для придворныхъ праздниковъ, раздѣляется на восемь медальоновъ; изъ нихъ чешыре кончены, а другіе чешыре осшающся до сихъ поръ не начашыми.

„Я видѣль шебя, возносящагося подобно кедру Ливанскому; шы хошѣль посшавишь пресполь свой на облакахъ; смершныи думали, что шы богъ, правящій землею и повелѣвающій спихіямъ; но Всевышній рекъ—и шы преврашился въ прахъ.“ Вопшь какаиа первая мысль занимала меня, когда изъ пышныхъ чершоговъ свели меня въ шемный подвалъ и показали миѣ пронъ Наполеоновъ, покрышый пылью. Какои спращный урокъ для гордыхъ чесполобцевъ! Эшо пронъ шого Навуходносора, кошораго побѣды несли къ небу и вдругъ бросили съ облаковъ на землю.

Въ эпомъ же шемномъ подвалѣ разбросаны въ безпорядкѣ памяшники Наполеонова величія, разныи шворенія великихъ художниковъ. Здѣсь спомишь каршина *Давидова*, представляющая переходъ Наполеона чрезъ Сеншь-Бернарь. Конь вьелся подъ всадникомъ, ко-

шорого правая рука простерта впередъ, а лѣвая закрыта маншію багрянаго или огненнаго цвѣта. Складки маншіи, закинутаго на плечо и развѣваемой въпрямь, превосходны. Здѣсь же споятъ чепыре Наполеоновы бюста, дѣланные *Кановою*. Одинъ изъ нихъ колоссальной величины, — съ головою изъ бѣлаго мрамора и съ погою изъ мрамора дикаго; другой представляеть Наполеона въ курткѣ и въ рубашкѣ съ воротничкомъ. Подражаніе мѣху и сгибамъ всего плащя разительны.

Здѣсь встрѣчается намъ опять Аппіани. Наполеонъ, по видимому, избралъ его своимъ Апеллесомъ, такъ какъ Канову своимъ Праксигелемъ. Картины его, представляющія победы при Маренго, походъ въ Египетъ, сраженіе при Лоди и множество другихъ подвиговъ, писаны всѣ одноцвѣтною дикою краскою въ родѣ барельефовъ, и назначены были для украшенія внутреннихъ карнизовъ большой залы.

Нельзя смотрѣть безъ удивленія на произведенія кисти эпаго художника. Всѣ почти живописцы обыкновенно спавятъ свои картины въ какомъ нибудь одномъ опредѣ-

ленномъ мѣспѣ и освѣщающъ ихъ, такъ ска-
зашъ, однимъ фокусомъ лучей. Аппіани на-
прошивъ того нашелъ пайну писанъ свои
пворенія почти для всѣхъ почекъ зрѣнія.
Гдѣ бы вы ни спояли, опъскуду видѣше
передъ собою превосходные барельефы, и ва-
шему чичероне шрудно разочаровашъ въ об-
манѣ и увѣришъ, что эши выпуклыя фигу-
ры не что иное, какъ одна игра волшебной
кисши живописца. Кромѣ барельефной живо-
писи, Аппіани опличился также въ истори-
ческой и въ аллегорической. Въ аллегоріяхъ
его видны богатство воображенія, игра
ошпроумія и разборчивость вкуса; онѣ всѣ
ясны, новы и благородны, хотя очень часто
подъ прозрачнымъ ихъ покрываломъ шаяшся
лешъ и припворство. Эшо жержва, прине-
сенная имъ духу времени, и пому правитель-
ству, кошорому онѣ служилъ; въ шо время
была общая мода художниковъ предшавляшъ
одного и того же идола съ различными пу-
ловищами; такъ что въ одномъ Миланѣ мо-
жно найши множество безобразныхъ Апол-
лоновъ и безбородыхъ Юпитеровъ, Марсовъ
и Геркулесовъ.

По странному спеченію обстоятелствъ,
въ самое то время, когда побѣды уже оспа-
вляли Наполеона, кончилъ и его Апеллесъ
свое блистательное поприще. Въ 1813 году
незапный апоплексическій ударъ лишилъ
Апсіани употребленія руки и разсудка;
а въ 1817 году смерть покинула его
у Аполлона и музъ, которыхъ онъ шакъ
прекрасно изобразилъ на плафонѣ одной
Брерской залы.

БРЕСЦІЯ, 20 Августа.
1 Сентября.

Вновь открытый Римскій храмъ. Рѣшеніе вопросовъ, когда онъ построенъ, кому посвященъ и по какому случаю засыпанъ въ землю. Произведенія Рафаэля и Кановы въ домѣ графа Пауло Този.

По прибытіи въ Бресцію, я немедленно отправился осмотрѣть храмъ Геркулесовъ, открытый въ прошломъ году, подлѣ города, при подошвѣ одного пригорья. До сихъ поръ вырытъ изъ земли одинъ только фасадъ его съ десятию дорожчатыми колоннами изъ бѣлаго мрамора. Четыре, изъ нихъ, выдавшіяся впередъ, вѣроятно служили украшеніемъ главныхъ входовъ и составляли переднюю линію перистиля; прочія шесть сползъ по бокамъ, по есць при по правую сторону и при по лѣвую.

Эта новая древность или древняя новизна будешь, безъ сомнѣнія, предметомъ многихъ разсужденій и споровъ для антикваріевъ; но самый важный прудъ, мнѣ кажется, предлежитъ имъ въ рѣшеніи прехъ слѣдующихъ вопросовъ: 1) когда сей храмъ построень? 2) Геркулесовъ ли эшо храмъ? и 3) когда и по какому случаю онъ засыпанъ землею?—На первые два вопроса оповѣчаютъ прудно по недоспапкѣ историческихъ доводовъ; и хотя благородный спилъ колоннъ доказываетъ, что онѣ принадлежатъ лучшему времени Римскаго вадчества, слѣдовательно первому или второму вѣку нашего лѣтосчисленія; но Ливій и Плиній, упоминая о Бресчѣ, ничего не говорятъ о Геркулесовомъ храмѣ (*); прочіе писатели Римскіе своимъ молчаніемъ также опавляютъ насъ въ недоумѣніи. И пакъ, мнѣ кажется, нѣтъ другой причины почипанъ сей храмъ Геркулесовымъ, какъ развѣ только по тому, что Геркулесъ былъ въ особенномъ почтеніи во всей Галліи Цизалпинской.

(*) *Nuc post colonia est deducta a Romanis. Plin. III. 19.*

Рѣшеніе прешняго и послѣдняго вопроса также соединено съ запрудненіями. Можно было бы предполагать, что сей храмъ заваленъ опорвавшимся опъ горы ушесомъ; но гора находимся опъ него на значительномъ разстояніи и припомъ не довольно высокая. Какъ бы ни было, нельзя не признашь здѣсь слѣдовъ какого — то страшнаго и чрезвычайнаго разрушенія. Любопытство-заспавило меня опарышь лѣтописи среднихъ вѣковъ, и я нашелъ въ нихъ поясненіе, хотя и не совсѣмъ ясное. Въ одной изъ нихъ сказано, что въ цвѣтущія времена Венеціи, Бресціа почипалась оплошомъ и палладіумомъ этой республики; что городъ сей служилъ обыкновенно магазиномъ оружій и прочихъ снарядовъ военныхъ, и что незапный взрывъ пороха, хранившагося въ башнѣ и зажженнаго молніею, разрушилъ крѣпость и большую часть смежныхъ съ нею зданій (*). За симъ приелюченіемъ слѣ-

(*) Et collapsa fragmentis in multa spatia dissipatis cum magna vicinarum aedium strage concidit. Pier. Valerian. de fulmin. signif.

довало другое съ новыми и еще большими ужасами. Надъ городомъ разразилась огненная, громовая плуча; упавшая молнія прошла огнь одного конца его до другаго, ударила въ прешоріанскій домъ и во многіе другіе, распаяла замки и прочія неметаллическія издѣлія, распояла колоколь, висѣвшій на башнѣ, и промавела повсюду разрушеніе (*). Пораженный страхомъ народъ видѣлъ въ сихъ знаменіяхъ предпечей вѣщшихъ золь; „и не обманулся“ прибавляетъ лѣтописецъ: „ибо вскорѣ послѣ того многіе монархи сославили общій и сильный заговоръ противъ Венеціанской республики.“ — Нельзя ли предполагать, что во время одного изъ эпихъ разрушеній погребенъ былъ подъ развалинами и храмъ Геркулесовъ, обращенный, можетъ быть, издавна или въ церковь или въ прешоріанскій домъ?—Но самый непонятный и шрудный для рѣшенія вопросъ, по моему мнѣнію, есть слѣдующій: огнь чего эпо огромное

(*) Eodem fere tempore fulmen per mediam civitatem pervagatum, praetoriano palatio plerisque locis tacto etc....
Idem ibidem.

зданіе до сихъ поръ оставалось въ неизвѣстности, между шѣмъ какъ оно покрыто было только двумя или тремя аршинами земли и окружено съ двухъ сторонъ домами, которые споятъ, по видимому, еще ниже его основанія?— Мой чичероне далъ описаніе мнѣ короткій и ясный: „Опъ того что прежде надъ этимъ храмомъ былъ одинъ только виноградникъ, а въ прошломъ году хотѣли спромъ пущъ домъ.“

Изъ новыхъ зданій достопримѣчательнъ здѣсь шеапръ, богато украшенный какъ внутри, такъ и снаружи, и судебная палата съ Готическими окнами и съ Греческими колоннами. Фасадъ собора плъняетъ благородствомъ и поражаетъ величіемъ. Внутри показываютъ здѣсь крестъ, сдѣланный изъ прозрачной маперіи; народъ имѣетъ къ нему особенное благоговѣніе. Въ домъ графа Пауло Този я видѣлъ превосходное швореніе Рафаеля, представляющее Спасителя съ прободеннымъ ребромъ и съ мзъявленными руками. Тутъ же находилъ *бюстъ* *Елеоноры*, герцогини Эстской, рабочий *Кановой* изъ блестящаго Карарскаго мрамора.

Формарина Рафаелева, накрывая небрежно тонкимъ и прозрачнымъ покрываломъ, нарядилась такъ нарочно, кажется, для того, чтобы воспламенить кисть своего художника.

В Е Р О Н А, 21 Августа.
2 Сентября.

Огромный древний амфитеатръ. Споръ съ немъ антиквариевъ, — образчикъ полемики среднихъ вѣковъ. Римскія ворота и мостъ, строенные Витрувиемъ. Примѣчательныя новыя здания. Палацъ Веронезъ. Древности въ Веронеттѣ.

Я виноватъ передъ антикваріями. До сихъ поръ я видѣлъ въ Швейцаріи и во Франціи одни только оспашки Римскихъ башенъ, водопроводовъ, ворошъ, колоннъ и камней съ Лашинскими надписями. Всѣ эти

памятники занимательны только по тому, что они пережили две тысячи лет; но в них не видно ни малейших следов преимуществу древнего здешняго передъ новымъ. Я уже начиналъ подозрѣвать ученыхъ въ излишнемъ ихъ приспращеніи къ древнимъ; но, увидѣвъ Амфитеатръ Веронскій, спѣшу торжественно просить у нихъ извиненія въ словѣ, въ дѣлѣ, въ помышленіи и невѣдѣніи.

Эпошъ величественный памятникъ древности стоить на обширной площади, подлѣ города. Наружность его ничего уже болѣе не представляетъ, кромѣ высокихъ стѣнъ, похожихъ на крѣпость,—нѣсколькихъ колоннъ, оставшихся отъ портика, шести воротъ со стороны фасада, и шести съ противоположной стороны, еще украшенныхъ съ ихъ галлерейми и фронтонами. Когда вошелъ я во внутренность; я пробылъ нѣсколько минутъ въ изумленіи. Это не Египетская пирамида, удивляющая одною массою; но огромное зданіе, поражающее величіемъ характера и изящностію вкуса.

Амфишешрь, по опредѣленію антиквари-евъ, соспавляется изъ двухъ шешровъ; ш. е. древнихъ, а не новыхъ. Опредѣленіе это спановишся очень яснымъ, когда смощришь на внушреннее спроеніе зданія. Вокругъ овальной площади или арены подниающся во всѣ спороны сорокъ двѣ спупени или лавки изъ бѣлаго мрамора. Между ними высѣчено осмнадцать лѣспницъ; каждая изъ нихъ имѣеть по двѣ двери; и въ каждомъ промежуткѣ, ошдѣляющемъ одну лѣспницу отъ другой, находишся пакже по двѣ двери. По спрогимъ исчисленіямъ видно, что всѣхъ зришелей можешь помѣспишсь на лавкахъ 23,484. Самая длинная ось арены имѣеть 33 саж. 2 фуша, а самая короткая 19 саж. 3 фуша. Во виѣшней окружности считаешся 190 сажень; въ самомъ большемъ поперешикѣ 66 саж., а въ самомъ маломъ 52 саж. Между виѣшними спѣнами и внушрениими лавками идушь кругомъ закрышья галереи, освѣщаемыя однѣми шолько дверями со спороны арены и пересѣкаемыя при восшочныхъ ворошахъ шесшью порши-

нами, ведущими въ арену и шестью другими со стороны противоположной.

Теперь обратимся опять къ антиквариатамъ. *Тореллѣ Сараша* полагаешь, что эпиграфъ амфитеатръ построенъ еще прежде Августа, или по крайней мѣрѣ въ его царствованіе. Вошь его доказательства. На многихъ камняхъ сего аданія находишся изображеніе вола, который былъ символомъ Августа. Въ Веронѣ найденъ еще одинъ камень съ надписью: *Octaviae C. F. Sorori carissimae*; а Октавія, какъ извѣстно, была сестра Августа. Припомъ же Августъ, по свидѣтельству Свептонія, основалъ въ Италіи до тридцати колоній; а потому и можно думать, что въ томъ числѣ была и Верона. Нѣкто *Липсіѣ* не нашелъ основательнымъ ни одного изъ сихъ доводовъ, предложивъ противъ нихъ слѣдующія опроверженія: „Ты, который такъ доказываешь! Кто сказалъ тебѣ, что эпиграфъ амфитеатръ построенъ Августомъ, когда въ его время не было еще каменныхъ амфитеатровъ и въ самомъ Римѣ, оцѣ городовъ Италіянскихъ? Кто сказалъ тебѣ, что голова волова была символомъ одного

Августа, когда и прочіе императоры изображали ее на своихъ медаляхъ и монетахъ? Наконецъ кто сказалъ тебѣ, что Октавія, о которой здѣсь упоминается, была сестра Августа, а не другая? Нѣтъ, восклицаетъ онъ, съ гордосцію; если ты того хочешь; но тебѣ надлежало бы играть на другой дудкѣ: *opus est tibi alio tibicine.*“ Эта другая дудка — какой-то Киріакъ Антонианъ, который упоминаетъ о какомъ-то лабиринтѣ, посвященномъ въ тридцатое лѣто въ царствованіе Августа. Коснувшись съ поразительностію сего писателя, опрыскаго въ пылу архивъ, нашъ Липсій заключаетъ тѣмъ, что все это неправда, ложь и бредни. А какъ другой антикварій, по имени *Сигоній*, хотѣлъ приписать сооруженіе Веронскаго амфитеатра Максиміану, доказывая тѣмъ, что сей императоръ построилъ амфитеатры во многихъ сосѣдственныхъ городахъ, какъ то въ Миланѣ, Авилѣ, Бресчій и прочихъ; но Липсій опять вышелъ на арену съ обоюдоспрямъ своимъ орудіемъ. „Нѣтъ, говоритъ онъ, неправда; Плиній въ одномъ письмѣ своемъ (VI. 34. 1) упоминаетъ, что

въ его время очень часто уже были пред-
спавляемы въ Веронѣ зрѣлища гладіаторовъ
и дикихъ звѣрей. Въ царствованіе Оттона и
Вителлія также существовали великолѣп-
ные амфитеатры въ Піаченцѣ и во многихъ
сосѣдственныхъ городахъ; почему же не пред-
полагаемъ, что въ то время былъ амфитеа-
тръ и въ Веронѣ? И такъ Липсію одному
говоришь, что амфитеатръ Веронской по-
строены гораздо послѣ Августа; другому
даемъ знать, что эпитомъ памятникъ суще-
ствовалъ еще гораздо прежде Плинія, жив-
шаго почти въ одно время съ Августомъ.
Однимъ словомъ: если вы назовете вещь бѣ-
лою, то Липсію скажете вамъ, что она чер-
на; если же будете выдавать ее за черную,
то Липсію докажете, что она бѣла. Я на-
рочно привелъ здѣсь полемическій опрывокъ
Липсію для образчика нынѣшней критикѣ,
также любящей брань и насмѣшки. Да и
гдѣ же искать ей образцевъ и примѣровъ,
какъ не въ среднихъ вѣкахъ, отъ которыхъ
она получила происхожденіе, вмѣстѣ съ бли-
спашательными дуелями?

Между памятниками древности въ Веронѣ, достоинъ еще особеннаго примѣчанія одинъ *Римскій мостъ*, котораго поспроеніе приписываютъ *Витрувію*. Главная арка его, протягающаяся въ видѣ распуценнаго лука, имѣетъ $1\frac{1}{2}$ фуза длины. Нельзя смотрѣть безъ содроганія на эти громады камней, повѣшенные рукою художника на воздухъ и надъ кипящею бездною разъяреннаго Эча. Кромѣ того есть здѣсь шоржественныя ворота, сооруженныя въ царствованіе Императора Галліена, въ 252 году; а *ворота Витрувіевы*, воздвигнутыя сими знаменитымъ зодчіемъ въ честь дома Гавіева, въ прошломъ году сломаны, по повелѣнію иривительсшва, для того, чшобы ошкрыть видъ въ улицу Корсо.

Верона занимаетъ первое мѣсто между шпороспешенными городами Италіи. Она заключаетъ въ себѣ около пятидесяти тысячъ жителей и раздѣляется Эчемъ на двѣ части, изъ которыхъ одна называется собственно Верою, другая Веронешшою. *Санмикели*, *Сансовино*, *Палладіо* и *Пеллегрини* украсили какъ шу, такъ и другую велико-

лѣнными зданіями. Палата де ла Гранд-гвардія, въ которой жилъ Государь Императоръ во время Веронскаго конгресса, споминъ на берегу рѣки и окружена прелестными видами. Домъ князя Меллперника, сдѣлался предметомъ любопытства путешественниковъ по тому только, что въ немъ были собранія министровъ и рѣшалась судьба Европы. Домъ маркиза Маффеи, авторъ известной книги: *Verona illustrata*, имѣеть очень хорошій фасадъ и очень странныя украшенія. Надъ прѣшнимъ эшажемъ разславлены въ рядъ фамилные гербы съ штылами и съ молотками; и между каждымъ двумя гербами одинъ и шощъ же Латинской девизъ: *Utinam constans!* Въ Веронѣ также, какъ и въ Тиролѣ, встрѣчается много домовъ, украшенныхъ снаружи живописью.

Павелъ Калліари Веронезъ вѣроятно знаеть хорошо пословицу, что въ своемъ опечесствѣ не бывають пророками. Онъ очень мало осмывилъ здѣсь произведеній своей кисти; но между немногими достойна особеннаго примѣчанія въ соборѣ дванадесяти Апостоловъ картина, представляющая ужинъ или вечерю Св. Гри-

горя папы. По сторонамъ сидятъ разныхъ орденовъ монахи; а между папою и кардиналомъ Иисусъ Христосъ съ надписью: „миръ вамъ! Pax Domini sit vobiscum!“

Павелъ Веронезъ былъ сынъ ваятеля; въ церкви Св. Анастасіи есть очень хорошая спашуя или каріапида, сдѣланная опцемъ его изъ бѣлаго мрамора.

Въ Веронезѣ есть довольно любопытныя развалины одного древняго замка. Нѣкошорые изъ аншикваріевъ думали, что здѣсь былъ капишолій, построенный по образцу Римскаго; другіе полагають, что это османди навмахи.

Сценою любовныхъ приключеній Ромео и Джуліо, какъ извѣстно, была Верона; а пошому показывають еще до сихъ поръ въ одномъ здѣшнемъ саду мнимый саркофагъ несчастной любовницы.

ВИЦЕНЦА, $\frac{22}{3}$ Августа.
3 Сентября.

ОПИСАНІЕ ОЛИМПІЙСКАГО ТЕАТРА, СООРУЖЕННАГО ЗНАМЕНЫТЫМЪ
ПАЛЛАДИЕМЪ, ПО ОБРАЗЦУ ДРЕВНИХЪ ТЕАТРОВЪ.

Съ лѣвой стороны улицы, на углу большой площади стоитъ маленькій домикъ, сажени въ три ширины и сажень въ шесть высоты. Пріятная наружность его, украшенная двумя колоннами, носитъ на себѣ печать мясцаго вкуса и какого-то оптимичнаго характера. Это домъ не вельможи и не проспаго гражданина, но, по всему вѣроянію, какого нибудь художника, — безъ сомнѣнія, зодчаго, и можетъ быть самаго *Палладіа*. Мы угадали. Въ этой проспой хранилъ жилъ высокій геній его; здѣсь сошворены имъ многіе планы превосходныхъ

зданій; здѣсь возродилось древнее зодчество Греческое и Римское.

Андрей Палладіо, знаменитый Виченцкій зодчій, въ собственномъ смыслѣ можетъ быть названъ краскою своего опечесива, которое онъ обогатилъ изящными зданіями почти во всѣхъ возможныхъ родахъ. Я не буду говорить здѣсь ни о рондондѣ маркиза Капры, заключающей въ себѣ болѣе тридцати комнатъ, ни о поржесивенныхъ воропахъ, ведущихъ въ монастырь Горней Мадонны, ни о великолѣпномъ поршикѣ, проспекирующемся вдоль горы на цѣлую Ипаліанскую милю или на 1 вершину и 166 сажень и соспоящемъ изъ снанидесяти арокъ. На сей разъ я желалъ бы снпаниовишь вниманіе любителей изящнаго зодчесива и древносней на одномъ *театрѣ Олимпійсколиб*; но прежде нежели присиужду къ описанію этого памятника, единсивеннаго въ своемъ родѣ во времена новѣйшія, почишаю нелишнимъ замѣшнись, что было поводомъ къ его сооруженію.

Въ 1555 году основалась въ Виченцѣ Олимпійская академія или общесивно лшпе-

ранторовъ и любительнѣй женщинъ художествъ. Имѣя цѣлю распространеніе хорошаго вкуса въ словесности и во всѣхъ искусствахъ, она старалась собрать всѣ нужныя для того пособія, и между прочими книги, каршины, машинки, моделк. Труды ея скоро сдѣлались извѣстны ученому свѣту; слава ея со дня на день распространялась; и черезъ нѣсколько лѣтъ вслухили уже въ нее членами знаменитѣйшія того времени особы, какъ то: папа Урбанъ VII, владѣтельные князья изъ фамиліи Гонзаго, Эстоувъ и Каррары, посланники Французскій и Испанскій, большая часть кардиналовъ и множество иносѣражныхъ ученыхъ. Сверхъ прочихъ своихъ занятій, академія рѣшилась предсавлять италіанскія драматическія сочиненія; Палладіо построилъ въ залѣ публичной палаты подвижной театръ, въ которомъ и была играна съ оплачною пышностію трагедія Тристинова: *Софонисба*. Но знаменитая академія, не имѣя постоянной залы для своихъ собраній и наскучивъ блуждать съ театромъ изъ одного мѣста въ другое, купила наконецъ въ городѣ землю,

и Палладію, какъ члену своему, поручила постройши на ней приличной домъ съ театромъ. Палладію, пользуясь случаемъ, принялъ намѣреніе соорудити шакой памятникъ, кошорымъ бы можно было заслужити себѣ знаменипость. Онъ составилъ планъ по образцу Римскихъ театровъ, описанныхъ Витрувіемъ, и въ 1580 году уже положилъ ему основаніе, какъ вдругъ похищенъ былъ смершію съ близнашельнаго поприща своихъ предиріятій. Олимпійская академія, оплакавъ пошерю великаго мужа, передала постройеніе театра сыну его, Силъ Палладію, доспойному наслѣднику искусства и талантовъ отца своего. Театръ былъ окончанъ по первому плану, и въ 1584 году открытъ великолѣпнымъ представленіемъ Софоклова Эдина, переведеннаго кавалеромъ Орсатомъ Джюспиніаномъ.

Олимпійскій театръ, подобно древнимъ, раздѣлялся на собственно шакъ называемый *театръ*, на *оркестръ* и на *сцену*. Первый не что иное естъ, какъ половина амфитеатра или ошѣченное отъ него полукружіе, назначенное для зрителей и состоящее изъ

лавокъ, которыя поднимаются одиѣ надъ другими въ видѣ ступеней. Надъ верхнею лавкою во всю дугу полукружія протягивается портикъ, состоящій изъ тринадцати колоннъ Коринтскаго ордена. Весь эполтъ портикъ служитъ опорой длинному, полукруглому балкону, огороженному перилами и украшенному двадцатью восьмью статуями. За балкономъ, подъ самымъ пошолкомъ, находится рядъ оконъ, которыми освѣщается внутренность зданія. *Оркестръ* есть часть арены, лежащая при подножіи лавокъ и имѣющая видъ лука, натянушаго пешивую. Онъ назначенъ здѣсь не для имовъ и шанцовщиковъ, какъ у Грековъ, и не для почешныхъ чиновъ, какъ у Римлянъ, но для однихъ только музыканшовъ. Сцена состоитъ изъ предсѣнія или квадратной площади, продолжающейся въ ширину (*proscenium*), и изъ неподвижныхъ декорацій, представляющихъ фасадъ различныхъ зданій. Съ правой и лѣвой стороны площади находящаяся двое вороштъ, за которыми видны галлерей, расположенныя по перспективѣ въ видѣ улицъ и служащія входомъ и выходомъ для артистелей.

Фасадъ сцены за площадью естъ образчикъ великолѣпной, роскошной архитектуры. Надъ главными воротами, предспавленными въ видѣ поржесшвенной арки, начерпана слѣдующая надпись: *Virtuti ac genio Olympiorum Academia theatrum hoc a fundamentis erexit anno MDLXXXIII. Palladio Archit.* То естъ: доблести и генію посвятила Олимпійская академія сей шеашръ, сооруженный въ 1584 году архитекторомъ Палладіемъ.

Сцена, построенная по древнему обыкновению неподвижною, предспавляетъ видъ города съ храмами, палатами и домами. Она состоитъ изъ семи улицъ, изъ которыхъ три сходящяся подъ аркою, двѣ выходящя изъ двухъ прочихъ воротъ фасада и двѣ, какъ замѣчено выше, изъ боковыхъ галлерей, служащихъ входомъ и выходомъ для зрителей. Три первыя, подобно премо лучамъ или радіусамъ круга, имѣють центромъ своимъ среднюю точку подъ поржесшвенною аркою или главными воротами; четвере прочія сосредоточиваюцца на срединѣ линіи, отдѣляющей площадь отъ оркестра. Этомъ образомъ построения даетъ возможность видѣть со

всѣхъ мѣстъ по нѣсколькѣ улицъ, а съ лавокъ, занимающихъ средину театра, всѣ семь по крайней мѣрѣ до половины. Всѣ онѣ расположены архипекшоромъ Виченциемъ Скамоцциемъ, по самой строгой перспективѣ: именно улицы, по мѣрѣ удаленія, суживаются, помосты поднимаются, а здания, сделанные изъ деревянныхъ раскрашенныхъ барельефовъ, постепенно спланируются ниже и меньше. Классическія сцены эпы, какъ извѣстно, имѣютъ ту выгоду, что ими не нарушается ни единство мѣста, ни единство времени; но онѣ годятся только для представленія древнихъ трагедій, въ которыхъ дѣйствія происходятъ на площадяхъ, а хоры занимаютъ роль народа. Все это въ нихъ вѣроятно, потому что сообразно съ нравами и образомъ правленія представляемыхъ лицъ. Напримѣръ того, дѣйствія нашихъ трагедій происходятъ во дворцахъ и основаны большею частію на любви, которая ищетъ единенія и не терпитъ свидѣтелей. Вотъ причина, по чему Эдипъ Софокловъ имѣлъ столь блестящій успѣхъ на этомъ театрѣ, и почему не спали представляющіе на

немъ новыхъ драматическихъ сочиненій. Впрочемъ Олимпійскій шеапръ останешся навсегда достопримѣчательною рѣдкостью, какъ образчикъ древнихъ шеапрровъ и какъ изящный памятникъ глубокихъ свѣдѣній Палладія въ древностиахъ Греческихъ и Римскихъ. Вообще всѣ аданія сего знаменитаго зодчаго носятъ на себѣ печать какого-то оплчнаго характера. Они принадлежатъ по большой части къ стилю высокому и со всѣмъ шѣмъ чрезвычайно разнообразны. Нѣтъ ни одного изъ нихъ, которое бы похоже было на другое; и ни одного, которое бы не поражао съ перваго раза величїемъ, благородствомъ или великолѣпїемъ. Вездѣ видны ученость, строгїй вкусъ и черты шворческаго генїа.

М Е С Т Р А.

БЕРЕГА БРЕНТЫ. ВЕНЕЦІЯНСКАЯ СЕРЕНАДА. МЕТОДА ИТАЛІЯНСКАГО
ПРИПІ. ХАРАКТЕРЪ ИТАЛІЯНСКИХЪ НАРОДНЫХЪ ПІСЕНЪ.

Ровная и гладкая дорога изъ Падуи до
взморья Венеціянскаго вьется по лѣвому бе-
регу рѣки Бренпы, мимо непрерывнаго ряда
богатыхъ мызь и великолѣпныхъ дворцевъ,
изъ кошорыхъ многіе построены были еще
Палладіемъ. Они окружены садами, присад-
никами, огородами; и отдѣляются одинъ
отъ другаго, по большой части, узорчаты-
ми виноградниками. Между прочимъ мнѣ по-
казывали огромный домъ опличной архитек-
туры, построенный и подаренный одною
Русскою дамою одному Италіянцу, бывшему,

какъ кажешься, ея управителемъ или гувер-
неромъ, — даръ достойный щедролубія и ве-
ликодушія Русскихъ бояръ!

Мельбаюція взадь и впередъ по дорогѣ
коляски или седиоли, и капающія вверхъ и
внизъ по Бреншѣ *butchiello* и неопшы, кры-
шыя полошнами и изукрашенныя разноцвѣт-
ными бахрамами, соснавляютъ одушевлен-
ную и весьма пріятную карпину. Это дви-
женіе особенно бываетъ примѣтно по по-
лудни въ субботу, когда богатые граждане,
оставивъ городъ, спѣшатъ съ своими семей-
ствами въ загородные дома, чтобы насла-
диться въ воскресенье всѣми удовольствіями
деревенской жизни.

За нѣсколько верстъ до заморья большая
дорога поворачиваетъ въ лѣвую сторону,
въ Местру; другая проселочная, проложенная
по валу и по берегу Бреншы, идетъ прямо
въ *Фузину*. Изъ этихъ двухъ приморскихъ мѣ-
стечекъ ходятъ гондолы въ Венецію до са-
мой полуночи, между двумя рядами столбовъ,
освѣщенныхъ фонарями. Мнѣ хотелся знать,
какое впечатлѣніе произведетъ на меня видъ
города, окруженнаго моремъ; и я рѣшился

останься до утра въ Меспрѣ. Я ничего еще здѣсь не видалъ; но могу сказать, что уже многое слышалъ. Сидя на балконѣ, обвитомъ виноградными вѣтвями и пробѣгая взоромъ одинъ крыши домовъ, освѣщенные мѣсяцемъ, я наслаждался тихимъ вѣяніемъ зефировъ и глубокимъ безмолвіемъ, которое царствовало въ городѣ. И въ эту минушу всеобщей тишины вдругъ раздался на улицѣ арфы, флейшы и гитары. Я былъ очарованъ, когда музыканты пѣли хоръ Россиніева Ошелло. Прежде, слушая эту высокую гармонію, я переносился однимъ воображеніемъ въ Венецію; теперь мѣсто дѣйствія было передо мною. Равнымъ образомъ я былъ весь въ восторгѣ, когда одна пѣвица, достойная служить украшеніемъ оперы, пѣла извѣстную Венеціанскую пѣсню: *La biondina in gondoletta*. Мнѣ кажется, въ Италіи не такъ поютъ ее, какъ должно; кажется, должно пѣть ее такъ, какъ здѣсь поютъ; то есть, подъ открытымъ небомъ, въ тихую лѣтнюю ночь и сопровождая пѣніе звуками арфы или гитары. Ниодно изъ изящныхъ искусствъ не имѣетъ столь смѣ-

наго на насъ дѣйствія, какъ музыка; и ни одна музыка не приводитъ нашихъ нервовъ въ такое сопряженіе, какъ Ишаліанская. Ишаліанцы поютъ не одни поны, но и самыя спенанія и вѣдохи; Ишаліанцы выражаютъ все это не одною гибкостью и мелодіею своего голоса, но самымъ движеніемъ лица и волненіемъ груди. Особенное впечатлѣніе производятъ на путешественниковъ пѣсни народныя; потому что въ нихъ отражаются, какъ въ зеркалѣ, нравы и господствующія чувства цѣлаго народа. Въ Ишаліанскихъ пѣсняхъ, какого бы поны онъ ни былъ, скорыя или тихія, веселыя или унылыя, всегда замѣтнее какую-то нѣгу чувствъ, помленіе любви и сладострасшіе души.

ВЕНЕЦІЯ, $\frac{23 \text{ Августа}}{4 \text{ Сентяря.}}$

**Видъ Венеціи и окружающихъ ее острововъ. Планъ города,
пересѣкаемаго 400 каналами. Гондолы. Ріальтскій мостъ.
Устройство гостиницы — Британніи.**

Сегодня въ пять часовъ утра, оставивъ Местру, я кашлся по широкому каналу, укрѣпленному валами и баспіонами. Между шѣми завѣса туманная подымалась съ моря и представляла поспешенно карпины, совершенно для меня новыя и неожиданныя. Вокругъ насъ кишѣли черныя гондолы, какъ спая вороновъ, лешащихъ въ противоположномъ направленіи; передъ нами плавали большія и малыя острова, и выходила изъ морской пѣны сама Венеція со всею своею красою, — Венеція, предметъ любопытства и удивленія путешественниковъ! Сам-

назарь, видѣвшій славу и могущество эпого города, сполько былъ имъ очарованъ, что не усумнился поспавить его выше самого Рима. Доказательствомъ тому оспалась его оспроумная аллегорія, написанная Лантинскими стихами въ родѣ эпиграммы. „Увидѣвъ градъ Венецкій, говоришь онъ, градъ спояцій на волнахъ адриатическихъ и дающій законы всѣмъ морямъ, — Непшунъ воскликнулъ къ Юпитеру: О громовержець! шеперь не говори мнѣ болѣе о Тарпейскихъ замкахъ и не гордись пвердынями своего Марса. Къ чему споры? Воззри на Тибръ и на море; сравни Римъ съ Венеціею; и ты скажешь, что первый основанъ людьми, а послѣдняя самими богами.“

Такова была Венеція въ дни славы, когда всѣ чашки свѣта несли ей свои богатства и изобиліе. Но Венеція еще величественна и въ паденіи. Прежде всего поражаетъ она своимъ *планомъ* или расположеніемъ, кошорому, безъ сомнѣнія, нѣтъ подобнаго въ мірѣ. Это водной лабиринтъ или лучше морской шахматъ, пересѣкаемый чепырьми спами каналовъ и образующій

до чепырехъ тысячъ болѣе или менѣе правильныхъ квадрашовъ. Каждый квадрантъ есть родъ ошдѣльнаго оспрова, соединяемаго съ другими посредствомъ мостовъ и арокъ. Спѣны аданій, смощра по пляжесши или легкочи водчѣства, кажутса или погружающимися въ воду или выходящими изъ воды. Дома по большой части одною спороною обращены къ улицѣ, другою къ каналу. Многя изъ улицъ имѣютъ не болѣе одной сажени въ ширину; и представляють родъ шемныхъ коридоровъ между двумя рядами огромныхъ спѣнъ, кошорыя обыкновенно поднимаются въ верхъ на пять или на шесть этажей. Въ нижнихъ двухъ или трехъ жмляхъ можно совсѣмъ забытъ или и никогда не знатъ, что есть въ мѣрѣ великолѣпное и пышное солнце. Въ собственномъ смыслѣ, имѣтъ въ Венеціи другихъ улицъ, кромѣ каналовъ; и имѣтъ другихъ экипажей, кромѣ гондолъ.

Гондола есть шонкая, узкая и длинная лодка, окрашенная чернымъ цвѣтомъ. Въ ширину имѣетъ она не болѣе двухъ аршинъ, а въ длину до чепырехъ и пяти сажень.

Задняя половина ея занимается низкою каюшою, обитую сннаружи и ввнутри чернымъ сукномъ. Боковыя окна забираются или стекломъ или рѣшеткою. Прилавокъ могутъ подниматься и опускаться по произволу; и также покрывы чернымъ сафьяномъ. Происхожденіе чернаго цвѣща, копорый въ вѣкторомъ смыслѣ естѣ національный Венеціанскій, вѣроятно принадлежитъ какому нибудь прагмическому приключенію дождей или республики. Гондола управляется обыкновенно двумя, шремя или чепырьмя гондольщиками, копорые несутъ ее на веслахъ, какъ на крыльяхъ. При поворотахъ изъ одного канала въ другой они обязаны подавать сигналъ пропязнымъ крикомъ, дабы внезапнымъ толчкомъ не разбишь своей или чужей гондолы въ дребезги. На широкихъ каналахъ часно по вѣсколку гондолъ бѣгутъ вѣспѣ, опереживая одиѣ другихъ; и это респаніе, забава и спраспѣ гондольщиковъ, соспавляетъ весьма пріятное зрѣлище. Лошадей здѣсь совсѣмъ нѣтъ; одиѣ только Лордъ Байронъ, во время своего пребыванія въ семъ городѣ, оспважилъ переправитъ сю.

да на плоть своего пегаса; и за то многіе изъ жителей смотрѣли на Лорда, когда онъ выѣзжалъ верхомъ, какъ на Персея или на Центавра.

Я остановился въ гостиницѣ Брипаніи, на берегу большого канала и подлѣ знаменитого моста *Rialto*. Такъ называемый большой каналъ, извиающійся въ видѣ Лапидской липеры S, раздѣляетъ городъ на двѣ половины, а означенный мостъ служилъ имъ единственнымъ сообщеніемъ. Онъ состоилъ изъ одной арки, имѣющей въ длину 83 футовъ; и покрытъ двумя рядами лавокъ и магазиновъ, оканчивающихся на среднѣмъ треугольнике.

Фасадъ гостиницы *Британніи*, украшенный колоннами и фронтономъ, также принадлежитъ хорошему вкусу. Широкая и оплогая лѣспница, ведущая изъ сѣней въ бельэтажъ, уставлена спашунами, вазами и другими произведеніями ваянія. Въ числѣ ихъ достойна примѣчанія мраморная карзника съ плодами, одинъ изъ первыхъ опытовъ юнаго генія Кановы. Хозяинъ дома никогда бы, можетъ быть, не узналъ, какимъ онъ сокро-

вищемъ обладаетъ; если бы самъ Канова не вывелъ его изъ невѣденія. Говорятъ, что сей великій художникъ, увидѣвъ въ первый разъ это произведеніе своей юности, работанное имъ въ нуждѣ и бѣдности, долго смотрѣлъ на него съ умиленіемъ и вниманіемъ, какъ бы измѣряя взоромъ своимъ неизмѣримоспъ пройденнаго имъ поприща въ ваяніи. Огромныя залы, въ которыхъ вѣдешъ лѣспница, расписаны красивыми фресками и ушланы разноцвѣпнымъ мраморомъ. Комнаты убраны богатою мебелью; постели завѣшаны шпифными пологами. Прислуга очень хорошая, а что всего удивительнѣе, на пятьдесятъ или семдесятъ комнатъ употребляется не болѣе пяти или семи служителей. Для насъ Русскихъ, привыкшихъ быть окруженными дворнею, покажется непонятнымъ, какимъ образомъ такое малое число слугъ могутъ вездѣ успѣть, все сдѣлать и всѣмъ удовлетворить; со всѣмъ тѣмъ устройствомъ порядка самое простое и легкое. Именно: изъ каждой комнаты проведена проволока въ сборный коридоръ служителей и привязана

къ колокольчику, висящему надъ шѣтъ же номеромъ, подъ какимъ находится комната. И пакъ довольно одного только прикосновенія къ проволокъ, чшобы заспавишь ходишь ходнемъ весь домъ; пакъ какъ въ Русскихъ сказкахъ одно прикосновеніе къ спрунѣ приводитъ въ движеніе цѣлыя машины и пробуждаешъ всѣхъ спражей жаръ пшцы. Госпинница Бришаннія имѣешъ на фронтонѣ своемъ гербъ Англійскихъ королей: но еешъ щиподержашелей льва и единорога съ двумя девизами: „Nonny soit qu'y pense „mal“ и „Dieu et mon droit;“ „Да будетъ спыдно шому, вшо худо о шомъ думаешъ;“ и — „Богъ и мое право.“ Я слишкомъ много сказалъ объ эпоѣ госпинницѣ для шого, чшобы даешъ поняшіе о удобнѣстяхъ и пышносли прочихъ госпинницъ Испаліанскихъ.

ПРОДОЛЖЕНІЕ.

ПЛОЩАДИ Св. МАРКА и ДВОРЦА ДОЖЕЙ. НАРУЖНОСТЬ ЦЕРКВИ
Св. МАРКА. ЧЕТЫРЕ БРОНЗОВЫЕ КОНЫ, ПРИПИСЫВАЕМЫЕ ЛЕЗВИНУ.
БОГАТЫЯ УКРАШЕНІЯ ПОРТІКА, СТѢНЪ и СВОДОВЪ ХРАМА. Святѣиша
АРХЕОЛОГИЧЕСКІЕ ПАМЯТНИКИ.

Площадь Св. Марка состоишь изъ продолговатаго чепвероугольника, копорого каждая боковая линія занята особеннымъ зданіемъ. Каждое зданіе имѣеть свой характеръ и какъ бы назначено служить символомъ водчешва шой часши свѣша, съ копорой оно посшавлено. На воспокъ поднимаетъ съ громадою куполовъ и главъ Соборъ Св. Марка, памятникъ воспошнаго или Греческаго вкуса среднихъ временъ. На западѣ плѣняетъ своею легкостію и пріятностію дворець Императорскій, построенный во

время владычества Наполеонова. Съ сѣвера и юга пянупся длинныя ряды палатъ, занимаемыхъ присупспвенными мѣспами и начальниками города. Великолѣпіе поршниковъ, роскошь колоннъ и пышность украшеній — все показывается, что это швореніе Сансовина или другихъ Испаліянскихъ художниковъ. Прошивъ Собора спонятъ при бронзовые столба съ развѣвающимися флагами; — это памятники завоеванія Кипра, Крима и Мореи. Въ юговоспотноиъ углу площади поднимается огромная башня, имѣющая высоты 282 Венеціанскихъ фуша или 51 саж. и 2 арш. Отсюда начинается непосредспвенно другая площадь съ дворцемъ дожей, съ монешнымъ домомъ и съ двумя высокими колоннами, которыя вывезены были Венеціанцами изъ Конспаншинополя. Бронзовый левъ, споняцій на одной изъ колоннъ, увезенъ былъ Французами во время перваго ихъ впорженія въ Венецію; находился нѣсколько лѣтъ въ Парижѣ прошивъ дома инвалидовъ и наконецъ ошптъ возвращенъ къ своему прежнему назначенію. За этою впорую площадью спнѣтся большой каналъ, покрытый

купеческими судами и гондолами; а за каналомъ проспирается островъ Жудекки (Иудейскій) съ великолѣпнымъ храмомъ Спасителя.

Не могу описатьъ первыхъ впечатлѣній, произведенныхъ во мнѣ совокупностію эпикъ памятниконъ. Я переходилъ съ одного мѣста на другое; и каждое мѣсто казалось мнѣ очарованнымъ. Толпы народа въ эту минуту были для меня одними движущимися автоматами, одною поспороннею принадлежностію карпины. Мой взоръ, слухъ и вниманіе обращены были только на зданія, въ которыхъ можно было чинать душу великихъ художниковъ, ихъ чувства, мысли и идеалы (*).

Обратимся опять въ *Соборной церкви Св. Марка*. Наружность ея носитъ на себѣ печать вкуса разныхъ временъ, въ которыхъ она была спроена; и, не смотря на то, она занимаетъ зрителя самою неправильностію

(*) Здѣшніе граждане рассказываютъ, что Государь Императоръ Александръ Павловичъ, посѣтивъ въ 1822 году Венецію, рассматривалъ эту площадь, съ четверть часа, съ особеннымъ, непрерывнымъ вниманіемъ.

своею и даже самымъ сѣщеніемъ разныхъ спилей. Имя главнаго зодчаго ея неизвѣстно; но объ немъ разсказываютъ почти поже, что у насъ о зодчемъ знаменитой церкви Блаженнаго Василія. Правительствовало, какъ говорятъ, хотѣло воздвигнуть ему спашую въ награду его трудовъ и талантовъ; но какъ онъ по нескромности своей проговорился, что будшо бы могъ поспрошить еще лучший храмъ, шо и лишень былъ опредѣленной ему почести.

Огромныя Византійскія главы и маленкія Готическія башни, которыми украшаютъ храмъ Св. Марка, напоминаютъ о нашихъ Кремлевскихъ соборахъ. Надъ главнымъ его фасадомъ споятъ *четыре бронзовыя кола*, шакъ много прославившіеся въ археологін и въ исторіи завоеваній. Они, сколько извѣстно, вывезены были Венеціанцами изъ Константинополя; а въ концѣ прошедшаго столѣтія dospались въ добычу Французамъ. Въ Парижѣ они спояли на Карусельскихъ воршахъ, ведущихъ въ Тюльерійскій дворець. Они впряжены были шамъ въ торжественную колесницу и ведомы были Побѣдою и

Миромъ, двумя чугунными спашуями, покрытыми позолопою. Въ 1815 году ихъ возвращали на прежнее мѣсто въ Венецію. Ученые антикваріи довольно много и подробно объ нихъ писали. Обыкновенно приписываютъ работу ихъ Греческимъ художникамъ и даже самому *Лизиппу*, Примѣрно, что эти чешыре коня въ началѣ своемъ назначены были для колесницы какого нибудь триумфатора или самаго Аполлона. Они расположены такъ образомъ, что два середніе гордо вышупаютъ впередъ; а два осшальные загибаютъ головы въ бокъ, или, какъ говорятъ Французы, *à la Russe*.

Фасадъ храма покрытъ различными барельефами, а стѣны предѣнія или передняго портика съ его столбами и сводами, всѣ украшены мозаическими картинами, представляющими приключенія праошцевъ, исторію Спасителя, жизнь Святыхъ, и между прочимъ похищеніе мощей Св. Марка въ Александріи, перенесеніе ихъ въ Венецію и тому подобное. На сводахъ главныхъ церковныхъ входовъ изображены въ барельефахъ двѣнадцать искушствъ или наукъ, аллегорич-

ческія лица добродѣтелей и всѣ мѣсяцы года съ зодіакомъ, достойнымъ особеннаго вниманія астрономовъ. Ворота эши, состояція изъ двухъ своровъ, спаяны изъ лиспьевъ разныхъ металловъ, и также покрыты барельефами. Думаютъ, что они вывезены вмѣстѣ съ прочими трофеями изъ Константинополя.

Внутренность храма, расположенная въ видѣ Греческаго креста, отличается песпропою украшеній, разбросанныхъ во вкусъ среднихъ временъ. На стѣнахъ и сводахъ блестятъ мозаики, работанныя по золотому полю; на олшаряхъ бронза, серебро и золото. Вокругъ главнаго олшара разставлены четырнадцать мраморныхъ статуй; а по четыремъ угламъ жертвенника сподитъ четыре алебасшровые, прозрачныя и вышныя столба, которые также вывезены изъ Константинополя. Мозаическій помостъ опгь олшара до западныхъ воротъ весь врытъ водою, подмывающею очень часто основанія зданій Венеціанскихъ. Въ числѣ святыней храма почишаются одна икона Божіей Матери, писанная, какъ говорятъ, Евангелшномъ Лукою, и одна мозаическая картина, пред-

спавляющая Св. Доминика и Св. Франциска. Последняя въ большемъ уваженіи у черни за то, что будто бы рисунокъ ея соспавленъ былъ аббатомъ Іоакимомъ еще прежде рожденія изображенныхъ въ ней Священныхъ. Сверхъ того въ храмъ Св. Марка есть еще цѣлый придѣлъ съ мощами и другими памятниками религіи. Между ними достойны замѣчанія серебряная вызолоченная картина съ вѣланнымъ въ нее гвоздемъ, копорымъ распятъ былъ Спаситель; одна агатовая чаша, оправленная серебромъ, съ частію черепа Іоанна Крестителя; ножъ, копорымъ Пётръ Апостоль урѣзалъ ухо Малху; дщцы съ кровію Спасителя, покрытыя разными символами; и двѣ мраморныя доски, съ пятнами крови Іоанна Крестителя. Думаютъ, что онѣ орошены были въ самую минушу усѣченія главы сего свясого спрадальца.

Въ числѣ археологическихъ памятниковъ заслуживаютъ вниманіе двѣ Константинопольскія вазы: одна съ двумя Греческими стихами, другая хрустальная съ эмалевымъ распятемъ и съ золопою крышкою; серебряный крестъ съ именемъ Маріи, почитаемой

Монфоконъ за супругу императора Никифора, царствовавшую въ 1078 году; врснть съ чешырьми Греческими надписями, заванный, по повелѣнію императрицы Елены, во время ссоры ея съ сыномъ Іоанномъ Комниномъ; и наконецъ рукопись Евангелія Св. Марка. Монфоконъ относитъ ее къ шестому вѣку и почищаетъ самую древнѣйшею изъ всѣхъ доселѣ извѣстныхъ. Вспхоспъ пергаментна, на которомъ она писана, была поводомъ къ недоумѣнію и къ жаркимъ спорамъ ученыхъ аншмиваріевъ. Чеспъ окончанія эпохи войны, продолжавшейся очень долгое время, принадлежитъ, какъ увѣряютъ, Венеціянскому канонику Молину, сочинителю любопытной книги: „De actis et lipsanis Sancti Marci.“

ДВОРЕЦЪ ДОЖЕЙ.

Фасады; дворъ; большія и малыя залы. Изображенія Вары и Венеци. Тинтореттовъ рай. Антики. Страшный судъ младшаго Пальмы. Впечатленія, оставшіяся послѣ посѣщенія дворца Дожей.

Роскошный фасадъ дворца Дожей, увѣнчанъ башнями, украшенъ рядами сполбовъ и опирающъ на порпикъ, котораго основаніе все закрыто мосповою. Между прочимъ доспойны адѣсь замѣчанія древнія спашуи, предспавляющія Музу, Мирь, Изобиліе, Цицерона и Марка Аврелія. Квадрапный дворъ спавже обнесенъ со всѣхъ споронъ богашими порпиками. Посреди его находящяся два колодезя съ бронзовыми барельефами. На одномъ изъ нихъ предспавлены разныя событія изъ Св. писанія, ниѣющія опношеніе

къ водѣ; какъ по Иона поглощенный кншомъ, Спаситель въ Иорданѣ, упоающій Пепръ, Моисей испочающій изъ камня воду и пр. По главной лѣспинцѣ и по коридорамъ также распавлены спашумъ и каршины, какъ бы съ намѣреніемъ замедлишь любопытныхъ, съ неперпѣніемъ поспѣшающихъ во дворець.

Внушренность дворца раздѣляется на пятнадцать большихъ и малыхъ залъ; и каждую залу можно назвашь галлереею драгоценныхъ картинъ или фресковъ. Волшебныя кисти Тиціана, Веронеза и двухъ Тинтореттовъ одушевили здѣсь всѣ стѣны и превратили, какъ сказать, въ небо каждый плафонъ. Благоговѣніе къ вѣрѣ и любовь къ опеческву, вознесшія нѣкогда Венецію на высочайшую степень славы, повидному были главными чувствами и почти единственными предметами эпитихъ художниковъ, безсмертныхъ основателей Венеціанской школы. Куда бы вы не обратились, вездѣ увидите или поржеспвующую вѣру или господствующую Венецію. Вѣра спомнѣ на облакахъ и держитъ крестъ; передъ нею лежатъ повергшіеси дожи, молящіе о помощи прошиву

враговъ опечеснива. Уже молшва ихъ услышана и они побѣждаютъ Генуезцевъ; берутъ въ плѣнъ дюка Сфорса или сына Барбароссы; завоевываютъ Кипръ, Критъ, Морею. Успрашенные ихъ славою и могущесшвомъ, опдаленные народы Азіи присылаютъ къ нимъ пословъ съ дарами и съ покорностію. Венеція была вшорымъ божесшвомъ или вшорою вѣрою для Венеціанскихъ художниковъ. Здѣсь, облеченная въ драгоцѣнныя ушвари, она сидитъ на тронѣ, держитъ скипетръ и львы лежатъ у ногъ ея. Тамъ она опирается на шаръ земной, и ничего не признаетъ выше себя, кромѣ Владыки вселенной. Тамъ она являетъся на облакахъ, и геніи мира и правосудія споятъ вокругъ ея съ благоговѣніемъ. На одномъ изъ пополковъ Жакопо Тинторетто окружилъ ее всѣми доблестями; самъ Юпитеръ ведетъ ее въ адриатическое море; и сама Юнона привѣлшвуешь ее разными дарами; между лѣтъ вокругъ ея споятъ прочіе города Италіи съ своими символами или принадлежностями; наир. Верона съ амфитеатромъ, Падуа съ книгами, Бресція съ оружіемъ, Виченца съ плодами,

Алпшино съ памяшникани древноспи. Небольшая зала передъ коллегіей (anti-collegio) вся украшена аллегоріями и баснословными предметами въ родѣ анакреоническомъ. Кузница Вулканова съ работающими приклопами поставлена передъ коллегіей, какъ символъ заняшій и шруда сенаторовъ.

Самая огромная картина Тиншорептова и вѣроятно огромнѣйшая изъ всѣхъ доселѣ извѣстныхъ естъ его *Рай* съ тысячами, или, правильнѣе сказать, съ тысячами шемъ лицъ. Она простирается во всю заднюю стѣну залы, занимаемой библіотекою; и имѣетъ въ вышину 30, а въ ширину 74 Венеціанскихъ фушовъ (*). Она пакъ многосложна, что почти нѣтъ никакой возможности сообразить отношенія всѣхъ группъ ее составляющихъ. Надобно остановиться взоръ на одномъ какомъ нибудь мѣстѣ, чтобы видѣть чудесную игру ея перспективны. Кажется, безпрестанно лица умножаются; безпрестанно какъ бы подходящъ одинъ къ другимъ; и изъ за головъ переднихъ съ каж-

(*) 16 арш. въ вышину и 40 арш. въ ширину.

дымъ итновеніемъ выглядываютъ новыя головы, еще совсѣмъ вамъ незнакомыя. Жакопо Тинторетто работалъ эту карпину уже въ предлонныхъ лѣпахъ; и попому въ оидѣлѣ многихъ часпей помогаль ему сынъ его Доменико.

Въ библиотекѣ находимся довольно богатое собраніе спашугъ, бюснговъ и другихъ памятникговъ ваянія. Два барельефа изъ паросскаго мрамора, съ чепырьмя младенцами, держащими скипетръ Юпитера и мечъ Марса, принадлежатъ глубокой древности; онѣ почитаются произведеніемъ или Фидіаса или Праксителя. Аполлонъ играющій на лирѣ и неподражаемая группа Фавна и Бахуса, также принадлежатъ рѣзцамъ первыхъ Греческихъ художниковъ. Болѣе же всего археологи восхищаются здѣсь похищеніемъ Ганимеда и Ледою, обманушою Юпитеромъ. Въ самомъ дѣлѣ ойруглосни шѣла юноши и красона дѣвы, пающей въ восторгахъ, ваяшыя оидѣльно, могутъ удивлять знапоковъ искусства: но я только одного не понимаю, какимъ образомъ люди, пресыщенные вкусомъ мзяцносни, могутъ бытъ равнодушны

къ самому содержанию басенъ, къ самой не-
лѣпости химеръ и, пакъ сказать, къ самому
низкому романтизму Греческому, прошив-
ному и нравственности и здравому раз-
судку.

Въ залѣ, посвященной рукописямъ, ешь
другой *страшный судъ*, ошличающійся въ
особенности расположеніемъ группъ и силою
выраженій. Художникъ эпого шворенія млад-
шій Пальма представилъ на сторонѣ правед-
ныхъ одну дѣвушку, къ которой онъ пылалъ
любовію. Къ несчастію, невѣрность ея оп-
крылась еще прежде окончанія вшорой часши
его картины. А какъ ему оспавалось изобра-
зить адъ, по онъ и рѣшился помѣстить въ
числѣ блудницъ свою измѣнницу. Несчастная
падаетъ въ пламень; и дьяволъ принимаетъ
ее въ свои объятія.—Мщеніе ужасное!

Я вышелъ изъ дворца Дожей въ два часа
по полудни. Проведенное мною тамъ утро
было бы для меня самымъ пріятнымъ, если-
бы оно не сопровождалось мрачными воспоми-
наніями. Голось приспава, водившаго меня
по заламъ, былъ громовымъ, когда онъ про-
носилъ низкимъ шномъ роковыя слова:

„Здѣсь былъ тайный совѣтъ дожей; здѣсь принимали торжественно пословъ Азіатскихъ, Африканскихъ и Европейскихъ; здѣсь даваемы были общественыя пиршества.“
Такъ! Здѣсь рѣшалась судьба царей, царствъ и народовъ; и здѣсь оспалась одна только упрямая сѣдалища сенаторовъ, поверженные проны дожей и мрачное безколѣіе! . . .

ПРОДОЛЖЕНІЕ.

Примѣчательнѣйшія церкви въ Венеціи: Св. Апостоловъ Іоанна и Павла; Полезуцкая; Здрава; Дельфори.

На каждомъ шагу каналъ, въ каждой улицѣ Палладіо или Сансовино, въ каждомъ зданіи Тиціанъ, Павелъ Веронезъ или Тинторетто: такъ почти можно сказать о Венеціи. Я упомяну здѣсь только о важнѣйшихъ достопримѣчательностяхъ.

Церковь Св. Апостоловъ *Иоанна и Павла*, естъ Готическій памятникъ въкамъ прошедшимъ, поражающій въ особенности своею огромностію и мрачностію. Входя во внутренность ея, какъ бы слышишь гремящій подъ сводами голосъ Небесной Благосли: „Придите ко мнѣ пруждающіеся и обремененніи и азъ упокою вы.“ По стѣнамъ разспавлены спашун и пирамиды; на помостѣ—гробницы, подъ помостомъ могилы. Памятникъ *Мельхіора Лантіи*, сооруженный Баршелемъ, представляеть обелискъ въ барельефѣ. Мершвый въ лицѣ живаго держишь хартию съ надписью: „Pace quievi; pulvis ho- „mo, pervixi; mater suum tradidit matri; Maria „mater tuum duc me Patri.“ То естъ: въ мирѣ опочмль я; жизнь плѣннаго челоуѣка опцѣла; маперь опдала своего сына маперю; о маперь Марія! веди меня въ опцу моему.“ Подлѣ обелиска сидишь плачущая женщина, опершаяся на руку и смопрящая на изображение смерти; ногою спущаееть она на книгу, въ которой написано: „Rapit omnia finis; смерть все уносишь.“

Памятникъ *Антоніа Брагадина* проситъ и разширеленъ. Турки сняли вою съ него живаго и прислали ее въ Венецію; Венеціане положили оспашеніи своего полководца въ урну, окруженную львами.

Огромный памятникъ *фамиліи дожа Валера* оплачаешя новостію мыслей художника Тирали. Генім поднимають занавѣсь и предсавляютъ изображенія отца, матери и сына.

Спѣны главнаго олшаря, сосавляющаго довольно обширное полукружіе, украшены барельефами изъ бѣлаго Каррарскаго мрамора. Лучшій изъ нихъ естъ Споръ Хриспа съ книжниками и фарисеями, Нѣнца Іоанна-Марія *Морлайтера*. Хриспосъ спомитъ на кафедрѣ и проповѣдуешъ; фарисеи сидятъ съ развернутыми книгами; слушаютъ, соображаютъ и шолкуютъ. Выраженіе ихъ превосходно. Канова всякой разъ, по прибытіи въ Венецію, приходилъ смотрѣть на это изящнѣйшее твореніе.

Церковь Поіезуитская оспанавливаешъ на себѣ вниманіе великолѣпиемъ своего фасада. Вишренность ея сошвѣспсвуешъ наруж-

носни. Потолокъ блестяще пышною живописи, а что всего удивительнѣе, онъ былъ писанъ шеснадцатилѣтнимъ живописцемъ. Стѣны храма почти всѣ покрыты мозаиками синяго цвѣта; надъ бѣлою мраморною каедрою виситъ богатый мраморный занавѣсъ, также съ синими мозаиками и съ пышными складками.

Изъ картинъ достойны примѣчанія Вознесеніе на небо Св. Дѣвы Маріи, Assunzione di Maria, одно изъ совершеннѣйшихъ промаведеній Тицпоретина, рабочее въ стилѣ Павла Веронеза; и мученіе Св. Лаврентія, Тицианово швореніе, возвращенное въ 1815 году изъ Париза.

Церковь здравія (La salute), сооруженная въ XVII столѣтіи, по обычу гражданъ, послѣ ужасной, свирѣпшвовавшей въ то время, лавы, отличаетса въ особенності великолѣпнѣе купола. Она построена по плану Лонгены и самими Французами предпочтается дому инваллидовъ, шворенію знаменитаго Монсара. — Внутренность ея украшена богатыми колоннами, блестящими олпарями и многими картинами первыхъ художниковъ.

Въ церкви *Дельфрари* невольно оспано-
вились передъ надгробнымъ *памятникомъ*
дожа Вальера. Занавѣсъ поднимается; дождь
сидитъ на проѣзѣ; при подножїи его над-
пись: *Nis revixit anno MDCLXIX*; що ешь:
здѣсь началъ новую жизньъ въ 1669 году.“
Изъ каршинъ доспойна здѣсь замѣчанїя одна
Тиціанова, въ кошорой предспавлено нѣ-
сколько лицъ изъ фамиліи Пезарро спонщи-
ми на колѣнахъ передъ Божїей Машерью и
передъ святымъ угодниками. Тиціанъ рабо-
шаль ее по условїю, заключенному въ 1519
году съ фамиліей Пезарро, кошорая обязана
была ему заплашишь за эпопъ шрудъ 102
Венеціанскихъ червонца (300 Французскихъ
франка). Подлинное условїе хранишь еще и
шперь въ домъ Пезарро.

ПРОДОЛЖЕНІЕ.

ОРУЖЕЙНАЯ ЗАЛА АРСЕНАЛА; ПАМЯТНИКЪ АНДЖЕЛУ ЭМУ, КАВОВЫ.
КАРТИННАЯ ГАЛЕРЕЯ ГР. МАФОРНА: НОСЪ КОФЧИЪ И СВЯТЫЕ
СО КРЕСТА, РАФАЭЛЪ. АКАДЕМИЯ ХУДОЖЕСТВЪ: ВЕНЕРА МЕДИЦЕЙСКАЯ
И ВЕНЕРА КАВОВЫ; МОДЕЛЬ ПАМЯТНИКА КАВОВЪ; ВОЗНЕСЕНІЕ БО-
ЖІЕЙ МАТЕРИ, — ТИЦЦАНА.

Арсеналъ есць одно изъ достопримѣча-
тельнѣйшихъ зданій Венеціи. При входѣ въ
него споятъ чешыре огромные льва, выве-
зенные изъ Аомнъ въ цвѣтущія времена Ве-
неціанской республики (*).

(*) На одномъ изъ нихъ остались слѣдующія слова *Авеуе. іер.*
и одна буква *N*. Ученые антикваріи толкуютъ смыслъ та-
кимъ образомъ: Аомнамъ посвященный левъ (*леон*). По ха-
рактерамъ писемъ, они относятъ его ко временамъ Фидія
и даже почитаютъ памятникомъ Маравонской победы, осно-
вываюсь на свидѣтельство Павзанія, что Оувяне воздвигли
льва въ честь храбрыхъ героевъ.

Оружейная зала наполнена панцырями, бердышами и другими орудіями. По стѣнамъ развѣшены Турецкія знамена и бунчуки пашей, профем Венеціанцевъ. Есть ружья объ осмнадцати спволахъ, копорые повершываемы былы посредспвомъ машины и спрѣляли одни за другими при поворотѣ. Желѣзные замки инквизиціонные и многія другія орудія варварства сушь памятники Падуанскаго ширана Франциска Каррара. Между лапами рыцарей находилспся желѣзный панцырь съ шишакомъ и забраломъ, принадлежавшій десятишлѣпному или двѣнадцатилѣпному опроку, и найденный, какъ говорятъ, на полѣ сраженія Карла Пятаго съ Францискомъ Первымъ. Но самое драгоцѣннѣйшее сокровище арсенала есть памятникъ одному Венеціанскому адмиралу, работанный *Каповою*. Сохраненіе его просто и оспроумно. На росшральной колоннѣ, поднимающейс на берегу моря и омываемой волнами, спонилъ бюспъ героя. Одинъ изъ геніевъ нисходитъ съ неба, чшобы увѣнчашъ его гражданскимъ вѣнцемъ; съ другой спороны и другой геній, склонивши колѣно на гальшпу, начершилъ рѣзцемъ

слѣдующія два слова: *Angelico Eto*; провель еще одну черпу и оспановилсѣ. Зришель хочеть напередъ угаданы мыслъ генія, и съ неперпѣнїемъ ждешъ, чшобы онъ окончилъ слово.

Изъ *галлерей картинныхъ*, копорыми обладаешъ Венеція, самая богатѣйшая принадлежишь *графу Манфрину*.

Въ ней доспойно замѣчанія швореніе Рафаела, писанное на большомъ карпонѣ и, какъ кажешся, водяными красками (à l'aquarelle), предспавляющее *Ноевъ ковчегъ*. Горизонтъ омрачлсѣ; съ лѣвой спороны лешъ ливень. Въ ковчегъ идуть звѣри, лешашъ пшшцы, ползуть змїи и гады. Ной показываешъ одной изъ женъ успроенное имъ убѣжище; жена держишь въ лѣвой рукѣ ларчикъ и склонила голову съ печали. Между шѣмъ Симъ, Хамъ и Афепъ, и двѣ другія жены пригошовляюшъ припасы, несуть кувшины, мѣшки и кошицы, наполненныя плодами. Нѣшъ сомнѣнїя, чшо въ рисовлѣ коней Гомеръ живописи долженъ усшунить Горацію Вернешу, шавъ какъ въ изображенїи собакъ, кошекъ и другихъ живошныхъ Павлу Веро-

незу и многимъ художникамъ новѣйшимъ; но важность пашриархальная, чершежи лицъ и разнообразіе спрасшей носятъ и въ этой картинѣ печать генія.

Живописцы Венеціанской школы почти всѣ имѣютъ свои спранности; на пр. у Карлешто Калиари умирающій Адонисъ съ бородою и въ костюмѣ Венеціанскомъ; у Джіошто подлѣ Божіей Машери и младенца Христа спомнѣ одна женщина въ парикѣ; у Павла Веронеза почти вездѣ собаки и кошки, и шому подобное.

Нѣтъ никакой возможности исчислитъ и оцѣнитъ въ короткое время всѣ сокровища обширной галлерей Манфрина; совсѣмъ пѣтъ, несправедливо было бы умолчать о *Снятіи со креста*, маленькой картинѣ Рафаеля. Это драгоценное швореніе вѣроятно принадлежишь уже къ послѣднему манеру и спилу его. Перспектива правильная; рисовка совершенная; и самый колоритъ отличаетъ уже яркостію и блескомъ Венеціанской школы.

Въ академіи художествъ, обогащенной собраніемъ древнихъ памятниковъ ваянія, копіями лучшихъ спашуй и множествомъ

первостепенныхъ картинъ, прежде всего обратили мое вниманіе при копіи: Аполлонъ Бельведерскій, Венера Медицейская и Венера, сошворенная Кановою. Трудно рѣшить, какая изъ богинь имѣетъ преимущество; онѣ обѣ прекрасны и обѣ имѣютъ своихъ поклонниковъ; но, если можно сколько нибудь судить о подлинникахъ по копіямъ, Венера Кановина, кажется, отличаетъ большею натуральностію. Медицейская закрываетъ обнаженные свои красавицы руками; но положеніе рукъ ея какъ бы нѣсколько выискано и нѣсколько похоже на жесты панцовщицы. Напрошивъ того спыдавая ея соперница прижала съ поропливостію къ грудямъ дымчатое покрывало, которое и обвилось вокругъ мокрыхъ чашей ея плѣа. Складка и прозрачность плашня совершенны; что же касается до прелестей лица, онѣ кажутся несравненными и неподражаемыми. Самъ Аполлонъ Бельведерскій, который только сейчасъ пустилъ стрѣлу на Пнеона, оспановилъ какъ бы на нихъ взоръ свой; сама Медицейская Венера обратилась къ своей соперницѣ и какъ бы заглядѣлась на ея

совершенства. Академики вѣроятно съ на-
мѣреніемъ поставили въ шагомъ порядкѣ
эти три статуи.

Канова хотѣлъ соорудить памятникъ Ти-
ціану, и ему блеснула счастливая мысль по-
ставить Египетскую пирамиду съ опвер-
сшіемъ; съ лѣвой стороны ея положить льва;
съ правой изобразить жрицу, несущую пе-
пель въ урнѣ и сопровождаемую Искусствами
въ лицѣ Музъ. Спусти нѣсколько времени,
эпопъ памятникъ, какъ извѣстно, съ не-
большою переменною сооруженъ Кановою въ
честь Христины, эрц-герцогини Австрій-
ской, и поставленъ въ Августинской церкви
въ Вѣнѣ. Теперь общество любителей худо-
жества въ Венеціи рѣшилось погъ же
самый мавзолей, который приготовленъ
былъ Тиціану, соорудить въ церкви Здравія
La salute самому Кановѣ, пропавъ гробницы
Тиціана. Въ академіи есть модель этого па-
мятника и на немъ черная урна съ золоты-
ми словами: „Cor magni Canovae; Сердце ве-
ликаго Кановы.“ Нѣсколько ниже: „Quod
„mutuum amoris monumentum, idem gloriae

*

„incitamentum siet; то естъ: Сей общій памятникъ признашельности да будешь и общими побужденіемъ къ славъ.“

Въ Академіи изящныхъ художествъ находится также одна изъ первыхъ картинъ Тиціана, представляющая *Вознесеніе Божіей Матери на небо*. Святая Дѣва, окруженная Серафимами, поднимается на облакъ въ превыспренняя. Богъ отецъ и Богъ сынъ держашъ сплешенный изъ звѣздъ вѣнецъ. Апостолы смощашъ на ея преображеніе съ разными чувстввами воспора и изумленія; одни закрываются руками, другіе падають на колѣна и хощашъ въ послѣдній разъ насладишь ея лицезрѣніемъ. Эша превосходная картина спощла за престоломъ въ одной церкви и спощко была попорчена временемъ, что укрылась опъ прозорливости Французовъ, во время всеобщаго ихъ грабежа. Доспоминшво ея спощашъ въ выразительности, въ разнообразіи характеровъ, въ расположеніи группъ и въ колоритѣ. Лице Божіей Матери сіяешъ божественностию; положеніе ея шавъ легко, что въ самомъ дѣлѣ она ка-

жется восходящую въ верхъ и безпрестанно удаляющуюся отъ зрителей (*).

ПАДУА, $\frac{1}{13}$ Сентября.

Знаменитая зала Падуанской палаты правосудія имѣетъ въ длину 300 фузовъ, а въ ширину 100. Высота ея простиралась до 100 фузовъ; но послѣ бури, свирѣпствовавшей въ прошедшемъ году, построили новую крышу на 150 фузовъ отъ пола. Огромная эта зала не имѣетъ ни одной колонны; спѣ-

(*) Эстампъ этой картины, выгравированной художникомъ Наталемъ Скювани, посвященъ Государю Императору Александру Павловичу.

ны ея состоятъ изъ четырехъ рядовъ живописи альфреско. Въ первыхъ трехъ рядахъ образа Святыхъ, аллегорій и символы изъ Нового и Ветхаго Завета; въ последнемъ арабески.

Университетъ Падуанскій построенъ Палладиемъ; дворъ его состоитъ изъ четырехъ портиковъ, которыхъ стѣны всѣ покрыты гербами профессоровъ и благодѣтелей университета. Анатомической театръ, зала физическихъ инструментовъ, музей натуральной исторіи и ботанической садъ, расположенный по системѣ Турнефорша, достоинны особеннаго примѣчанія. Здѣсь учился нашъ министръ графъ Каподистрія. Онъ занимался преимущественно медицинскими науками и имѣлъ дипломъ на званіе доктора. Изъ старинныхъ актовъ видно, что еще и въ 1695 году нашему соотечественнику Петру Поспшикову данъ былъ отъ здѣшняго университета патентъ на званіе медика.

Въ одной изъ церквей находится памятникъ, сооруженный, какъ сказано въ надписи,

каноникомъ канонику. Эпо бюспъ знаменишаго *Петрарки*. Многіе изъ пупешеспвенниковъ ѣздяшъ нарочно въ мѣспечко Арку за 15 верспъ опсюда, чшобы бросипъ нѣсколькo цвѣшовъ на холодный гробъ пламеннаго обожащеля Лауры. Въ другой церкви показываешся одно изъ изящныхъ произведеній Гвидо Рени — *Іоаннъ Предтега* въ пустынѣ. Здѣсь же находишся барельефъ изъ Каррарскаго мрамора — *памятникъ принцу Оранскому*, дѣланый *Кановою*. Благочестіе склонилось на правую руку въ глубокой горести; лѣвая рука лежишъ на колѣнахъ; передъ нею ибисъ — символъ смерти; въ верху щипъ умершаго. *Церковь Св. Іустинъ*, построенная Падуанскимъ архиепешпоромъ Андреемъ Риччіо, по плану Палладія, оплпчаешся величественною проспекпою и шестью огромными куполами въ Русскомъ вкусѣ. *Соборная церковь Св. Антонія*, сооруженная водчимъ Николаемъ Пизакно въ XIII столѣтіи, увѣнчана также шестью куполами и имѣешъ чепыре огромные органа, на копорыхъ играюпъ обыкновенно до сорока музыканшовъ. Въ Падуѣ показываюпъ гробницу

Аншенора и домъ, въ которомъ будшо бы жилъ Титъ Ливій. Кромъ того Падуа гордишя чеспію, что она дала убѣжище двумъ знаменитымъ мужамъ: Пешраркѣ, кошорый былъ каноникомъ въ соборѣ, и Галилею, опправлявшему должность лектора въ здѣшнемъ университетѣ до 1610 года. Пропивъ церкви Св. Іусиппы естѣ круглая и большая площадь. При четырехъ вратахъ ея и по дорожкамъ разспавлены статуи, бюсты и урны, — памятники знаменитымъ людямъ, оказавшимъ услуги Падуѣ, и славнымъ профессорамъ, воздвигнушые усердіемъ слуденшювъ.

Дорога отъ Падуи до Ровиго идетъ подлѣ канала; по берегамъ его встрѣчаются безпреспанно красивые домики, богатшы помѣстья, нѣсколько великолѣпныхъ замковъ, и между причимъ замокъ герцога Моденскаго. Отъ древней Адрии, на развалинахъ кошорой построень Ровиго, ничего не оспалось, кромъ нѣсколькихъ спѣнь. Во времена Плинія здѣшняя почва славилась хорошимъ виномъ; нынѣ и того нѣтъ. Сказываюшъ, что одинъ аббатъ, читавшій со вниманіемъ

эшого древняго писателя, прїѣзжалъ нарочно изъ Рима искашь здѣсь нектара; но послѣ худаго и дорогаго обѣда воскликнулъ съ Цицерономъ: о времена! о нравы!

ФЕРРАРА, $\frac{2}{14}$ Сентября.

Рѣка По служишь границею между владѣніями Австрійскими и Папскими. Мы переправились чрезъ нее въ лодкѣ въ Поншеди Лаго Скуро, гдѣ находящся шаможня и спража. Дорога по правому берегу По естъ одна изъ худшихъ, какую шолько можно найши въ Италіи. Здѣсь нѣтъ ни мостовой, ни шоссе. *Феррара* окружена земляными укрѣпленіями и красивыми бульварами. Тополевая

аллеи дають городу видъ живописный. Дома здѣсь по большой части прехъэпажные; улицы широкія и прямыя. Древній замокъ герцогскій, окруженный водою, имѣешь наружнось величественную. Неподалеку ошь него, въ больницѣ Св. Анны сохранилась и пещница великаго Тасса. Я сходилъ съ благоговѣнїемъ въ эпоштъ мрачный и сырой подвалъ, въ которомъ пребылъ вѣсколько лѣтъ преемникъ Гомера и Виргилїя, наслѣдникъ ихъ славы и одинъ изъ величайшихъ генїевъ времени прошедшихъ. Къ сожалѣнїю, невѣжесиво или мучимая совѣсть его гонимелей сперла съ низкаго свода и со спѣнъ всѣ стихи, писанные углемъ, и, можетъ бышь, выразавшіе жалобу на гонимелей. Эпоштъ вершеть, — достойный памятникъ вѣковъ варварсва, не имѣешь ни одного окна и ни одного опверснїя, шакъ что несчастный узникъ могъ видѣшь свѣтъ дневной шолько изрѣдка и черезъ дверь. Путешественники, на память своего посѣщенїя этой пещницы, ломають здѣсь куски кирпичей; и одна изъ спѣнъ шолько уже попорчена, что пребуешь поправки. Въ здѣшнемъ

лицеѣ показывается богатое собраніе древнихъ медалей и гробница поэта Аріоспа.

БОЛОНЬЯ, $\frac{3}{16}$ *Сентября.*

Болонья лежитъ при подошвѣ Аппенинскихъ горъ и окружена живописными окрестностями. Улицы большею частію правильны и украшены хорошими поршиками, которые построены вмѣсто прощуровъ съ обѣихъ сторонъ для пѣшеходцевъ; отъ того онѣ всегда пусты, не смотря на большое народонаселеніе города, простирающееся до 60,000. Вниманіе путешественниковъ прежде всего останавливается на двухъ башняхъ,

споящихъ на одной площади и въ весьма близкомъ разстояніи. Одна изъ нихъ, извѣстная подъ именемъ Асинелли, поражаетъ чрезвычайно своею высокою; другая имѣетъ только 140 фузовъ высоты; но, подобно колокольнѣ Пизской, склоняется отъ перпендикулярной линіи на девять фузовъ; такъ что кажется безпрестанно падающею, когда смотришь мимо ея на облака, бѣгущія въ противоположную сторону.

Изъ публичныхъ памятниковъ достоинъ примѣчанія бронзовый Нептунъ, вылитый *Иоанноиъ Болонскимъ*, по образцу маленькаго антика, находящагося въ хранилищѣ древнейшей здѣшняго университета. Положеніе его превосходно; онъ стоитъ на мраморномъ фундамѣнтѣ и опирается покойно на презубецъ; между стѣмъ какъ вокругъ его дѣши держатъ нѣсколько рыбъ, завергающихъ воду.

Въ Болоньи есть довольно хорошихъ зданій; но между ними замѣтилъ я одинъ домикъ, плѣняющій своею наружностію. Съ одной стороны его написано: „Non domo dominus, sed domino domus; Не для дома господинъ, а для господина домъ.“ А вдоль фасада,

состоящаго изъ семи оконъ, начерпаны слѣдующіе стихи *Виргиліевы* :

«Obloquitur septem numeris discrimina vocum
«Inter odoratum lavri nemus;

ш. е. „Среди благоухающей рощи лавровой, онъ заглушаетъ своею семитонною гармоніею всѣ крики и разногласія.“ Эта надпись уже показываетъ, что домъ сей принадлежитъ вирпуозу, и не обыкновенному, а самому *Россини*.

Я видѣлъ въ *Болоньи* множество картинныхъ галлерей, хотя и не нахожу нужнымъ входить здѣсь въ ихъ подробности. Богатѣйшія изъ нихъ: 1) одного прелата, кошорая принадлежала, кажется, прежде фамиліи *Сампьерри*. Въ ней примѣчашеленъ рисунокъ *Рафаеля*, представляющій шрехъ нагихъ грацій. Онъ превосходенъ по правильности рисовки; но черты лица нимфъ грубы и безобразны. И если въ самомъ дѣлѣ онъ принадлежитъ *Гомеру живописи*; то мы вправѣ сказать, что нашъ *Гомеръ* здѣсь спитъ, dormit *Homerus*!

2) *Галлерей Замбеккари*. Къ рѣдкостямъ ея принадлежатъ барельефъ, представляющій поклоненіе волхвовъ, дѣланный Албертомъ Дюреромъ изъ глины, и другой барельефъ деревянный, также одного Нѣмца, представляющій распятіе съ тысячами самыхъ мѣлкихъ лицъ.

3) Въ галлерей *Марескалки* я съ благоговѣніемъ смопрѣлъ на Петра *Великаго*, писаннаго съ натуры Карломъ Моромъ.

4) Въ *галлерей графа Салине* есць двѣ превосходныя каршины Гвидо—Реневы: снѣжій амуръ и дѣшя съ голубями.

5) *Академія художествъ* обладаетъ также драгоценными произведеніями разныхъ школъ и между прочимъ, прекраснымъ пвореніемъ Рафаеля, представляющимъ Св. Цецилію.

Вообще какъ галлерей, такъ и церкви здѣшнія изобилуютъ произведеніями Болонской школы и даютъ о ней самое выгодное понятіе. Она соединяетъ въ себѣ всѣ совершенства школъ Римской и Венеціанской; и превосходитъ первую колоритомъ, а послѣднюю правильностію рисовки и натурою. Слава ея есць слава Гвида Рени, Гверчина,

прехъ Караччи и Корреджія. Аннибалъ, Людовикъ и Августинъ Караччи, между прочимъ, опличились и изящностію фресковъ; Антонио Аллегри Корреджіо естъ любимецъ грацій, которыя воспитали его и никогда съ нимъ не разсказывались.

В И Д Ъ Н І Е . . .

Въ галлерей Марескалки я пробылъ нѣсколько часовъ и думалъ, что я уже видѣлъ всѣ сокровища живописи.

Наконецъ смоприсель галлерей ввелъ меня въ кабинетъ и подаль миѣ кресла. Я улыбулся, смопря на его суешливостъ; и болѣе попому, что миѣ уже неоднократно

случалось бышь обманушымъ такими приго-
швленіями. Между шѣмъ шпофный занавѣсъ
поднимаеця; карпина движешя впередъ; и
передо мною ошкрылось видѣніе Ангельское
и пророческое. Въ одно мгновеніе я пред-
спалъ предъ Сына Божія, грядущаго на об-
лакахъ со славою, но не шакъ, какъ въ день
спрашнаго суда. Руки его просшерпы, но не
съ молніями, гошовыми испребишь землю,
какъ предспавиль его Рубенсъ, а съ благо-
словленіями, ниспосылаемыми свыше человѣ-
ческому роду. Въ очахъ его сіяюшь благосшь
и любовь; свѣпное лице его разливаешъ по-
всюду радосшь; и мнѣ казалось, все окружаю-
щее меня озарено было божеспвеннымъ его
сіяніемъ. Въ умленіи сердца моего я гошовъ
былъ упасшь передъ нимъ и пролишь благо-
дарныя слезы. Таково торжештво Корреджі-
евой кисти! Нѣпъ! Я не могу почши вѣришь,
чшобы художникъ эпого чуда въ часы свя-
шаго своего мечпанія, не былъ восхищенъ
на небо и не сподобился, виѣспъ съ Ангела-
ми, насладисья лицезрѣніемъ своего Искупи-
теля и Бога, котораго онъ искалъ въ во-
ображеніи и въ гаданіяхъ.

Не прежде, какъ уже спустиа минушы двѣ, увидѣлъ я въ эпомъ не прѣшупномъ свѣшѣ, окружающемъ Сына Божіа, шмы херуви-мовъ и Серафиновъ съ огнеобразными ихъ лицами. Такъ ушрениа звѣзды шонупъ въ сіаніа первыхъ лучей восходящаго солнца, разламвающихся въ немзѣримосши небеснаго океана!

БОЛОНСКІЙ УНИВЕРСИТЕТЪ.

Болонскій университетъ раздѣляется на чешыре факультета. Классъ физическій и при окружающія его залы заключають богатое собраніе машинъ электрическихъ, гальваническихъ, опшическихъ и многихъ другихъ снарядовъ. Въ залахъ акушерства и

анатоміи находящся превосходныя *восковыя* *фігуры* младенцевъ и взрослыхъ обоего пола и равныхъ возрашовъ, начиная опть зачатія до рожденія и опть рожденія до совершеннолѣтія; и не только цѣлыя фігуры, но и всѣ частн шѣла со всѣми соспавами, нервами и малѣйшими подробностями. Въ *кабинетѣ древностей* естъ при Египетскія муміи, рядъ Болонскихъ спашуй опть возрожденія ваянія до нашихъ времянь, одинъ маленькій бронзовый Непшунъ, который служилъ моделью Іоанну Болонскому для колоссальной его спашуй; естъ еще чешыре бюста Римскіе изъ двуцвѣтнаго мрамора, шо естъ съ бѣлыми головами и съ красноватыми шогани,—и болѣе нѣштъ почти ни одного памятника достопримѣчательнаго. Трудно понять, опть чего происходиштъ такая бѣдность здѣшняго универсишеса въ пособіяхъ, необходимыхъ для образованія вкуса; шога какъ онъ лежиштъ на древней пошвѣ и дышештъ, пакъ казашт, еще древнимъ воздухомъ. Что касается до *библіотеки*, въ ней счишашся разнаго рода сочиненій 140,000 шомовъ. Въ числѣ ихъ показываюштъ 187 шомовъ въ лисштъ,

сочиненія естествоиспытателя Альдрованди. Тутъ же есть одна зала съ превосходными фресками, въ которыхъ художникъ нарочно давалъ фигурамъ самыя трудныя положенія, для того чтобы преодолѣнiемъ трудностей удивить зрителей. Сверхъ того есть еще здѣсь собраніе портретовъ всѣхъ ученыхъ мужей сего университета; и между прочимъ портретъ и скромный памятникъ, посвященный изъ мраморной доски съ надписью, знаменитаго Алоизіа Гальванія, прославившагося открытiемъ явленія гальванизма.

Въ Болоньи есть очень хорошій ботаническій садъ и музей, богатый произведеніями природы. *Фосфоритескій Болонскій камень* получается на горѣ Пашерно, въ трехъ миляхъ отъ города. Онъ приготовляется обыкновенно посредствомъ химическаго превращенія его въ извѣсь; и приготовленный такимъ образомъ, на свободномъ воздухѣ превращается въ одну минуту въ раскаленный уголь.

Изъ окрестностей Болоньи достойна примѣчанія церковь *Мадонны дель-Гвардія*. Она стоитъ на скалѣ Апеннинской горы,

на колпоруу ведеть огромный портикъ, со-
стоящій изъ 700 аркадъ и проспиряющійся
на проспранствѣ шрехъ Ипаліанскихъ миль
или 4 Русскихъ верстѣ.

МО Д Е Н А, $\frac{6}{18}$ Септѣбря.

Дорога отъ Болоньи до Модены еспѣ прямая
линія, проведенная по гладкой долини; шакъ
чшо изъ одного города можно видѣшь другой,
не смотря на значительное ихъ распояніе (бо-
лѣе 30 верстѣ). Подлѣ *Кастела Франко* нахо-
дшся крѣпость, достопримѣчательная по ис-
порическимъ воспоминаніямъ. Она построена
папою Урбаномъ VIII вблизи того мѣста, гдѣ
консулы Фульвій и Панса были разбишы
Маркомъ Антоніемъ. Въ 1799 году другою

Маркъ Антоній, быспрокрылыи *Суворовъ* перелешль черезъ эпи рвы, наполненныя водою, поразилъ Французовъ и развилъ на башняхъ Русское знамя, хвала и слава Русскаго Бога.

Модена извѣстна въ исторіи шѣмъ, что въ ней скрывался Брушь по убіеніи Цезаря. Съ земляныхъ укрѣплений ея, обращенныхъ въ бульвары, видны улыбающіяся окрестности, неизмѣримая равнина и цѣпь Апеннинскихъ горъ. Большая улица *Strada Maestra*, украшенная поршиками, также служилъ мѣстомъ прогулокъ. Герцогскій дворець, лежащій на обширной площади, представлялъ какое-то великолѣпное смѣшеніе чешырехъ орденовъ архішешпурь, Дорическаго, Іоническаго, Коринескаго и Римскаго. Внушительность его ничего уже не представлялъ достопримѣчательнаго съ того времени, какъ сто лучшихъ картинъ изъ здѣшней галлерей, и въ томъ числѣ знаменитая ночь Корреджіева, были проданы за 50,000 фунтовъ стерлинговъ Августу королю Польскому и курфирспу Саксонскому. Прочія богатства его украшения разграблены

Французами во время перваго ихъ вторженія въ Италію. Башня здѣшней соборной церкви, славящаяся своею высокою, вся изъ мрамора. Театръ очень красивъ и построенъ частію по образцу древнихъ амфитеатровъ.

П А Р М А, $\frac{2}{19}$ Сентября.

Дорога отъ Модены до Пармы есть одна изъ лучшихъ въ Италіи, а слѣдовательно и въ цѣлой Европѣ. Она капишя черезъ ровную долину и пряма, какъ стрѣла. Вокругъ ея красивые домики, шумныя пажити, зеленныя рощицы, жапвы и виноградники. Вездѣ видны слѣды шрудолюбія и довольства. Кажется, только сейчасъ Флора и Церера про-

шли по сивъ прелестнымъ полямъ; одна разбросала повсюду цвѣтны, другая рассыпала грозды и плоды изъ неизчерпаемаго своего рога изобилія. Волшебныя картины эпикъ имѣеть, ясное небо и благорасшворенный воздухъ должны, безспорно, имѣеть самое счастливое вліяніе на развитіе способностей души. Здѣсь граціи лелѣяли и воспицали Корреджіо; и здѣсь же Мельпомена улыбалась поэзу Ариидиныхъ садовъ, великому Тассу. Первый родился въ мѣстечкѣ *Корреджіо*, верстахъ въ чепырехъ отъ дороги, недалеко отъ Модены; а вторыи въ городкѣ *Реджіо*, лежащемъ на самой дорогѣ. Полагали, что эшошь городокъ былъ опечесвомъ и знаменишаго Аріоспа, родившагося въ 1474 году.

Въ Париѣ царшвуееть шихо супруга Наполеонова Марія Луиза, при общихъ благословеніяхъ гражданъ и народа. Дворецъ ея сосшопшь изъ многихъ зданій разнаго зодчесшва, расположенныхъ по шпоронамъ большой квадрашной площади. Здѣшній шеашрь, построенный по черпешу Виньолы, имѣееть Зоо футовъ длины и

можешъ виѣспитъ до 9.000 зришелей. Вну-
треннее положеніе его имѣетъ шу выгоду
предъ прочими, что опшкюду равно можно
видѣшь и слышатъ дѣйствующія лица. Са-
мый тихій голосъ актера не перелется; шакъ
какъ и самый громкій не производитъ ни
опголоска, ни смѣшенія. Изъ церкви нѣтъ
ни одной доспопримѣчательной въ опноше-
ніи къ здчеству; кромѣ *Баптистеріи*, при-
надлежащей собору. Она имѣетъ видъ осми-
угольной башни съ чешырьма галлерейми,
кошорыя поднимающся однѣ надъ другими
и поддерживающся чешырьма рядами спол-
бовъ.

Мы приѣхали въ Парму поздно, а выѣхали
рано, не выдавъ ни карпинъ Пармезана, ни
перспективы Маццолы, обманывающей жи-
востію своею пилицъ, ни драгоцѣнныхъ фрес-
ковъ Корреджіо, кошорыми украшены здѣш-
нія церкви. Наконецъ, поварищи моего пу-
шешествія не согласились *потерять*, какъ
они говорили, двухъ часовъ и для того, что-
бы видѣшь одно изъ изящнѣйшихъ пвореній
Корреджіа, Мадонну ди сан-Джироламо, воз-
вращенную сюда изъ Парижа. Эшо были два

Англичанина, путешествовающіе, по ихъ словамъ, для образованія вкуса; только върояшно не по часпи искусствъ, а по часпи произведеній Италіанской кухни. Галлерей ихъ —практеры; они открыты для нихъ во всякое время. Счастливые дилеттанты!

ПАЧЕНЦА и ЛОДИ, $\frac{5}{30}$ Сентября.

Долина, просширающаяся отъ Болоніи до Паченцы, имѣеть примѣшное наклоненіе къ рѣкѣ *По* со стороны сѣвера; а съ южной стороны она поднимается до подошвы Апеннинскихъ горъ, копорыхъ цѣпь пивается непрерывно передъ глазами. Низвергающіеся съ вершины пошoki, спрашно бушующіе послѣ

дождей и почвы совсѣмъ высыхающіе въ лѣпную пору, пересѣкающъ безпрестанно дорогу. Вездѣ построены съ красивыми арками мосты, изъ которыхъ нѣкоторыя проширяются на двѣсти и болѣе сажень.

Между Пармою и горнымъ попокомъ Таро вспрѣчается множество виноградниковъ, убранныхъ по способу, предложенному еще Виргиліемъ. Въ Италіи каждая провинція имѣетъ свой особенный способъ въ расположеніи виноградныхъ лозъ. Въ иныхъ мѣстахъ виноградъ спелется по вершинамъ садовыхъ деревьевъ и бросается на землю прохладную стѣнь; въ другихъ виситъ на вѣтвяхъ въ видѣ балдахновъ или вѣшся съ одного дерева на другое гирляндами. И всѣ эти узоры какъ бы сняты съ нарочно приготовленныхъ для нихъ рисунковъ.

Пиаченца лежитъ на правомъ берегу По; въ ней нѣтъ почвы ничего достопримѣчательнаго, кромѣ двухъ конныхъ спашуй Герцоговъ Фарнезскихъ и церкви Св. Августина, построенной Виньолюю. Во время Французскаго правительсва Пиаченца была сборнымъ мѣстомъ всей артиллеріи Италіанска-

го Королевства, и представляла шумный лагерь; но съ паденіемъ Наполеоновымъ исчезли въ ней дѣятельность, движеніе и промышленность. Здѣсь оканчивалась древняя дорога *Эмилиева*, которая построена была при консулахъ Лепидъ и Фламиній, и соединялась въ Романъ съ *дорогою Фламиніевою*.

Въ *Лоди* на сѣнѣ одного дома сохраняется Лашинская надпись, въ которой сказано, что во время войны Гвельфовъ съ Джибеллинами явился на сѣнѣ иѣснѣ образъ Божіей Матери и проекратно прозвонъ громкимъ голосомъ: рах! рах! рах! Послѣ этого будто бы немедленно заключили миръ; а чудотворный образъ перенесли въ ближнюю церковь, оставивъ на сѣнѣ одинъ только списокъ. Городъ *Лоди* сдѣлался извѣстнымъ въ новой испоріи съ того времени, какъ въ 1795 году Бонапарте быспрымъ и опважнымъ нашествіемъ вырвалъ здѣшній мостъ изъ рукъ Австрійцевъ и завладѣлъ спрашными ихъ ба-шарями.

Отъ рѣки *По* до *Милана* долина Ломбардская примѣтно возвышается. По сторонамъ

дороги проведены каналы, которые несутъ свѣплюю воду изъ опдаленныхъ озеръ Маджіоре и Кома; и если нужно, могутъ въ нѣсколько часовъ, посредствомъ опводоу, покрыть ею всѣ луга и пашни. Поля здѣсь, такъ какъ и во всей Ломбардіи, состоятъ почти всегда изъ квадратовъ; а между служащихъ имъ ряды деревьевъ, переплетенныхъ виноградными вѣшьями. Самое обыкновенное здѣсь жито — *мелъса*, которая, по Италіанской пословицѣ, и родится и умираетъ въ водѣ, то есть въ болошнихъ мѣстахъ. Дѣлаемый изъ нея хлѣбъ цвѣтомъ желтъ. Всѣ хлѣбы другаго рода, какъ увѣряютъ, очень вредны для шамоннихъ жителей, если употребляются безъ вина; наполивъ того хлѣбъ изъ мелги доставляетъ ту выгоду, что его можно ѣсть, не запивая виномъ.

Я опять въ Миланѣ, взгляну еще на здѣшнія рѣдкости; и черезъ нѣсколько дней отправлюсь прямо въ Туринъ.

ТУРИНЪ, $\frac{16}{27}$ Сентября.

Мѣстоположеніе. Дворцовая площадь. Дворецъ. Университетъ. Планировка улицъ. Площадь Св. Карла. Церковь Сунерга.

Сполиця королевства Сардинскаго сполншъ на шой равнинѣ, гдѣ Апеннинскія горы, понижаясь поспешенно, склоняюся съ почтеніемъ передъ величавыми Альпами. Съ одной спороны роскошные холмы, усѣянные рощами, замками и монастырями; съ другой увѣнчанные снѣгами Аппаншы, подпирающіе вершиною своею небо, даюць Турину видъ карпины богатой и великолѣпной. Внушрениосшь города плѣняеть какъ красошою домовъ, пакъ и правильностію улицъ, копоры по большой часши пересѣкаюся подѣ

прямыми углами. Главная площадь — *дворцо-
вая*; она образуешь чешвероугольникъ, обме-
сенный съ прехъ споронъ поршиками. По-
среди ея стоишь старый дворець съ новымъ
фасадомъ, съ красивою аркою и съ великими
башнями, расположенными безъ симметрии.
Недалеко отъ фасада естъ одно мѣсто, съ
кошорого открывающа вдругъ чешыре ули-
цы, оканчивающа прекарными видами.
Одна изъ нихъ идешь къ Альпамъ на сѣ-
верь; другая сквозъ арку и узорчатые чу-
гунные ворота стараго дворца къ рѣкѣ По
и къ винограднику королевы; западная про-
ходишь черезъ площадь Св. Карла; восточ-
ная сквозъ ворота новаго королевскаго
дворца.

При входѣ во *дворецъ* стоишь на лѣст-
ницѣ конная статуя Виктора Амедея II.
Конь сдѣланъ изъ мрамора; всадникъ вылитъ
изъ бронзы. На подножии мѣсчена слѣдую-
щаго содержания Лашинская надпись: „Ты
видишь здѣсь изваянный образъ мужества и
справаго правосудія; но ты увидѣлъ бы всю
его душу, если бы металлъ могъ выражать
крошость и благосѣ.“

Первыя залы дворца украшены шикарными картинами Туринской фабрики, не уступающими Гобеленовымъ. Въ прочихъ комнатахъ находишь довольно богатое собраніе новыхъ и древнихъ картинъ, писанныхъ лучшими художниками. Въ числѣ ихъ есть картина, которая прямо представляеть одного папу, съ лѣвой стороны Людовика XIV, а съ правой его супругу. Одинъ Венеціанскій монахъ украсилъ весь королевскій кабинетъ миниатюрными портретами на зеркальныхъ стеклахъ. Вообще внутренность дворца убрана богато и со вкусомъ.

Подлѣ него находишь обширный садъ, украшенный статуями, цвѣтниками, куртинами и пышными деревьями. Онъ открытъ для публики, хотя эта публика состоитъ, по большой части, изъ пяти или десяти особъ. Высокіе и просторные портики улицы *По*, простирающіеся по обѣимъ сторонамъ и во всю длину ея, служатъ обыкновеннымъ мѣстомъ прогулки для гражданъ, и особливо въ продолженіе вечера.

На этой же улицѣ находится *университетъ*, кошораго дворъ, шакъ какъ и въ прочихъ университетахъ Италіянскихъ, внутри украшенъ поршиями, а въ спѣнахъ имѣеть множеспво вспавленныхъ камней съ Липинскими надписями. Въ кабинетѣ древностей достоинъ примѣчанія Римскій мѣдный жерпвенникъ. Онъ оплпчается опъ прочихъ извѣспныхъ шѣмъ, что можешъ раздвпгаться и сдвпгаться по промаволу, и впѣщашъ въ себѣ разной величины жерпвенные сосуды. Въ полу кабинета вдѣманы при Римскіе мозаика, предспавляющіе льва, барса и Аполлона съ лирою. Но главное сокровище этого университета и единспвенная въ своемъ родѣ рѣдкостъ есть знаменпшая *доска Изидина* (*tabula Isiaca*), сдѣланная изъ мѣди, покрышой чернымъ или красновашымъ лакомъ, и имѣющая въ вышпну 3 фуша, 10 дюймовъ и при линіи; а въ шприну 10 фушовъ, 3 дюйма и 9 линій. Названіе свое получила она опъ главнаго лица, шо есть опъ Изиды, изображенной сшдающею, съ перьями на головѣ и съ воловьими рогами. По споронамъ предспавлены жрецы и жерпвенники со множеспвомъ

гieroглицовъ, копорые до сихъ поръ осша-
юшся еще необьясненными. Объ этой
доскѣ писали графъ Кейлюсь и многіе
другіе ученые; но изъ всѣхъ различ-
ныхъ ихъ мнѣній одно шолько почи-
шается нѣскольکو вѣрояпнымъ, — что по-
селенцы Египетскіе, желая сохранить па-
мять въ попомствѣ о жерпвенныхъ обра-
дахъ своего прежняго ошечеспва, вырѣзали
ихъ на мѣди. Работа этого памяшника очень
похожа на чеканную; черпы углублены шоль-
ко на половину линіи; и во многіхъ мѣспахъ
имѣюшъ серебряную насѣчку. Увѣряюшъ,
что края окованы были прежде серебрянымъ
обладомъ.

Кромѣ универсишеша, есть еще въ Тури-
нѣ академія наукъ, богатый музей и обсер-
ваторія. Зданія всѣ вообще выбѣлены или
обращены. Улицы, пересѣкаясь подъ прямыми
углами, раздѣляюшъ весь городъ на 145 час-
шей или квадратовъ. По каналамъ вездѣ про-
ведены свѣшлые и прозрачные ручьи, разли-
вающіе прохладу въ воздухъ. Улица *По* окан-
чивается полукруглою площадью, обсажен-
ною деревьями и извѣсною подъ именемъ

Ромдо. *Площадь Св. Карла* также достойна примѣчанія по своей правильности и по красотѣ портика, проведеннаго съ двухъ сторонъ ея. Нѣкошорые почитаютъ ее первою въ Италіи; а пошому первою и въ Европѣ;— логика не совсѣмъ правильная. Изъ 110 церквей и капеллъ многія плѣняютъ красотою фасада и обширностію куполовъ. Церковь Св. Карла осмаетса закрышою. еще съ того времени, какъ вандалы Французской революціи поругались надъ ея святынею. Вѣроятно правительспво намѣрено ославить ее навсегда въ такомъ видѣ, для назиданія пошомспва въ чувспвахъ религіи и для усрашенія его мрачными воспоминаніями о звѣрствѣ людей, опвергшихъ вѣру и Бога.

Изъ окреспности Турина достпойны примѣчанія дворець, называемый *Виноградникомъ королевы*, лежащій на скаств холма прямо противъ каменнаго моста и улицы По. Съ шеррасы Капуцинскаго монастыря виденъ весь городъ; съ купола *Суперги* видна вся цѣль горъ Пиемонтскихъ и вся долина, проспиррающаяся до Милана на проспранствѣ 120 верспъ. Эшонтъ видѣ еств одинъ изъ

обширнѣйшихъ и великолѣпнѣйшихъ въ Ита-
ліи. Церковь *Супера* стоитъ на высокой
горѣ, въ шести миляхъ отъ Турина. Она
построена въ память разбитія Французовъ
въ 1706 году; но во время революціи Фран-
цузы оказали этому памятнику самое ужас-
ное мщеніе, разрушивъ многія его украшенія,
разграбивъ сокровища и просперши свято-
шамспенныя свои руки на гробы королей,
почіющихъ въ подземельѣ храма.

ГАЛЛЕРЕЯ МАРКИЗА ГАМБИАТИ.

Сколько богатъ Туринъ изящными про-
изведеніями здѣшсва, столько бѣдетъ шво-
реніями живописи. Въ этомъ отношеніи,

*

кажется, онъ совсѣмъ не принадлежитъ уже къ Италіи. Во снх церквахъ нѣтъ ни одной каршины досшопримѣчательной; да и въ цѣломъ городѣ одна только каршинная галле-рея, принадлежащая *маркизу Гамбати*, за-служиваетъ вниманіе.

Маркизь спрасстный любитель худо-жесствъ, знаетъ имъ надлежащую цѣну и имѣетъ вкусъ образованный. Онъ всегда самъ показываешь и объясняешь иностран-цамъ свои сокровища; и бесѣда его сколько же назидательна, сколько и пріятна по лас-ковости обращенія, возбуждающаго къ нему уваженіе и довѣренность. Я споялъ передъ головою Спасителя, изъязвленною шерно-вымъ вѣнцемъ, когда маркизь вошелъ ко мнѣ. „Вы не ошиблись, сказалъ онъ съ улы-бою удовольствія; эта голова естъ одна изъ первыхъ каршинъ сей залы и одна изъ луч-шихъ произведеній *Гвидо - Рени*. Видите ли въ лицѣ этого Спрадальца Божесство и въ глазахъ, обращенныхъ къ небу, совершенное сердоболіе о заблужденіяхъ міра? Мнѣ кажется, я слышу сіи послѣдніа слова его: „Ошче! опшусли имъ, не вѣдьяшъ бо, чшо шворяшъ.“

Въ другой залъ мы оспановились передъ *мугеніемъ Св. Варвары*, пвореніемъ Микель-Анжело Буонарошпи. Руки ея связаны; глаза, подыашые въ верхъ, видяшь въ небесахъ поржество Святой Троицы; лице ея сіяепть совершенною довѣренностію къ Промыслу. Одинъ изъ палачей гомовъ уже занесши сѣкиру; и народъ смоприпть съ ужасомъ на эпо зрѣлице. Другая картина, приписываемая Леонарду да Винчи или Бернардину Лувини, предспавляетъ шуже Свяшую Варвару съ развернушою книгою, а вдали высокую башню, можешъ бышь, мѣспо ея уничтоспва и спраданій.

Эши двѣ картины дали мнѣ поводъ расказать испорію мощей Великомученицы Варвары, копорыя покояпся шеперь въ Кіевскомъ Михайловскомъ Соборѣ. Маркизь вынулъ карманную книжку, записалъ въ ней карандашемъ все, что показалось ему занимательнымъ; и повшорилъ нѣсколько разъ пословицу, что всегда можно чему нибудь научишься.

Теперь посмоприше же на моего добраго Рафаеля, сказаль онъ съ чувспвомъ удоволь-

сшвія, подавъ миѣ кресла и показавъ *Св. Фамилію*, одну изъ превосходнѣйшихъ твореній этого великаго генія. Младенецъ Іисусъ принимаетъ крестъ изъ рукъ младенца Іоанна; Іосифъ, опираясь на посохъ, смотришь на шаманство дѣйствія съ любопытствомъ; Св. Дѣва Марія чшпала Великій Завѣтъ, прервала чшеніе и обратила голову, чпобъ взглянуть на своего Божественнаго Сына. Взоръ Іисуса — быспрый, пронцапельный и исполненный небесной важности; неподвижные глаза и нѣсколько раскрытыя уста Іоанна выражаютъ его предвидѣніе и изумленіе. Рафаель много разъ повшорялъ эти двѣ головы; кажешся, онъ самъ былъ очарованъ ихъ идеалами; самъ старался подражать имъ и приблизиться къ ихъ совершенству.

Въ третней залѣ занимаетъ первое мѣсто *Св. Фамилія Гвидо-Рени*, въ которой Божія Матерь держитъ Іисуса, просягивающаго руку съ персикомъ; между нѣмъ какъ два младенца пшнутса сзади, чпобъ поспрѣшь на него. Эта картина, по словамъ маркиза, похищена была Французами въ Москвѣ и продана ему за дорогую цѣну.

Еще оспалось нѣсколько компангъ съ кар-
пинами; но маркизу доложили о прибышїи
къ нему одного министра, и я хопѣлъ пош-
часъ удалиться. „Нѣтъ, сказалъ маркизъ;
министръ можетъ подождать, пока мы кон-
чимъ;“ и, не шоропясь нимало, продолжалъ
свои замѣчанія. Эта одна черта показыва-
етъ уже весь его характеръ. Онъ мнѣ ка-
жется Крезомъ, только въ смыслѣ ученомъ,
а не историческомъ. Сокровища его—произ-
веденія изящныхъ искусствъ, самое блиста-
тельное шипло для него—званіе художника
или любителя художествъ; а вся гордость
его заключается въ пламенномъ чувствѣ къ
изящному. Однимъ словомъ: если бы увидѣлъ
его древній Солонъ; то онъ, можетъ быть,
перемѣнилъ бы образъ своихъ мыслей и ска-
залъ бы, что есть люди, которые могутъ
назваться и прежде смерти своей счастли-
выми.

СУЗА, $\frac{20 \text{ Сентября.}}{2 \text{ Октября.}}$

Риволи есть небольшой городокъ, состоящій изъ пяти тысячъ жителей. Посреди его, на кругломъ холму, опоясанномъ цвѣшниками и дорожками, стоитъ королевскій замокъ. Черезъ прямую аллею, проведенную отсюда къ Турину на пространствѣ 20 верстъ, видна часть этой столицы и церковь Суперга; съ другой стороны представляется Бенедиктинскій монастырь Св. Михаила, висящій на краю огромнаго утеса. При подошвѣ его лежитъ мѣстечко Св. Авросія. Здѣсь оканчивается немѣримная Ломбардская долина, и начинаются *Альпы*. Роскошные виды *Испалии* исчезаютъ; и путешественникъ долженъ приготовиться къ зрѣлищу предмешовъ джкихъ, грозныхъ и

величественныхъ. Двѣ цѣпи горъ ведутъ васъ во глубину новаго міра, по долинь, засыпанной пескомъ и взрытой бурною Доарою, бѣгущею на встрѣчу. Развалины рыцарскихъ замковъ, разбросанныя изрѣдка по пригоркамъ, располагають душу поспешенно къ мрачнымъ мечпаніямъ.

Суза, послѣдній Пиемонтскій городокъ, опшоящій опъ Турина на одинъ день ѣзды, лежитъ при подошвѣ Монсениса. Она обязана основаніемъ своимъ колоніи Римской и сохраняетъ еще до сихъ поръ поржественныя ворота, воздвигнутыя въ честь Августа, съ двумя колоннами Коринескаго ордена и съ барельефами, представляющими жертвоприношеніе. Двѣ позолоченныя спашум Юлія Кесаря и Августа, и бронзовыя доски съ надписями, которыя находились на этой аркѣ, похищены Французами во время революціи. Въ народѣ сохранилось преданіе, что будшобы Геркулесъ проходилъ здѣсь въ Галлію, а Аннибаль спушилъ здѣсь же въ Италію. Эшо нѣсколько похоже на правду; пошому что долина Доарь-Риперская въ Пиемонтѣ и долина Грезиводанъ, идущая опъ

Гренобля, представляли симъ героичъ самыя прямыя и единственныя входы и выходы. Ученые неоднократно уже принимались искать съ большимъ тщаніемъ слѣдовъ Аннибаловыхъ; но, мнѣ кажется, не надлежало бы перяпъ изъ виду одного важнаго обстоятельство, упоминаемаго въ испорикъ. Войско Карфагенское, какъ въ ней сказано, послѣ долгихъ и неимовѣрныхъ трудностей перехода черезъ Альпы, увидѣло наконецъ съ вершины одной горы великолѣпную равнину Ишаліи и наполнило воздухъ радостными восклицаніями. А по свидѣтельству здѣшнихъ жипелей, во всемъ прошиженіи южной цѣпи Альпійской нѣтъ ни одной шакой горы, кромѣ Молона, поднимающагося въ видѣ мыса надъ Сузою и длиннымъ хребтомъ своимъ примыкающаго къ Монсенису. По крайней мѣрѣ мы не имѣемъ повода сомнѣваться въ томъ, что Юлій Кесарь шелъ съ войскомъ своимъ въ Галлію черезъ Сузу; и дорога Августова въ Дофиней, кошорая здѣсь имѣла свое начало, вѣроятно проведена была уже по слѣдамъ, преложенымъ Римскими легіонами. Вышеозначенныя оспани-

ки древностей служатъ пому достаточнымъ доказательствомъ.

МОНСЕНИСЬ, $\frac{21 \text{ Сентя.}}{3 \text{ Октябр.}}$

Дорога черезъ Монсенись, начатая по повелѣнію Наполеона въ 1810 году и окончанная въ 1811, принадлежитъ также къ любопытнымъ памятникамъ нашего вѣка. Она поднимается сначала извилинами, и потомъ идетъ косогоромъ вдоль хребта Монсениса, съ восточной стороны его. Первые лучи солнечные заблещали на вершинахъ горъ, надъ нашею головою въ то время, когда мы приближались къ оврагу Джіальонскому. Передъ

нами развертывалась вся долина Доарь-Риперская, за копорою вдали видны были монастырь Св. Михаила и холмы Туринскіе. Подъ ногами нашими разверзались спрашныя пропасти; по дну ихъ пняется бѣлою полосою бурный попокъ съ узкою долиною, отдѣляющею высокій хребетъ Мелонскій отъ ребръ Монсениса. На оспромъ, выдавшемся мысъ Молона, едва примѣтна часовня Мадонны, называемой Снѣгообразною. Тамъ приносипса жершва Творцу, въ виду Ишаліи и окрестныхъ Альповъ: но обѣдня бываешъ очень рѣдко; отъ того что нѣтъ ни дороги, ни пропінки, копорая бы вела шуда. Священники и пилигримы, оспавляя своихъ ословъ на полугорѣ, принуждены боропься съ величайшими препонами, по цѣпляясь за камни, по скользя внизъ съ голышами; и, въ сырую погоду, часто возвращающся безъ успѣха отъ края своихъ желаній.

Около оврага Джіалъонскаго построена каменная стѣна для удержанія лавинъ, падающихъ здѣсь зимою. Нѣсколько далѣе встрѣчаешся другой оврагъ Венаусъ, знаменитый также своими лавинами, копорыя падающъ

ежегодно и пересѣкають дорогу на пространствѣ 32 сажень. Но онѣ менѣ здѣсь опасны, нежели въ прочихъ мѣстахъ; потому что онѣ раждаются въ огромномъ бассейнѣ, лежащемъ на значительной вышинѣ; и потомъ низвергаются по узкому и извилютому каналу, разбиваясь объ остріе утесовъ. Кроме того издаваемый ими гулъ, подобный перекашу опдаленнаго грома, слышенъ бываетъ еще за четверть часа до паденія ихъ на дорогу; что и служило спасительнымъ сигналомъ для путешественниковъ. Оврагъ Кланешскій, прежде почти совсѣмъ непроходимый, также защищеною шеперъ опять осыпающихся камней и земля крѣпкою каменною спѣною, имѣющею 1 саж. и 4 фута вышины и 93 сажени длины. Отсюда видна бѣдная деревня Св. Николая, копорой, кажется, опказали въ убѣжищѣ и земля и небо. Она лежитъ въ ущелии Сенисской долины, подѣ высокими утесами, угрожающими ей паденіемъ камней и лавинъ. Черезъ нее проходила старая дорога; со времени построенія новой, жили ея, бывшіе горными проводниками, лишились послѣдней

своей промышленности и принуждены искать себѣ скудной помощи на однихъ распушіяхъ. Здѣсь оканчивается Сенисская долина, идущая отъ самой Сузы между двумя горными хребтами. Нѣсколько выше этого ущелія, первая дорога Наполеонова проведена была на 111 сажень, по голой скалѣ, сквозъ нарочно построенную для нея галлерею; потомъ сквозъ самую скалу на 18 саж. и 6 фушовъ; но отъ паденія камней и лавинъ она уже разрушилась; и теперь проведена нѣсколько ниже, прямо черезъ бассейнъ и черезъ попокъ по насыпному мосту. Изъ бассейна поднимается она на крушой пригорокъ въ разныхъ направленіяхъ и представляетъ видъ лѣшницъ, огражденных съ вѣшной стороны каменными перилами. Подлѣ нея падаетъ съ утеса и разбивается съ яростию попокъ Сенисъ. Онъ представился намъ во всей своей пышности, окруженный радугами.

Здѣсь начинается плоская возвышенность Монсемса. Лишь только мы успѣли спуститься на нее; черное облако вырвалось изъ ущелія долины Сенисской, какъ бы изъ Авериской пещеры, поднялось слѣдомъ за нами и

разсыялось вокругъ насъ въ видѣ мѣлкого дождя. Опъ моста Большаго Креста проведена черезъ болошо длинная насыпная плоштина; по краямъ ея распавлены высокіе столбы для означенія дороги въ зимнее время, когда она бываетъ засыпана сугробами. Посреди этой возвышенности, къ удивленію и очарованію путешественниковъ, вдругъ открываея обширное озеро, отражающее въ прозрачныхъ водахъ своихъ всѣ окрестные утесы. Съ правой стороны его, подлѣ самой дороги стоятъ спраннопріимный домъ, основанный еще Карломъ Великимъ. Наполеонъ прислалъ къ нему казармы для 2,212 солдатъ и конюшни для 300 лошадей. Нѣсколько далѣ встрѣчаея деревенька, состоящая изъ пяти пракшировъ. Берегъ, на кошоромъ она лежишь, весь усянъ небольшими провалами или колодезями; и всѣ эти колодези, вырытые самою природою, служатъ ледниками почти до наступленія лѣта. По другую сторону озера видно между утесами широкое ущеліе, покрытое зелеными и пучными пажитями. Тамъ обиталище въшровъ и зимнихъ вьюговъ. Сорвавшись, какъ

бы съ цѣпей Золовыхъ, они вылетаютъ опшуда на плоскую возвышенность Монсеннса и бушуютъ опъ одного ея края до другаго со всею своею яростію.

Наконецъ за деревенькой Рамассою вдругъ опкрывается посадъ Ланслебургъ, лежащій при подошвѣ Монсеннса съ западной спороды его и пошокъ Аркъ съ узкою долиною, проспирающеюся въ видѣ зеленой полосы. Дорога здѣсь сходитъ шесстью длинными изгибами, пересѣкая крушую опшогоссть въ двухъ прошивоположныхъ направленіяхъ. Она имѣетъ скату пять дюймовъ на сажени и ограждена одною сптною сверху для удержанія осыпей, другою снизу для предохраненія опъ пропастей. До построенія эпои дороги, путешественники спускались обыкновенно опъ Рамассы до Ланслебурга въ маленькихъ санкахъ, пробѣгая въ семь минутъ около 10 верспъ съ однимъ шолько проводникомъ. Но это капанье соединено было съ большими опасностями; потому что каждый неосторожный полчокъ и промахъ ноги могли или разбить объ камни или низвергнуть въ оврагъ и жожапаго и всадника. Увѣряютъ,

что подобныя риспалища продолжаются еще и нынѣ вдоль дороги; но только съ меньшею скоростію и съ большею увѣренностію въ безопасности.

На Монсенисъ, какъ и на Симплонъ, построено до 25 домовъ для убѣжища. Живущіе въ нихъ кантониры зимою обязаны подавать помощь путешественникамъ и расчищать сугробы, а лѣтомъ поправлять дорогу. Во время вьюги и бурныхъ ночей звонятъ въ колоколъ, чтобъ предохранить пѣшеходцевъ отъ опасностей. Всѣ эти мѣры, сколько благодѣтельныя для человѣчества, оснавлены Сардинскимъ королемъ въ прежнемъ ихъ видѣ. Впрочемъ онѣ не споятъ никакихъ издержекъ правительству; попому что, для содержанія спражей и для починокъ дороги, проѣзжающіе должны платить установленную закономъ, значительную пошлину (*).

(*) Съ лошади и съ мула по два франка, съ телеги по три, а съ кареты и со всѣхъ повозокъ, которыя на рессорахъ, по шести франковъ.

А Л Ъ П Ы.

Земля остаётся въ Италіи, небо на Монсенисъ; на берегахъ Арка начинается новый міръ, совсѣмъ непохожій на пошъ, въ которомъ мы живемъ.

Прежде всего поражаетъ васъ крѣпость Эшильонъ (Азильонъ), защищающая долину и дѣлающая ее неприсутною для непріятелей. Она построена только въ прошломъ году и состоитъ изъ семи стѣнъ, которыя поднимаются амфиатромъ надъ высокимъ и ошвѣсными утесами. Мостъ, лѣсъ, скалы и пробитая сквозь нихъ дорога съ лѣвой стороны потока, даютъ себѣ мѣсту видъ дикій и величественный. Рядомъ съ крѣпостію, со скалы, имѣющей сто футовъ вышины, низвергается прекрасный водопадъ

Св. Бенедикта ; переплещя въ безднѣ; снова падаетъ алмазною полосою и опять исчезаетъ въ ущеліяхъ.

Далѣе природа представляетъ всѣ дикія карпины, какія только въ состояніи сошпорить одно романтическое воображеніе: шпицы, похожіе на Готическія зданія, — утесы, имѣющіе видъ крѣпостей, — опорванные камни, вросшіе въ землю, — развалины цѣлыхъ горъ и болѣе или менѣе красивые водопады. Часто надъ головою колеблются скалы, а подъ ногами зябеть адъ со всѣми ужасами. Ребра горъ — то обнаженные, то одѣтые соснами и изрытые стремленіемъ потоковъ, падающихъ при наспувленіи весны и послѣ сильныхъ дождей. На долинахъ, размытыхъ водоскатами, распулъ можжевеловые и ракитовые кустарники. Всѣ вообще травы и прозябенія свидѣльствуютъ только о близкой области зимы. Вездѣ примѣтны слѣды ея владычества; хопя и весьма рѣдко видишь надъ головою своею убѣленные снѣгомъ вершины. Онѣ представляются взору только въ то время, когда отъ нихъ удаляешься. Нѣтъ здѣсь ни рыцарскихъ, ни новыхъ замъ

ковъ, ни великолѣпныхъ мызъ, ни богатыхъ помѣстій. Власполюбіе и пышность бѣгутъ съ ужасомъ отъ этихъ печальныхъ юдолей. Одни только бѣдные посады Моданъ и Сенпъ-Мишель, зеленый виноградникъ мѣстечка Сенпъ-Жульена и скудный городокъ Сенпъ-Жанъ, лежацій въ огромномъ бассейнѣ, напоминаютъ о живыхъ существахъ, о жизни и о движеніи.

Ночью слышишь только паденье ручьевъ, гулъ водопадовъ и шумъ ярящагося пошока. Луна плаваешь надъ зубчатыми утесами и бросаетъ длинныя ихъ тѣни на противоположныя горы.

Послѣ пучи, разразившейся надъ горными хребтами, огромныя массы камней, песку и извести низвергаются въ долину и во многихъ мѣстахъ заваливаютъ дорогу. Бѣдные Савояры, вооруженные заступами, ищутъ слѣдовъ ея, и поправляютъ каменные сплѣны или спроятъ новыя для предохраненія ея отъ новаго разрушенія. Вездѣ видны слѣды суроваго времени. Здѣсь изъ развалинъ утесовъ соспалились цѣли пригорковъ; тамъ зыблющіяся скалы грозятъ близкимъ разру-

шеніемъ; далѣ бурные попоки образовали цѣлый рядъ песчаныхъ кургановъ. Опъ самаго Ланслембурга до Эгбеля, на пространствѣ 120 верстъ, пянупся непрерывно надъ дорогою двѣ цѣпи горъ, поднимааясь на 1000 и на 1500 сажень. Это гиганты, воюющіе съ небомъ. Одни изъ нихъ гордо возвышаюпъ чело свое; другіе падаюпъ, какъ бы раздробленные перунами Юпитера. Такова картина Альповъ!

ДОЛИНА МОНМЕЛЬЯНСКАЯ.

Въ окрестностяхъ Мальшаверна раскрываются новые виды. Горы мало по малу расходятся и понижаются; на вершинахъ ихъ зеленѣютъ густыя рощи. Передъ ними тя-

нуся подобно террасамъ, ряды холмовъ, украшенныхъ богатствомъ и роскошью природы. Подошва Монмельяна, знаменишаго виномъ своимъ, вся покрыта виноградникомъ. Здѣсь скрываются отъ взора Альпы и показывается новый хребетъ Дофинейскій. Посреди его стоитъ гора Гренье, въ видѣ полукружія или новой луны, обращенной рогами въ верхъ. При подошвѣ ея, по словамъ одного лѣшписца, въ 1249 году поглощенъ былъ землею городъ Св. Андрея съ 16-ю деревнями. Тамъ еще и до сихъ поръ видны слѣды проваловъ, извѣстныхъ подъ именемъ Міанскихъ; памъ же разсыно множество холмовъ, составившихся, повидимому, изъ развалинъ горы.

Между Монмельяномъ и горою Гренье развертывается одна изъ великолѣпнѣйшихъ долинъ Савойскихъ, пересѣкаемая садами, огородами и лужайками, въ видѣ круговъ, треугольниковъ, квадратовъ. Посреди ея катится ровная дорога, осѣненная пополевою аллеєю; съ правой стороны, на высокомъ пригоркѣ стоятъ двѣ полуразвалившіяся башни Готическаго замка. Надобно остано-

выпсья на какомъ нибудь возвышеніи со стороны Шамбери, чпобъ увидѣть вдругъ и прелести эпой долины и дикость Дофнейскихъ ущесовъ и все величіе Альповъ, проспирающихся, въ видѣ бѣлыхъ шапровъ, по южному краю небосклона.

ИТАЛІЯНЦЫ.

Италію по справедливости называютъ раемъ Европы; но справедливо и то, что эпогъ рай населенъ людьми падшими, — народомъ, потерявшимъ подобіе своихъ предковъ.

Доблесть Римская времянь Фабриціевыхъ извѣстна здѣсь только по слуху; одни поро-

ки вшорато и прешьяго вѣла, какъ наслѣдіе завѣпное, сохранились неизмѣнными. Эшо Римляне уже разслабленные, понуціе въ нѣгѣ, въ роскоши и въ бѣдності.

Разительныя черты, оплечающія Италіянца, суть черные и какъ бы полубозженные волосы, смуглое лице и выразительность въ голосѣ, сопровождаемый обыкновенно шлодвиженіями. Въ бѣглыхъ и верпящихся глазахъ его видны, хопя и не надолго, пламень воображенія и живость чувства. Благораспоренный воздухъ и всепроникающій эфиръ, развершывая душевныя способности и склонности прежде времени, производяпъ здѣсь такое же дѣйствіе въ мірѣ нравственномъ, какъ и въ физическомъ. Жизнь Италіянца по большей части романтическая, которую онъ часто начинаепъ еще на пятнадцатомъ году. Любовь, ошарывающая ему сладость бытія, и ревность, перзающая его сердце, сопутствуютъ ему съ эпого времени до маспипыхъ сѣдинъ. Въ Италіи, какъ и во Франціи, нѣтъ мужей, и старость также быстро наступаепъ здѣсь

за юностию, какъ въ Россіи осень за лѣтомъ.

Италіянцы по большой части привѣтливы и ласковы; но эти качества, кажется, происходятъ не столько отъ врожденной доброты, сколько отъ признанія слабости и уничтоженія, въ которомъ они поставлены и до котораго сами довели себя. Пошривъ древнее благородство, они содѣлались недостойными и древней самобытности. Священное чувство любви къ отечеству, — источникъ блестящихъ дѣяній и гордость великихъ душъ, — погасло какъ бы навсегда въ душѣ ихъ. Консулъ Бонапарте наложилъ на нихъ ярмо рабства; они облобызали руку его, воздвигли ему торжественный восторгъ и обоготворили его въ произведеніяхъ изящныхъ искусствъ. Я видѣлъ въ одной Ломбардіи множество картинъ и статуи, представляющихъ Аполлона, Геркулеса, Марса и Юпитера съ порпешною головою Бонапарте (то есть съ стриженными волосами и съ бритою бородою); — достойные памятники низкой и рабской лести! Привыкнувши бытъ управляемы бичемъ или булавою, Ита-

ліяцы скучаюць і ропсуюць падъ мирнымі
скіпешрамі законныхъ правітельспівъ.

По вѣдому нѣтъ народа набожнѣе
Италіянцевъ, которые молятся во всякое
время, и дома и на торжищахъ. Но эта
мнимая набожность, по большей части, есть
не что иное, какъ изувѣріе, омраченное са-
мымъ грубымъ невѣжесвомъ. По дорогамъ
разспавлены вездѣ часовни; горы прообразу-
ють или Фаворъ или Ермонъ; наружность
домовъ покрыта иконами, и надъ дверями
самыхъ пышныхъ мѣстъ видны изображе-
ніе Мадонны.

Легковѣріе Италіянцевъ проспирается до
неимовѣрной степени. Они не ищутъ, а
шребуютъ чудесъ, не разсуждая нимало о
ихъ достовѣрности. Сновидѣнія, гаданія,
волшебства, все входитъ въ систему ихъ
суевѣрія. Они привязаны къ чувствительности
до иллишесства и все духовное хопятъ об-
лечь въ вещеспвенность. Многіе изъ цер-
ковныхъ праздниковъ смѣшаны съ древними
Римскими обрядами; другіе обращены въ дра-
матическія предспавленія: таковъ праздникъ
поклоненія волховъ, получившій начало

въ XIV столѣтіи въ Миланѣ и еще до сихъ поръ представляемый во многихъ мѣстахъ Италіи.

Индулгенція папскія до сихъ поръ почти такой же имѣютъ ходъ въ Италіи, каковой имѣли въ принадлежномъ или четырнадцатомъ столѣтіи. Этимъ именемъ, какъ известно, называющагося грамопы, дарующія отпущеніе грѣховъ будущихъ на определенное время или на всю жизнь. Самыя важныя изъ нихъ послѣднія, носящія шпцло полныхъ и пожизненныхъ: *Indulgentia plenaria et perpetua*. Объявленіями о сихъ индулгенціяхъ покрываютъ колонны, врата и стѣны почешныхъ монастырей и храмовъ. Условія, на которыхъ онѣ раздаются мірянамъ, бывающаго разныхъ родовъ, но вообще довольно легкія. Иногда требуется только выслушать пятнадцать или семь обѣденъ въ почешной церкви, чтобы имѣть полное право грѣшить въ жизни настоящей и освободиться отъ чистилища въ мірѣ будущемъ. Опытъ доказалъ, что такія мѣры, принимаемыя папшинымъ духовенствомъ, не только не утверждающаго народа въ нравственности,

но еще даютъ ему поводъ къ самымъ превращеннымъ о ней понятіямъ. Съ другой стороны, людей образованныхъ онѣ охлаждають въ самыхъ священныхъ чувствахъ благочестія и вѣры.

Въ Италіи все имѣетъ своего папрона, выбираемаго изъ сонма святыхъ: города, села, скопы и люди. Разбой превращають эту прелестную страну въ мрачный вертепъ, и, подобно лавѣ, свирѣпствуютъ отъ одного ея края до другаго. Къ тому частію способствуетъ самое ея положеніе, покрытое горами; частію раздѣленіе на мѣкіе владѣтельные участки, управляемые одинъ отъ другаго независимо. Полиція церковной области, состоящая изъ духовенства, весьма строгихъ мѣръ, употребляетъ только такія, которыя доказываютъ ея слабость. Съ шайками разбойниковъ ведетъ она переговоры, какъ бы съ войскомъ непріятельскимъ, и въ слѣдствіе пратаповъ плашишь ихъ часто конприбуціи, какъ бы завоевателямъ. Однимъ словомъ, разбой сдѣлался въ Италіи зломъ неизбежнымъ, и правительство Римское вынуждено наконецъ, какъ

увѣряюшь публичныя листы (хотя и нельзя имъ во всемъ вѣришь), назначишь нѣсколькимъ городамъ по преимуществу, чтобы успѣвшіе скрыться въ ихъ священныхъ оградахъ, могли бытъ совершенно свободными отъ преслѣдованія законовъ.

Изображенныя доселѣ нравы и обычаи принадлежатъ большею частію черни; теперь надобно сказасть нѣсколько словъ объ ученыхъ и художникахъ. Науки физическія и врачебныя находятся здѣсь въ довольно цвѣтущемъ состояніи; юридическія, по большей части, ограничиваются правомъ Римскимъ и уложеніями папскими. Университеты гордятся именами Галилеевъ и Гальваніевъ, а академіи художествъ еще и до сихъ поръ не находятъ достойныхъ соперницъ въ Европѣ. Овидій приписывалъ изящнымъ искусствамъ способность и силу смягчать нравы народовъ: такъ онѣ дѣйствовали вездѣ и во всѣ времена; но въ Италіи производяшь теперь совершенно противоположное дѣйствіе. Онѣ нужны здѣсь для того, чтобы умѣрять порывы чувствъ и воображенія, или, какъ говоритъ Аристопель, чтобы

очищают нравы обузданием излишней чувствительности. Ваяние, со времени Кановы, вступило здѣсь въ новый періодъ. Эпошъ великій геній показалъ художникамъ и возможность и способы соспязаться съ древними. Живопись, можно сказать, остановилась на одной степенн; но, по крайней мѣрѣ, сохранила всѣ блистательныя достоинства школы шестнадцатаго и шестнадцатаго столѣтій. Музыка есть спрасъ и торжество Италіянцевъ. Повидимому, во всей Европѣ есть только два рода или двѣ методы музыки, поражающія своею оригинальностію: одна Русская, другая Италіянская. Характеры той и другой опредѣляются различными характерами двухъ народовъ, различными ихъ нуждами и ощущеніями, наконецъ самымъ влініемъ различныхъ климатовъ. Музыка Русская любитъ тоны унылыя, выражаемые бемолю; музыка Италіянская отличается вѣжностію и живостію. Первая есть простое маліаніе сердца; послѣдняя — выраженіе самаго вкуса. Одна шипсь въ невѣрности и ожидаетъ генія, который открылъ бы ей новое и блистательное попри-

ще: другая же господствуетъ на спогнахъ и въ чертогахъ. Знаніе музыки въ Испаліи почитается первымъ условіемъ общежитія. Самое правишельство смоприптъ на это искусство, какъ на главную попребность государственную. Въ прошломъ году его свѣтѣйшество папа Леонъ XII произвелъ четырнадцатилѣтняго мальчика въ графское достоинство.— за то только, что паланшы его и успѣхи въ игрѣ на фортеціано подавали лестную о немъ надежду.

Въ Испаліи мало поэтовъ, но есть *импровизаторы*. Способность выражать всякой предметъ стихами безъ всякаго приговора и безъ малѣйшей оспановки есть такой феноменъ, котораго объясненіе еще на долго оспанеится загадкою для психологовъ. Обыкновенно приписываютъ ее начепливости, памяти, частому упражненію въ общихъ пѣнническихъ мѣстахъ и особенно гибкости и гармоніи языка. Къ этому надобно прибавить и вліяніе самаго климата; пошому что въ Испаліи были импровизаторы еще и въ древнія времена. Овидій, какъ навѣстно, говорилъ стихами почти

съ самаго младенческаго. Я былъ свидѣтелемъ доспопримѣчательныхъ въ эпическомъ родѣ опытовъ спарца Микели, въ городѣ Эсѣ, чпѣ въ Савойѣ. Одинъ изъ числа посѣпшителей предложилъ ему пему превращенія Лошовой жены въ соляной сполпъ. Сухость предмета принудила спарика на нѣсколько минушь задуматься и сморщиться. Потомъ онъ выступилъ на сцену и дрожащимъ голосомъ началъ пѣшь родъ прыспуна, возвышая первое и понижая послѣднее въ каждомъ стихѣ полустипшше. По окончаніи этой прелюдіи, копорая продолжалась около четверти часа и приготавлиала его посшепенно ко вдохновенію, онъ произнесъ на заданный предметъ около двухъ сотъ стиховъ, сопровождая ихъ сильными пѣлодвиженіями. Послѣ этого опыта предложили ему воспѣшь жалобы Ариадны на измѣну Тезея. Чело спарца прояснилось; и, казалось, онъ чувствовалъ приближеніе Аполлона. Начавъ равнымъ образомъ прелюдію, онъ произнесъ, не оспанавливаясь, до шрехъ сотъ лирическихъ стиховъ, въ копорыхъ удивилъ знапоковъ языка Италіанскаго правильностію спопосложенія, силою

чувствъ и новостію мыслей. Пошухающее его воображеніе, какъ говорили, еще вспыхиваетъ и бросаетъ блестящія искры.

Ораторское искусство въ большемъ упадкѣ въ Испаніи и оспаеется почти на однихъ кафедрахъ церковныхъ. Кшо не видалъ Испаніянскихъ проповѣдниковъ, и особливо молодыхъ канониковъ; шотъ не можеть вообразить, какую вольность они позволяютъ себѣ въ чтеніи и шѣлдвиженіяхъ. То расхаживаютъ взадъ и впередъ по кафедрѣ и разговариваютъ сами съ собою; шо внезапно обращаются къ слушателямъ съ громами или съ язвишельною сапирою; шо вдругъ бросаются въ кресла и, развалившись въ нихъ небрежно, обмахиваютъ себя плашкою, какъ вѣромъ.

Есть еще въ Испаніи родъ вишійшва, копорый можно назвать *пародитескииб*. Имъ завѣдываютъ обыкновенно площадные шарлашаны, говорящіе всегда шономъ напыщеннымъ о предметахъ самыхъ мѣлкихъ и низкихъ. Изъ числа ихъ обратилъ мое вниманіе одинъ зубной лѣкарь, урожденный Римлянинъ, копораго я видѣлъ въ Туринѣ. Ояъ

явился на площади въ великолѣпной колесницѣ, запряженной двумя тордыми конями. Народъ толпился вокругъ и съ неперѣбнѣемъ ожидалъ открытія рѣчи;—между тѣмъ какъ зубной врачъ, нахмуривъ брови, казался еще погруженнымъ въ глубокія думы, какъ нѣкогда Димосеенъ передъ вступленіемъ на кафедру съ важнымъ политическимъ предложеніемъ. Наконецъ онъ вспалъ съ сѣдалища, приподнявъ шляпу и началъ приступить со всею скромностію, предлагаемою въ ризорикахъ, и такимъ же почтн періодомъ, какимъ начинается рѣчь Цицеронова за законъ Манлиевъ; однимъ словомъ: операторъ-ораторъ. Лице его исполнено было выраженія; голосъ чистый и сладкій; въ лѣвой рукѣ держалъ зубные щипчики, правою дѣлалъ движенія, по большей части умѣренныя, приличныя сану оратора и ходу рѣчи. Онъ рассуждалъ, доказывалъ, плѣнялъ и прогалъ. Мѣсто, гдѣ онъ описывалъ болѣзни человѣка, есть одно изъ достопримѣчательныхъ. „Эко бѣдное швореніе, воскликнулъ онъ, раждаемое въ болѣзняхъ и умирающее отъ болѣзней, поспавлено въ семь міръ для того, чтобы во

всю жизнь свою борешься съ болѣзнями. Такъ, братья мои! Вся наша жизнь не что иное, какъ непрерывная война. Правосудное и прелблагое небо, посылающее во гнѣвъ своемъ эшихъ бичей нашей плоти, въ тоже время посылаетъ намъ крѣпкую броню и сильныхъ помощниковъ. Броня эпа — рѣшительность, помощники — искусные врачи. Но мы не хотимъ имѣть рѣшительности и отвергаемъ руку помощи, просиращемую врачами. О! какое странное и непостижимое явление въ цѣпи швореній, эпошъ человекъ, называемый существомъ разумнымъ! Онъ спраждаетъ и готовъ предпочесть цѣлую жизнь спраданій одному мгновению боли. Но что такое одно мгновение въ цѣлой жизни? — Одно мгновение? Это капля, упавшая въ обширный и неиздримый океанъ. Одно мгновение? Это молнія, мелькнувшая въ безпредѣльности небесъ. Одно мгновение? О сколько уже пролетѣло драгоценныхъ мгновеній съ той минушы, какъ я началъ съ вами бесѣдовать!“ Это единичное слово прозвело сильное волнение въ слушающихъ. Орашоръ хотѣлъ воспользоваться дѣйствиемъ

своей рѣчи и бросилъ послѣдній перунъ краснорѣчія. „Думаете ли вы, продолжалъ онъ, что корыстолюбіе водитъ мою душу и моими руками? Нѣтъ, друзья мои! Я врагъ этого низкаго чувствія; душа моя чиста, руки мои невинны. Сосраданіе, одно сосраданіе къ спраждущимъ жрѣмъ брапіямъ привело меня на эту площадь. Ну! идите сюда, кому угодно, идите; я буду дергать зубы даромъ, безъ платы.“ Заключенъ эпо, повидному, было самымъ убѣдительнымъ доводомъ и самою пріятною фигурою изъ всей его длинной рѣчи... *Oratio triumphat*, — и робкіе кресняне пошлись гусемъ къ орашору-операшору. Они сѣли на подножки коляски и сповали въ разинутыми ртами еще и въ это время, когда выдернутые ихъ зубы уже лепали надъ головою любопытной публики. Картина забавная, особливо въ профиль.

Можно бы еще многое сказать объ Ишалиянцахъ; но, къ сожалѣнію, надобно было бы говорить о предметахъ, оскорбляющихъ наблюдателя и всѣхъ друзей человѣчества.

Конецъ III-й части.

ОПЕЧАТКИ

ТРЕТЬЯ ЧАСТЬ.

стр.	строк.	Напечатано:	Исправить:
4	15	тpиугольники	треугольники
69	21	оттуда его камень	оттуда камень
128	14	Юанна д'Аркъ	Юанну д'Аркъ
144	5	королемъ	съ герцогомъ
—	10	король	герцогъ
145	9	—	—
—	15	—	—
174	12	купался	купались
207	13	возвышающаго	возвышающійся
212	5	надъ нимъ	надъ ними
243	5	Италянскій	Италійскій
250		18 Августа. 30 Сентября.	18 Августа. 30
263	23	этого	этого
264	1	освящаютъ	освѣщаютъ
299	4	святыня	святыни
302	16	четыре бронзовыя коня	— бронзовые коня
328	19	между причимъ	— прочимъ
378	13	изображеніе	изображенія